

ФБГОУ ВПО
Саратовский Государственный Университет им. Н. Г. Чернышевского

НОВЫЙ ВЕК: ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

Сборник научных трудов

ОСНОВАН В 2003 ГОДУ

ВЫПУСК 10

Под редакцией Л. Н. Черновой

Издательство Саратовского университета
2011

УДК 9(100)(082)

ББК 63.3(0)я43

Н72

Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 10/ Под ред. Л. Н. Черновой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 10. – 180 с.

ISSN 1815-8684

В очередной выпуск сборника вошли материалы научной конференции студентов и аспирантов «Новый век: человек, общество, история глазами молодых», проходившей в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского в апреле 2011 года. Сборник содержит статьи молодых исследователей из Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Пензы, отражающие многообразие и противоречивость исторического и историко-культурного развития. В центре внимания авторов - различные аспекты международных отношений, внутренней и внешней политики России, Европы и США, проблемы социокультурной и интеллектуальной истории. Важное место уделено вопросам археологии и истории российских регионов.

Для преподавателей, научных работников, студентов, аспирантов и всех интересующихся проблемами гуманитарного знания.

Редакционная коллегия:

Т. В. Черевичко, д.э.н., проф. (отв. редактор),

Л. Н. Чернова, д.и.н., проф. (зам. отв. редактора),

А. Н. Галямичев, д.и.н., проф., А. А. Герман, д.и.н., проф.,

В.Н. Данилов, д.и.н., проф., В. И. Кащеев, д.и.н., проф.,

С. Е. Киясов, д.и.н., проф., Н. С. Креленко, д.и.н.,

проф., С. А. Мезин, д.и.н., проф., С. Ю. Шенин, д.и.н., проф.

УДК 9(100)(082)

ББК 63.3(0)я43

ISSN 1815-8684

© Саратовский государственный
университет, 2011

РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В. Ю. Шелестин

Хантили I и Тахурваили: внешнеполитические устремления нечестивых правителей¹

Категория ритуальной чистоты является одной из центральных для мировоззрения эпохи ранней древности². В качестве особо значимой она рассматривалась в отношении правителей, поскольку их чистота зачастую символизировала благополучие страны. В Хеттском царстве царь являлся ритуальным символом коллектива, плодородия и благополучия своей страны, что вызывало жесткую регламентацию его поведения и обилие табу в отношении его личности³. Кризисные периоды развития государств ранней древности зачастую объяснялись носителями этого мировоззрения утратой сакральным правителем своей ритуальной чистоты, поэтому ряд правителей смутных и переломных эпох ранней древности провозглашались традицией нечестивыми. Попытка выявить подлинные истоки подобной традиции может помочь выявить реальные причины изменений в развитии древних обществ смутной поры – зачастую плохо засвидетельствованного аутентичными источниками времени. В хеттской истории в качестве примеров подобных нечестивых правителей следует рассматривать Хантили I, Тахурваили и Хаттусили II.

¹ Автор выражает признательность за помощь при работе над данной статьей к.и.н. Немировскому А.А., к.и.н. Александрову Б.Е., к.и.н. Сафронову А.В., докторам Манстер Рамеру А. и Фусканьи Ф., а также участникам дискуссии по докладу.

² См.: *Sallaberger W., Reinheit A. Mesopotamien // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Bd.11: Prinz – Samug / Streck M.P. (Hrsgb.). Berlin; N.-Y., 2008. S. 295; Mouton A. Reinheit (Pureté). В. Bei den Hethitern // Ibid. S. 299. Об особенностях понимания ритуальной чистоты в данную эпоху и представлении о сакральности в архаическом мировоззрении см.: *Андреева Л.А., Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Немировский А.А. Введение // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. С. 26–27.**

³ См.: *Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 107–112; Cohen Y. Taboos and Prohibitions in Hittite Society. Heidelberg, 2002. P. 166–169.*

В историографии нечестивость Хантили I рассматривалась в рамках историотворческой деятельности Телепину⁴, исключение Тахурваили из числа почитаемых царей вкратце объяснялось его поражением в борьбе за власть⁵, а проблеме причин хуления Хаттусили II посвящено недавнее исследование Б. Е. Александрова и А. А. Немировского⁶.

Попробуем вписать хеттских нечестивых правителей в широкий типологический контекст, что поможет разрешить некоторые вопросы их деятельности.

Для сопоставления с хеттской традицией нечестивых правителей следует привлечь данные тех домонотеистических традиций древнего мира, которые в той или иной степени наделяли политического правителя элементами сакральности. Хотя в монотеистических традициях примеры нечестия правителя более многочисленны, они иррелевантны нашему исследованию ввиду иного понимания природы царственности, равно как и традиции о нечестивых правителях античности⁷. Поэтому для сравнения привлекались данные о нечестивых правителях Древнего Египта, Месопотамии, Лидии, Персии, Индии⁸ и Мезоамерики. Поскольку хеттские нечес-

⁴ См.: *Beckman G. Hantili I // Kulturgeschichten. Altorientalistische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag. Saarbrücken, 2001. P. 58.*

⁵ См.: *Bin-Nun S.R. Who Was Tahurwaili, the Great Hittite King? // Journal of Cuneiform Studies. 1974. Vol. 26. № 2. P. 120.*

⁶ См.: *Александров Б.Е., Немировский А.А. Хаттусилис II и проблемы генеалогии Суппилулиумаса I (в печати), озвучено на III Дьяконовских чтениях в РГГУ (Москва) 11.01.2008.*

⁷ О различиях феномена сакрализации власти в доосевое и осевое время см.: *Андреева Л.А., Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Немировский А.А. Указ. соч. С. 5-10.*

⁸ Индийская традиция также не включается в наш обзор, поскольку ее данные недостаточны для типологизации в широком контексте: известные в качестве нечестивых правителей герои эпоса (например, Дурьодхана в «Махабхарате») не соотносятся с реальными историческими событиями, которые должны объяснять традицию их нечестивости, а сама традиция в большей степени принадлежит осевому времени. Впрочем, известные по «Законам Ману» (VII 41) нечестивцы признаны таковыми за отсутствие смирения, а история нечестия Вены по версии «Вишну-пураны» (I.13, 13–29) являет образец усиления авторитета правителя за счёт жречества, что соответствует рассматриваемому ниже нами первому типу нечестивости и характерно для нечестивых правителей Древней Индии (см.: *Gonda J. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View // Numen. 1956.*

тивные цари известны, прежде всего, по их внешнеполитической деятельности, особое внимание следует уделить внешнеполитической активности иных нечестивых правителей.

Ряд правителей, объявленных традициями нечестивыми, достигли наиболее сильной концентрации власти в своих руках по сравнению с предшественниками и преемниками. Так, нечестивым был объявлен в поздней традиции древнеегипетский Хуфу (Хеопс), зримое свидетельство величия власти которого пережило и эту традицию. В «сказках папируса Весткар», дошедших до нас в традиции гиксосского времени, почти тысячелетием отделённого от времен IV династии, говорится о его жестокости, следствием чего стало решение богов о смене его династии через два поколения. Примечательна отсрочка кары и сама приглушённая линия нечестивости Хуфу в памятнике, отредактированном с учётом центростремительных идеологических потребностей своей эпохи⁹. Ещё более поздний отголосок этой традиции, дошедший до нас через Геродота, связывает его нечестивость (κακότης¹⁰: Her. II 124) с пониженным положением жречества и предельным напряжением ресурсов страны. О его реальных политических шагах известно немного, в том числе ввиду плохой сохранности соответствующего фрагмента староегипетской летописи – Палермского камня, однако из него можно судить об отсутствии пренебрежения царя своими богами¹¹, а синайская надпись из Вади-Магара с текстом «Хнум-

Vol. 3. Fasc.1. P. 50). Впрочем, и этот сюжет прошел долгий путь до фиксации в «Законах Ману», отразив сосуществование и в индуистской, и в буддийской традициях неоднородных представлений о сакральности монарха (см.: *Altekar A.S. State and Government in Ancient India. Delhi, 2002. P. 95; O'Flaherty W.D. The Origin of Heresy in Hindu Mythology // History of Religions. 1971. Vol. 10. № 4. P. 311f.*).

⁹ См.: *Ладыгин И.А. «Нечестивый правитель» в религиозно-идеологической традиции Древнего Египта II тыс. до н. э. // Культурное наследие Египта и Христианский Восток (Матер. Междунар. науч. конф.). М., 2002. Вып.1. С. 168.*

¹⁰ Этот же термин им используется для описания злодеяний античных правителей вроде коринфского тирана Периандра (Her. V 92 G), в целом не имея религиозной коннотации, что подчеркивает преломление в эпоху поздней древности предания о ритуально нечистом правителе в предание о правителе, чьи действия несут людям беду.

¹¹ См.: *Перепелкин Ю.Я. Древний Египет // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладель-*

Хуфу, великий бог, поразитель троглодитов-бедуинов. Пусть будет вся защита и жизнь за ним» и рельефом, изображающим Хуфу в двойной короне на войне собирающимся поразить бедуина, которого он заставил преклонить колени, держа за волосы¹², свидетельствует о его удачливости и как воителя. Схожий пример нечестивого правителя в зените могущества являет аккадский правитель Нарам-Суэн, чьим титулом был «царь четырех сторон света», царь/бог Аккаде, энси бога Абы с включением жреческих званий, связанных с культами верховных божеств Анума, Эллиля, Эя, Астар и Анунит. Традиция вменяет Нарам-Суэну, в целях укрепления личной власти развивавшему элементы собственного культа, вину за гибель Аккаде в ниппурской шумерской поэме «Проклятие Аккаду»¹³. Правление Аккадской династии по степени своей суровости было сопоставимо с египетской IV династией, однако, в отличие от геродотовой традиции о признании нечестивыми потомков Хуфу, ниппурская традиция обвиняет в нарушении исконного порядка исключительно Нарам-Суэна. О его реальной политической деятельности нам известно более чем о Хуфу, и в том числе о внешнеполитической нестабильности: если поход против луллубеев и можно уподоблять походам Хуфу на Синай, то договор с Эламом фактически закреплял самостоятельность последнего. Но, несмотря на восстание в Кише в начале его правления, вызванное стремлением замены элит, в целом его правление увенчалось многочисленными завоеваниями, а завоевание Аккадского царства кутиями в действительности происходит лишь при его сыне. Вероятно, более резкое сосредоточение в традиции об Аккадской династии греховности на её наиболее амбициозном правителе по сравнению с IV династией

ческой цивилизации. М., 1988. Ч. 2. С. 367; *Studwick N.C., Leprohon N.J. Texts from the pyramid age.* Atlanta, 2005. P. 67f.

¹² См.: *Breasted J.H. Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to the Persian conquest collected, edited and translated with commentary. Vol.1: The First to the Seventeenth dynasties, 3 impr.* Chicago, 1927 (1906). P.75, 83; *Studwick N.C., Leprohon N.J. Op.cit.* P. 135.

¹³ См.: *Дьяконов И.М. Династия Аккаде // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации.* М., 1983. Ч. 1. С. 252; *Емельянов В.В. Шумерский календарный ритуал.* СПб., 2009. С. 205сл. См. текст: *Когда разгневанный взгляд Энлиля // От начала начал / Пер. В.К. Афанасьевой.* СПб., 1997. С. 260–269.

Египта было вызвано не столько уровнем его конфликта со жречеством, сколько более резкой сменой власти в ее конце. Наибольшей степени амбициозность правителя вступила в конфликт со жречеством в Египте Эхнатона, который совершил не просто отступление от исконного порядка, а целенаправленный и теоретически осмысленный разрыв с предшествующей религиозной традицией. Как показали И. А. Ладынин и А. А. Немировский, традиция осуждения Эхнатона прошла после его смерти путь от описания в текстах времен Тутанхамона, Эйи и Хоремхеба его как легитимного правителя, в чье правление совершилось зло, до именованя его врагом и мятежником с включением периода его царствования в число лет легитимного правления Хоремхеба при XIX династии, наконец, с обретением статуса «плохого» царя Хоремхебом, изначально функционером амарнского времени, в представлении XX¹⁴ династии. Сходная ситуация была в Бакале начала VII в. н. э., где одной из важнейших забот верховного правителя было почитание божеств-покровителей династии, и пренебрежение этой обязанностью считалось преступлением. В 612–615 гг. здесь правил Мат-Муван, замещённый К'инич-Ханаб-Пакалем I (615-683), принадлежавшим к царскому роду по женской линии. Текст «Храма надписей», созданный при преемнике и во славу последнего, описывает правление Мат-Муванана в темных красках, обвиняя того в том, что он почитал только своего собственного «бога», не уделяя внимания другим богам. Соответственно бесчестный правитель потерял власть, которая перешла к К'инич-Ханаб-Пакалю I, совершившему ритуальное очищение и нанесшему сокрушительное поражение своим врагам¹⁵.

Другие правители были объявлены нечестивыми в ходе внутриполитических конфликтов без непосредственного участия служителей культа. Таковым был правитель II династии Лагаша Наммахани,

¹⁴ См.: *Ладынин И.А., Немировский А.А.* К эволюции восприятия амарнских царей и Хоремхеба в идеологической и исторической традиции древнего Египта // *Древний Восток: общность и своеобразие культурных традиций.* М., 2001. С. 80–99.

¹⁵ См.: *Беляев Д.Д., Токовинин А.А.* Сакральная власть майяских царей (III–IX вв. н. э.) // *Сакрализация власти в истории цивилизаций / Под ред. Д.М. Бондаренко, А.А. Немировского.* М., 2005. С. 134сл.

чьё имя было уничтожено почти на всех его памятниках¹⁶ урским Ур-Намму, который исключил в своей версии «Царского списка» Лагаш из числа городов Шумера, где в прошлом пребывала предвечная царственность. Это было связано с сотрудничеством Лагаша с кутиями, которых изгнал Ур-Намму¹⁷. В Египте таким может считаться образ нечестивого Ирсу на рубеже XIII–XII вв. до н. э. по Большому папирусу Харрис, где говорится о пустых годах, когда сириец Ирсу был главным. Фактически получивший прозвище Ирсу великий начальник казны Баи в правление не вполне легитимного фараона XIX династии Сиптаха царским титулом не обладал, обладая властью, опиравшейся на иностранных наёмников, и был в итоге казнён в результате усиления вдовы предшествующего фараона Сети II Таусерт¹⁸. Эти ситуации объединяет греховность правителя, истекающая из связи с чужеземцами.

Третий тип представляют нечестивые правители-чужеземцы. В египетской традиции наиболее ярким их представителем является Камбиз, чья нечестивость подчёркивается в ее рецепции Геродотом (Нер. III 38) с религиозной коннотацией и являет воплощение иноземного зла в коптской традиции с последующим вымыванием имени нечестивца в арабской¹⁹. Вероятно, нечестивыми могли объявляться чужеземные цари-противники и при их жизни, как это случилось с лидийским Гигесом, в отношении которого в письме астролога Аккуллану ассирийскому царю Ашшурбанапалу может

¹⁶ См.: *Steible H.* Die neusumerischen Bauund Weihinschriften. Stuttgart, 1991. T. 1: Inschriften der II. Dynastie von Lagaš. S. 384; *Neumann H.* Nammahani // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 9: Nab – Nuzi / Edzard D.O. (Hrsgb.). Berlin; N.-Y., 1998. S. 135.

¹⁷ См.: *Дьяконов И.М.* Владычество Элама, кутиев и II династии Лагаша // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. С. 264, 266.

¹⁸ См.: *Сафронов А.В.* «Безымянный» сановник конца XIX династии и новые титулы «великого начальника казны» Баи // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 110–129.

¹⁹ См.: *Банщикова А.А.* Переломные эпохи в исторической традиции и сознании древних египтян (по источникам конца II тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2010. С. 12–14, 20.

содержаться намёк на несправедное осуществление власти над Лидией в период ухудшения отношений между Ассирией и Лидией²⁰.

Выделив три типа нечестивых правителей – амбициозных в конфликте со жречеством (I), жертв внутренних конфликтов в союзе с чужеземцами (II), и собственно чужеземцев (III) – следует типологизировать хеттских нечестивых правителей, исходя из известных о них традициях. Случай Хаттусили II следует признать пограничным между I и II типами, т.к. религиозная составляющая здесь, хотя и присутствует (отсылка к конфликту в первой молитве Мурсили II против чумы), не свидетельствует о конфликте со жречеством, суть конфликта заключалась в нарушении династической последовательности, а его внешняя политика в Сирии была вялотекущей.

Правление Хантили I (ок. 1590–1565 до н. э.) «Указ Телепину» (СТН 19), основной источник по хеттской истории этого времени, относит к числу неудачных²¹. Вместе с тем, этому правлению «Указ Телепину» посвящает абзацы 12–18, т. е. не меньше, чем удачливым правлениям Хаттусили I и Мурсили I вместе взятым. Отличает этого царя и, по-видимому, естественная смерть в старости, контрастирующая с насильственной кончиной его предшественника Мурсили I и преемника Циданты I²². Конечно, такое внимание Телепину к его правлению во многом связано с эпизодом при Сукции, имевшем вследствие гибели хеттской царицы и ее детей большое генеалогическое значение для документа, посвященного проблемам престолонаследия²³.

Традиционно считается, что при Хантили I происходит начало полосы упадка в Хеттском царстве, проявившегося и во внешнепо-

²⁰ См.: *Медведская И.Н.* Письмо астролога Аккуллану от 657 г. до н. э.: возвышение Лидии или победа киммерийцев? // *Древность: историческое знание и специфика источника. Матер. междунар. науч. конф., посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. М., 2009. Вып. 4. С. 80сл.; Она же. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н. э.). История Мидийского царства. СПб., 2010. С. 200–205.*

²¹ См., напр.: *Старостин М.Б.* Указ древнехеттского царя Телипину // *Древний Восток и античный мир / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2000. Вып. 3. С. 94.*

²² Иначе см.: *Peruzzi G.* Storia e civiltà degli hittiti. Napoli, 1950. P. 46.

²³ См.: *Astour M.C.* Hittite History and Absolute Chronology of the Bronze Age. Partille, 1989. P. 21.

литических поражениях²⁴, несмотря на попытки сохранить достижения предшественников²⁵. Вместе с тем, как мы показали, сами действия Хаттусили I и Мурсили I на сирийском направлении были весьма неоднородны, а вернувшийся из вавилонского похода Мурсили был убит при непосредственном участии Хантили. Кажется бы, насильственная смена правителя оппозиционно настроенной знатью должна была означать и изменение внешнеполитических приоритетов. Однако нам известны случаи столкновения с оппозицией самого Хантили I в эпизоде при Сукции, когда объединились его внешние и внутренние враги²⁶, и в конце его жизни, когда его прежний соратник Циданта прокладывал себе путь к престолу по трупам законных престолонаследников (СТН 19 §18). Это свидетельствует о принадлежности Хантили I только к одной из группировок, не разделявших взгляды на экспансию позднего Мурсили I. От Хантили I до нас, возможно, дошло несколько анналистических произведений, которые в значительной степени содержат информацию о Мурсили I. В одном из таких произведений, «Повествовании о Вавилонском походе Мурсили I» (СТН 10.2), как отмечают исследователи²⁷, неоднократно подчеркивается обобщение деятеля как хеттов вообще. Вместе с тем, постоянное указание рассказчика на свою сопричастность действию, выражаемое формами I Pl. глаголов (КВо III 45 4', 8', 9', 10') и притяжательных местоимений (КВо III 45 5', 6', КВо XXII 7 2', 5'), может передавать здесь и его сочувствие подобным экспансионистским устремлениям. Однако сама атрибуция этого текста Хантили I при отсутствии его упо-

²⁴ См.: *Güterbock H.G.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200 // *Zeitschrift für Assyriologie*. 1938. Bd. 44. H.1/2. S. 138f.; *Hardy R.S.* The Old Hittite Kingdom. A political history // *American Journal of Semitic Languages and Literatures*. 1941. V. 58. P. 206; *Albright W.F.* Syrien, Phönizien und Palästina // *Historia mundi*. Bern, 1953. Bd. 2. S. 345; *Otten H.* Hethiter, Hurriter und Mitanni // *Fischer Weltgeschichte*. Frankfurt am Main, 1966. Bd.3: Die altorientalische Reiche II. Das Ende des 2. Jahrtausends. S. 121.

²⁵ См.: *Delaporte L.* Les Hittites. Paris, 1936. P. 65; *Ардзинба В.Г.* Хеттское царство и эгейский мир // *История древнего Востока. Зарождение классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 2. С. 132сл.

²⁶ См.: *Гуоргадзе Г.Г.* Хетты и хурриты по древнехеттским текстам // *Вестник древней истории*. 1969. № 1. С. 83.

²⁷ См.: *Soysal O.* Mursili I – eine historische Studie. Würzburg, 1989. S. 164.

минания здесь, предложенная Хоффнером, основывалась на его понимании деятеля, который *nu m]an salais attas uttar p[essiat* «и когда он восстал, отбросил слово царя» (КВо III 45 11') как Мурсили I²⁸. В свое время нами было предложено отнесение этих строк не к Мурсили I, а его вассалу²⁹, которое, несмотря на последние сомнения в интерпретации глагола *salais*³⁰, лишает уверенности представления об авторстве текста. Но если автор все же – Хантили I, он ощущает свою причастность к Вавилонскому походу.

Другая группа фрагментов, относимых к тому же тексту (СТН 10.1), упоминает действия Хаттусили I, Мурсили I и Хантили I. Здесь действия Хаттусили I и Мурсили I воспринимаются одобрительно: уничтожение окрестных враждебных стран, увеличение богатств страны, достижение моря и Вавилона. О деятельности самого Хантили I там говорится мало, что может свидетельствовать о меньшей активности Хантили I во внешней политике. Но если автором является он сам, здесь ничего не говорится об отличиях его в идеологии от Хаттусили I и Мурсили I.

Еще одна группа фрагментов, авторство которых также приписывают Хантили, обычно I³¹ – СТН 11 «Повествование о войнах с Алеппо». Здесь, как и в СТН 10.1, вначале идет речь об однозначно доблестных царях Хаттусили I и Мурсили I. Мурсили I покоряет вражеские страны, депортирует их население и наполняет их имуществом Хаттусу, исполняет заветы Хаттусили I относительно Хальпы и покоряет Вавилон. После следующей за этим лакуны речь идет о действиях, совершаемых автором текста, причем называется имя Хантили, что свидетельствует о том, что это Хантили I ведет речь о

²⁸ См.: *Hoffner H.A. Jr. Propaganda and political justification in Hittite historiography // Unity and Diversity. Essays in the History, Literature and Religion of the Ancient Near East. Baltimore; London, 1975. P. 57f.*

²⁹ См.: *Шелестин В.Ю. Хеттская оккупация Вавилона (К реконструкции Вавилонского похода Мурсили I) // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. М., 2008 // URL:http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/Shelestin1.pdf*

³⁰ См.: *Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008. P. 708.*

³¹ Иначе см.: *Carruba O. Stato e società nel Medio Regno Eteo // Stato Economia Lavoro nel Vicino Oriente antico. Milano, 1988. P. 203.*

своей деятельности. Он противопоставляет себя прежним царям, не строившим крепости, рассказывая о постройке при нем крепостей по всей стране и восстановлении Хаттусы. Таким образом, и СТН 11 говорит не о разрыве Хантили I с идеологическими традициями предшественников, а о большей активности в восстановлении страны после нашествия неназванного врага, вероятно, хурритов.

Прочие тексты, свидетельствующие о деятельности Хантили I, происходят от времени Телепину – СТН 19 (УТ) и СТН 655 (очищение Каласмы). Относительно текста СТН 655 в последнее время было доказано, что он относится к Хантили I, а не Хантили II, как думали ранее³², ввиду упоминания наряду с ним Мурсили I. Как теперь предполагается, текст был составлен Телепину для очернения Хантили I, который показан здесь нечистым правителем, допустившим культовые нарушения в северном городе Каласма и не исправившим их. Поскольку со времен последнего издания Бекмана были выявлены дополнительные фрагменты данного текста, и изменился порядок чтения³³, а на русском языке он не издавался даже частично, приведём здесь его перевод: (HFAC 40 ЛС) 2']сестра Мурсили/3'...и] Хантили/4'...и] Мурсили сестра/5'...уб]ил, и боги/6'... в Хаттусу/7'...л]озу часть (KBo III 63 ЛС I) 2' ...]держал он, ко[тор]ый ж[е] жив [.../3' Из Каласм]ы же затем опять не/4'... не спросил он никакого авгура/5'...в]ойско он очистил/6' [н]азад карающего Бога Грозы [н(е)] поставил/7' [(и) во]йско Хантили вверх/8' [(увё)]л, и в Хаттусе во дворец/9' [(нечистоту X)]антили принес//10' [(Кала)с(ма)] затем очистился,/11' [и (туда бог)]а (Грозы?) они установили./12' [(Войско)] бог [н]е побил,/13' [(и Каласм)]а очистился./14' С[(ам же) X(антили)] снова не очистился/15' [и (он е)щё н]е пришёл, и нечистоту/16' [Ха]нтили принёс//17' [К(ому зна)мени]я, которые случаются//(II)1' ... богу .../2'бог их ногам//[3' и козла режут, и его с/4' сжигают, бухан[ки/5' варварские полностью съедаю]т/6' мясо же не дают [/7' но его режут. Мёртв[ого/8' И они домой возвращаю]тсЯ//9' Но вновь Солнечному Божеству одного

³² См.: Ibid. P. 204.

³³ См.: Soysal O. Beiträge zur althethitischen Geschichte (III). Kleine Fragmente historischen Inhalts // Zeitschrift für Assyriologie. 2005. Bd. 95. S. 135. После этой работы Сойсала 23 марта 2009 г. Фусканьи был выявлен дополнительный джойн KBo LIV 156.

коз[(ла)/10' снаружи же режут, 3 [(буханки себе преломляет,)/11' сырое мясо, голо[(ву козла,)/12' ноги их, кожу к[(озла, плечо,)/13' грудинку берёт. Пече[(нь варят,)/14' И ее на буханки [(кладет)/15' и козла вар[(ят)/16' мясо наверх [..(ют)/17' и буханки к[(ислые(?))(берут,)/18' а щепу у[даля(ют)(?) (HFAC 40 OC) 3' помазанники, «бог[о]матери» [/4' Богу Грозы и (прочим) богам есть, пит[ь/5' лирник по большой лире Бога Грозы [и] (прочих) богов[/6' А в Хаттусу в храм Богини Солнца Земли [/7' Богине Солнца Земли так говорит [/8' «Кровь почему умножилась? А плач[почему/9' стал всеобщим, Богиня Солнца Земли, госпожа моя?[/10' [хх огр]аду (?)ты хорошо сделай (?)!».

О его внешней политике здесь ничего, на первый взгляд, не говорится, однако сказано, что Хантили не спрашивал предсказаний и не очищал войско, с которым и принес во дворец Хаттусы нечистоту, пройдя через Каласму, которая очистилась сама по себе. Это может указывать на поход в направлении Каласмы, т. е. внешнеполитическую активность этого царя в северном направлении, которое не слишком привлекало Хаттусили I и Мурсили I. С другой стороны, упоминания о борьбе Хантили с касками следует относить к Хантили II³⁴, поэтому его поход в этом направлении является не ответом на разрушение Хаттусы, а экспансионистским. Для Телепину, чья внешнеполитическая деятельность протекала в основном на юго-востоке Анатолии, заслуживающим осуждения мог показаться сам поворот на север.

Наконец, УТ говорит о внешнеполитической и военной активности Хантили I много и подробно, но сам текст весьма фрагментарен. Выделяются основные блоки текста УТ о правлении Хантили I: походы на Аштату, Хурпану, Каркемиш и еще один город – все в Северной Сирии, приведшие к расстановке там гарнизонов; возвращение через Тегараму и, возможно, отмежевание себя от Циданты; борьба с хурритами, набегавшими на Хатти; эпизод в Сукции и гибель там царицы Харапсили, закончившийся наказанием правителя Сукции; убийство Цидантой потомков и приближенных находившегося на смертном одре Хантили.

Таким образом, видны расхождения в идеологии Хантили I и Циданты I после похода Хантили I в Северную Сирию, возможно, основывающиеся на предпочтении Хантили I управления поко-

³⁴ См.: Carruba O. *Opt. cit.* P. 200-202.

ренными территориями непосредственно военным правлением, тогда как Циданта I, как и Аммуна в начале правления, мог предпочитать удельную систему, не совпадавшую с принципами вассализации Мурсили I. Правление Хантили I не привело Хеттское царство к утрате позиций во внешней политике, его деятельность была направлена на укрепление позиций Хатти на сирийском (юго-восточном) и черноморском (северном) направлениях, где был покорен ряд городов. Внутри анатолийских владений Хатти им были возведены мощные оборонительные системы, которые наряду с последовавшей смутой в Ханигальбате надолго избавили Хатти от хурритской угрозы, а также, по всей вероятности, ликвидировано вассальное княжество в Сукции. В идеологии он, возможно, терпит поражение, поскольку его взгляд на принципы внешней политики не нашли продолжения в правление непосредственного преемника Циданты I и подверглись очернению со стороны Телепину, что относит его к нечестивцам I типа. Однако в практическом применении его политика не была неудачной, царь умер естественной смертью, и многое из его начинаний будет взято на вооружение Аммуной, признанным традицией в качестве великого царя.

Тахурваили – один из наименее известных хеттских царей, правивший в среднехеттский (между Телепину и Тудхалией I/II) период. Поскольку его имя не сохранил ни один поминальный список хеттских царей и их родственников, о существовании такого царя стало известно лишь благодаря обнаружению в 1969 году его договора с киццуваднским царем Эхеей³⁵. Этот договор является единственным источником по внешнеполитической деятельности данного царя, из которого следует приоритетность для него отношений с Киццувадной. Исходя из анализа его текста в сопоставлении с хетто-киццуваднскими договорами между Телепину и Спудасу и между неизвестным хеттским царём и Паддатишу нами был сделан вывод о промежуточном характере договора Тахурваили по отношению к этим договорам. В случае, если хеттским контрагентом Паддатишу был не Аллувамна, это может означать большую успешность внешней политики Тахурваили по сравнению с Аллувамной. В этом случае следует искать причины *damnationis memo-*

³⁵ См.: *Otten H.* Das Siegel des hethitischen Großkönigs Tahurwaili // *MDOG.* 1971. Bd. 103. S. 66f.

гiае данного правителя не в его внешнеполитической деятельности, поскольку ни одной неудачи его в этом плане нам неизвестно, а, как и в случае с Хаттусили II, в его династическом положении. Такая нечестивость не относится ни к I, ни к III типу, а значит, следует, по аналогии с другими нечестивыми правителями II типа, предполагать опору на иноземцев. Её можно обнаружить, изучая развитие хетто-киццуваднской традиции договоров, в которых прослеживается тенденция к преобладанию порядка именования сначала хеттских, а затем киццуваднских деятелей. Но в договоре Тахурваили с Эхеей говорится сначала о посылке войск помощи из Киццувадны в Хатти, а уж затем из Хатти в Киццувадну (*КВо XXVIII 108 8'-14'*), что может свидетельствовать о большой необходимости в том для Тахурваили. Значит, киццуваднские войска могли быть той иноземной силой, на которую опирался Тахурваили в ходе вероятного династического конфликта с Аллувамной, и которая стала источником его нечестивости, приведшей к забвению данного царя.

Сближает Тахурваили с Хаттусили II и механизм изъятия из исторической памяти – если Хантили I известен по данным поздней традиции, то более поздние нечестивые правители не включаются в поминальные списки, и их имена не упоминаются потомками вовсе или упоминаются в смутных контекстах. Вполне вероятно, что в разнице отношения хеттской исторической памяти к разным нечестивым царям сыграло большое значение само развитие механизма забвения, находящее параллели и в других культурах древнего Востока. Возможно, именно в таком отношении к исторической памяти следует искать одну из сущностных характеристик Среднехеттского царства, без обнаружения которых исследователи отказывают в праве выделять подобный исторический период.

Переговоры 1439 года в Кале в контексте англо-бургундских отношений: Аррас наоборот?

Переговоры 1439 г. обычно воспринимаются историками как очередная неудачная попытка Генриха VI Ланкастерского и Карла VII Валуа договориться о том, кто из них должен править во Франции¹. В самом деле, на развитие англо-французских отношений эта конференция не оказала значительного влияния. Однако, если считать бургундское герцогство не частью Франции, а самостоятельным участником международных отношений (что позволяет некоторым исследователям говорить о бургундском государстве), и рассматривать переговоры как трехсторонние, картина будет несколько иной. В отличие от Франции, Бургундия, а в некоторой степени и Англия, сумели извлечь из конференции определенные выгоды и могли бы считать ее хотя бы отчасти успешной для себя. Для обоснования этой позиции следует рассмотреть развитие отношений между Англией и Бургундией в предшествующие годы.

Определяющим событием для англо-бургундских отношений к 1439 г. был Аррасский конгресс 1435 г., в ходе которого Филипп Добрый, герцог Бургундский, признал Карла VII Валуа законным королем Франции. С этого момента в глазах английского правительства бургундский герцог стал виновным в измене своему сюзерену, законному королю Англии и Франции Генриху, хотя условия Аррасского договора и не обязывали его вступать в войну против Англии. Более того, он был полностью освобожден от всяких вассальных обязательств по отношению к Карлу VII, за исключением признания его в качестве своего сюзерена (ст. 28–29)². В последующие месяцы ситуация все более накалялась: английский совет старался из-

¹ См., напр.: *Keen M.H.* England in the Later Middle Ages. A political history. 2nd Ed. L.; N.-Y., 2003. P. 314–315; *Бёрн А.* Битва при Азенкуре. История Столетней войны с 1369 по 1453 год / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2004. С. 285; *Перфуа Э.* Столетняя война / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. М.; СПб., 2006. С. 397.

² См.: *Les Grands Traités de la Guerre de Cent Ans* / Publ. par E. Cosneau. Paris, 1889 (далее Cosneau). P. 143–144.

бежать войны еще и с Филиппом Добрым, не идя, однако, ни на какие уступки. Тот же, по всей видимости, слишком опасался нападения англичан в отместку за измену. В итоге к началу весны 1436 г. Филипп Добрый решил захватить Кале и таким образом ликвидировать английский анклав в своих владениях и изменить к своей выгоде сложившуюся систему торговли шерстью. В этом его поддержали жители Фландрии и Пикардии, в то время как голландцы и зelandцы дистанцировались от участия в войне и смогли даже сохранить торговые отношения с Англией³.

Осада Кале, предпринятая летом того же года, окончилась катастрофическим провалом: армия герцога, составленная преимущественно из ополчений фламандских городов, была обращена в бегство. Вслед за этим в августе английское войско герцога Глостера произвело разорительный рейд по Фландрии. В 1437 г. неудачей окончилась попытка осадить английскую крепость Ле Кротуа в устье Соммы. После этого военные действия затихли, поскольку силы Филиппа Доброго были истощены, а англичане с самого начала сосредоточили свои военные усилия главным образом в Нормандии и Иль-де-Франсе.

К 1438 г. для обеих сторон имелся ряд причин стремиться к восстановлению мирных отношений, некоторые из которых заслуживают специального упоминания.

Для англичан наиболее важным фактором стало расширение пространства войны с Францией. В 1438 г. французы начали активные военные действия в Гаскони, создав угрозу Бордо⁴, и в следующем году англичане были вынуждены отправить туда войска под командованием графа Хантингтона. Хотя к этому времени военные действия против Бургундии носили спорадический характер, снижение расходов на противостояние должно было выглядеть крайне желательным.

³ О нашей оценке англо-бургундских отношений осенью 1435 г. – весной 1436 г. см.: *Лобанов А.М.* Бургундский вопрос в Англии после Аррасского конгресса (1435–1436 годы) // *Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов / Под ред. Л.Н. Черновой.* Саратов, 2010. Вып. 9. С. 70–81.

⁴ См.: *Фавье Ж.* Столетняя война / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб, 2009. С. 541.

Это было тем более верно, что английский бюджет существенно пострадал от войны с Филиппом Добрым. Города Фландрии, главные покупатели английской шерсти, оказались противниками в войне, вследствие этого объемы экспорта шерсти резко упали, и корона лишилась одной из важнейших статей дохода, которой традиционно были вывозные пошлины на шерсть. В 1436–1437 гг. пошлин, получаемых казной со стапля в Кале, было недостаточно даже для выплаты жалования гарнизону этого города⁵.

В свою очередь и у бургундской стороны имелся ряд причин для начала переговоров. Необходимо отметить ряд экономических факторов, первым из которых является отсутствие ввоза английской шерсти, основного сырья для сукнодельческой промышленности городов Фландрии. Такое положение дел привело к ряду городских восстаний в 1436–1438 гг. Один из советников Филиппа Доброго, Хью де Ланнуа, основываясь, вероятно, на опыте XIV в., уже в конце 1436 г. предупреждал герцога о том, что города могут пойти на союз с Англией⁶. Кроме того, предпринятая совместно с Ганзой попытка эмбарго на торговлю английским сукном, призванная защитить интересы фламандских сукноделов⁷, провалилась после того, как в 1437 г. Англия заключила с Ганзой чрезвычайно выгодный для английских купцов торговый договор. Таким образом, Ганза обозначила свою позицию в англо-бургундском конфликте, что могло восприниматься бургундской стороной как определенная угроза. К тому же в 1438 г. Голландия и Зеландия, до того остававшиеся нейтральными, оказались сами вовлечены в войну с Ганзой⁸. Если

⁵ Так, в парламенте 1437 г. обсуждался вопрос о назначении дополнительных средств для выплаты жалования гарнизону в случае, если налоговых отчислений будет недостаточно (см.: *The Parliament Rolls of Medieval England 1275–1504. Vol. XI Henry VI. 1432–1445 / Ed. By Curry A., gen. ed. C. Given-Wilson. L.; Woodbridge, 2005. P. 204, 209).*

⁶ Меморандум Хью де Ланнуа 1436 г. опубликован в английском переводе с некоторыми сокращениями в издании: *Vaughan R. Philip the Good: The apogee of Burgundy. Woodbridge, 2002. P. 102-107. См. также, напр.: Warner M. Calculation and Miscalculation in Fifteenth-Century Politics: the Memoranda of Hue de Lannoy // Nottingham Medieval Studies. 2005. Vol. XLIX. P. 113.*

⁷ См.: *Munro J.H. An Economic Aspect of the Collapse of the Anglo-Burgundian Alliance, 1428-1442 // The English Historical Review. 1970. № 85. P. 236–237.*

⁸ См.: *Munro J.H. Opt. cit. P. 240; Vaughan R. Opt. cit. P. 92-93.*

раньше товары из воюющих бургундских владений могли вывозиться нейтральными голландцами и зеландцами, то с началом этой войны вся морская торговля владений бургундского герцога оказалась под угрозой.

Важным фактором была и внутривластная обстановка во Франции. Усиление власти Карла VII вызывало опасения принцев крови, не пользовавшихся влиянием при дворе, таких как герцоги Бурбонский, Алансонский и Бретонский. Более того, корона стала посягать на такие привилегии принцев как право держать частные армии и права в области налогов. Возникла почва для формирования оппозиционного блока высшей французской знати, который мог бы стремиться склонить короля Франции к миру с Англией, как это и произошло в 1440–1442 гг.⁹

Однако для начала переговоров между Бургундией и Англией имелся ряд препятствий. Вероятно, наиболее важным из них было то, что после Аррасского договора Филипп Добрый стал для англичан *persona non grata* как изменник королю Франции Генриху. Любые соглашения с ним легитимизировали бы его измену, а значит, подрывали бы претензии Генриха VI на французский трон. С другой стороны, Аррасский договор (ст. 32) обязывал Филиппа Доброго не заключать никаких соглашений «во всем, что касается войны между Францией и Англией» без согласия Карла VII¹⁰.

Выход из этого тупика, по всей видимости, был найден бургундской дипломатией. В 1437 – начале 1438 гг. ряд представителей бургундских Нидерландов посетил Англию под предлогом паломничества к мощам Св. Томаса Бекета в Кентерберии¹¹. В течение следующих месяцев продолжились переговоры по обеспечению торговых интересов Голландии и Зеландии, а затем и Фландрии. Можно предположить, что именно включение в переговорный процесс Фландрии, являвшейся вассальной территорией французской короны, потребовало проведения трехсторонних переговоров, в то

⁹ См.: *Перруа Э.* Указ. соч. С. 389, 392.

¹⁰ См.: *Cosneau.* P. 145.

¹¹ М.Р. Тьельман указывает, что бургундские посланцы просили об охранных грамотах, в которых в качестве цели их пребывания в Англии были бы указаны переговоры, но в таких охранных грамотах им было отказано (см.: *Thielemans M.-R.* *Bourgogne et Angleterre: Relations politiques et économiques entre Pays-Bas Bourguignons et l'Angleterre, 1435–1467.* Bruxelles, 1966. P. 115–116).

время как договорённости по проблемам Голландии и Зеландии были, по-видимому, достигнуты в двустороннем формате.

Для подготовки таких трехсторонних переговоров Изабелла Португальская, герцогиня Бургундии, встретила в декабре 1438 г. с кардиналом Генрихом Бофором. Там, в присутствии также и французской делегации (впрочем, непредставительной), обсуждались возможные место и время проведения полномасштабной мирной конференции. Поскольку ожидалось участие герцога Карла Орлеанского, находившегося в английском плену, англичане предложили для проведения конференции либо окрестности Кале, либо Шербур, вероятно, считая предложенные французами для переговоров города в Нормандии недостаточно безопасными. Более того, в случае проведения переговоров в Кале английское правительство брало на себя расходы по содержанию пленного герцога, тогда как в Шербуре герцог был бы обязан заплатить значительную сумму за своё участие в переговорах. М. Р. Тьельман указывает на бургундскую заинтересованность в проведении переговоров в Кале¹² (благодаря этому в период последовавшей конференции Филипп Добрый находился поблизости, в Сент-Омере, что позволяло ему быть полностью в курсе хода переговоров, а при необходимости проводить консультации со своими представителями). На наш взгляд, то, что подобное предложение поступило от английской стороны, свидетельствует о наличии определенного сотрудничества между англичанами и бургундцами уже на стадии подготовки конференции. Еще одним свидетельством такого сотрудничества стало заключение временного перемирия в районе Гравлина-Кале, причем подданным одной стороны разрешался въезд на территорию другой при наличии охранных грамот. Это перемирие также позволило отчасти возродить торговлю через стапель в Кале (мэр которого входил в число лиц, уполномоченных выдавать охранные грамоты)¹³.

Полномочия, выданные английским послам, демонстрируют три уровня, на которых должны были вестись переговоры¹⁴. Деле-

¹² См.: *Thielemans M.-R.* Op. cit. P. 120–122.

¹³ См.: *Ibid.* P. 122.

¹⁴ См.: *Foedera, conventiones, litterae et cujuscunque generos acta publica inter regis Angliae et alios quovis imperatores, reges, pontifices, principes vel communitates* / Ed. by T. Rymer. L., 1710, Vol. X. P. 728–733.

гации, назначенные для переговоров об общем мире, были почти столь же представительны, как в 1435 г. в Аррасе. Английскую делегацию, состоявшую из представителей и от английских, и от французских владений Генриха VI, возглавляли архиепископ Йоркский и герцог Норфолк. Кроме них в делегацию входили также епископы Лизьё, Нориджа и Сент-Дэвида, графы Оксфорд и Стаффорд, лорды Хангерфорд и Буршьё¹⁵. Французское посольство, возглавлявшееся графом Вандомом и канцлером Франции, архиепископом Реймским, было не менее солидным.

Состав уполномоченных для переговоров с представителями Фландрии и Брабанта был более скромным: в нём не было представителей светской титулованной знати, вероятно, потому, что это посольство не должно было обсуждать вопросы войны и мира. Отсутствовали также представители Ланкастерской Франции, чьи интересы, по всей видимости, не были затронуты.

Наконец, делегация, назначенная англичанами для переговоров с представителями Голландии и Зеландии о возмещении ущерба, состояла только лишь из нескольких купцов и юриста, которые должны были обсуждать чисто технические вопросы компенсаций.

Не будем останавливаться на подробностях хода и протокола англо-французских переговоров, поскольку они достаточно подробно описаны в статье К. Олманда¹⁶. Переговоры начались 6 июля между Гравлином и Кале. В отличие от Аррасского конгресса посредниками выступали не представители высших церковных вла-

¹⁵ Двое последних, хотя и были англичанами, но имели значительные владения в Нормандии и могли выступать и как представители французских владений Генриха VI. Кроме них французскую часть делегации составляли уже упомянутый Пьер Кошон, епископ Лизьё, Жиль де Дюремон, аббат Фекана, Гильом Эрар, доктор теологии и Жан де Ринель, королевский секретарь.

¹⁶ См.: *Allmand C.T. The Anglo-French Negotiations, 1439 // Bulletin of the Institute of the Historical Research. 1967. Vol. XL. P. 1–33.* Важными источниками о ходе переговоров являются два журнала переговоров, один из которых был опубликован Х. Николасом (см.: *Proceedings and Ordinances of the Privy Council / Ed. by H. Nicolas. L., 1835 (далее - РОРС). Vol. V. P. 335–407*), а другой вместе с рядом прочих документов, относящихся к конференции, опубликовал К. Олманд (см.: *Documents relating to the Anglo-French Negotiations, 1439 / Ed. by C.T. Allmand // Camden Miscellany. L., 1972. Vol. XXIV. P. 79–149*).

стей, а герцогиня Бургундская и кардинал Бофор, представлявшие участвующие стороны и имевшие особые полномочия.

Первоначальные условия, выдвинутые двумя сторонами, были взаимоисключающими и требовали отказа противной стороны от притязаний на французский трон. После того как стало ясно, что вопрос об окончательном мире неразрешим, благодаря усилиям посредников, переговоры продолжились в надежде добиться хотя бы перемирия.

В конечном итоге французы предложили заключить длительное перемирие, в течение которого Генрих VI не будет пользоваться титулом короля Франции, освободит без выкупа герцога Орлеанского, а также восстановит во владениях всех сеньоров, чьи земли были конфискованы в ходе английской оккупации. Было решено отправить эти условия в Лондон для рассмотрения в королевском совете, где они подверглись справедливой разгромной критике со стороны герцога Глостера.

Когда английские послы в условленный срок вернулись в Кале для продолжения переговоров, оказалось, что французы не намерены их продолжать, и французская делегация в Кале не прибыла, однако, прежде чем англичане вернулись в Лондон, была выдвинута новая инициатива – герцогиня Изабелла предложила возобновить обсуждение вопросов англо-фламандской торговли. Переговоры начались 19 сентября, а уже через десять дней, 29 сентября, был заключен торговый договор.

С формальной точки зрения англо-фламандский договор 1439 г.¹⁷ предстает двусторонне-сепаратным соглашением, заключенным представителями ряда нидерландских земель, подвластных бургундскому герцогу, являющемуся в свою очередь вассалом короля Франции, с представителями английского королевства, входящего в состав двуединой англо-французской монархии Ланкастеров. Более того, бургундский герцог даже не упоминается в договоре, а высшей инстанцией с бургундской стороны выступает герцогиня, еще ранее уполномоченная своим мужем решать экономические вопросы, которых, собственно, и касается договор. Такая формулировка позволила обеим сторонам сохранить лицо в от-

¹⁷ Текст этого договора на французском языке опубликован в качестве приложения в кн.: *Thielemans M.R. Opt. cit.* P. 443–53.

ношении взятых на себя ранее обязательств: Филипп Добрый дистанцировался от заключения какого-либо договора с англичанами, что стало бы нарушением одной из статей Аррасского договора, англичане же в свою очередь не подвергали сомнению свое право на корону Франции посредством соглашений с герцогом-изменником.

Географически договор затрагивал Англию, Ирландию и Кале (то есть английскую часть двуединой монархии), с одной стороны, и Фландрию, Брабант и Малин – с другой. Заслуживает внимания отсутствие упоминания французских владений Генриха VI (вероятно, в связи с тем, что они не были так сильно, как английские, экономически связаны с Нидерландами, а также в силу неопределённости их статуса в рамках вопроса о французской короне) и Голландии и Зеландии (отношения с которыми, по-видимому, не рассматривались как враждебные).

Договор не содержал никаких взаимных обязательств о прекращении военных действий, но лишь об учреждении маршрута, по которому купцы обеих сторон могли бы перемещаться между Кале и Гравлином, не подвергаясь опасности. Разрешалась торговля любыми товарами, кроме имеющих военное значение (оружие, порох, пушки). Также оговаривалась безопасность торговых и рыбацких судов, декларировалось их право в случае необходимости укрываться в портах и гаванях противоположной стороны. Таким образом, торговые отношения между Англией и бургундскими Нидерландами восстанавливались, несмотря на то, что сохранялась возможность продолжения войны на суше и даже на море – например, в случае столкновения военных флотов. Более того, согласно содержанию договора, под его защиту попадали только определённые категории лиц: купцы, рыбаки, паломники и клирики, едущие на собор и с собора, всех же остальных он не касался. Однако несомненно, что крупномасштабные военные действия между странами, тесно связанными торговыми узами, были крайне маловероятны.

Нельзя не усмотреть схожесть дипломатических маневров бургундской стороны в переговорах 1435 и 1439 гг. Не отрицая возможного стремления герцога и герцогини Бургундских к урегулированию англо-французского конфликта, следует признать, что в обоих случаях переговоры об окончательном англо-французском

примирении использовались ими как ширма для достижения своих целей – в первом случае, примирения с Карлом VII, во втором – восстановления торговых отношений с Англией. В свою очередь два главных участника на обеих конференциях оставались в плену своих амбиций, связанных с французской короной, и демонстрировали крайне мало желания достичь каких-то взаимно приемлемых условий. Пожалуй, единственной серьезной попыткой выйти из тупика было поступившее от англичан предложение признать параллельное существование во Франции двух королей, ссылаясь на каролингский прецедент, отвергнутое, впрочем, французской стороной¹⁸.

Несмотря на всю дипломатическую мишуру и значительные недоговоренности, значение переговоров 1439 г. было не меньшим, чем переговоров в Аррасе в 1435 г. Всплеск англо-бургундской вражды миновал, и страны вернулись к традиционному сотрудничеству, хотя, конечно, не столь явному, как в 1420–1435 гг. Если Аррасский договор сам по себе не означал перехода от союза к войне, то и договор 1439 г. формально не подразумевал перехода от войны к миру, но фактически знаменовал начало нового этапа в англо-франко-бургундских отношениях, этапа, на котором союз бургундского и орлеанского домов и других оппозиционно настроенных представителей высшей знати Франции будет пытаться склонить Карла VII к миру или перемирию с Англией. С этой точки зрения представляется вполне возможным говорить о конференции 1439 г. как об «Аррасском конгрессе наоборот».

¹⁸ См.: POPC. Vol. V. P. 361.

**У истоков советско-турецких отношений:
миссия М.В. Фрунзе**

20–30-е гг. XX столетия являются уникальным периодом в истории советско-турецких отношений. Советско-турецкая дружба, зародившаяся в годы напряженной борьбы турецкого народа против иностранных интервентов за национальную независимость, росла и крепла на почве борьбы за мир, за возможность самостоятельного развития экономики и культуры, и на долгие годы останется образцом, к которому вновь и вновь будут обращаться новые поколения историков, политиков и простых людей. Впервые за несколько сотен лет два сильнейшие государства региона, извечные соперники, протянули друг другу руку дружбы. Двухсотлетняя история войн и конфликтов была перечеркнута ради светлого будущего своих народов. Однако не стоит идеализировать прошлое. Страны, несмотря на отдельные попытки с обеих сторон, так и не стали союзницами на длительный срок. В отношениях, сопряженных с периодами «охлаждения» и дипломатического сотрудничества, возник кризис доверия, порожденный Пактом Молотова-Риббентропа 1939 г., еще более обострившимся в период «холодной войны».

Отношения современной России и Турции не поддаются однозначной характеристике. На сегодняшний день наши страны – взаимозависимые экономические союзники, активные участники культурного диалога, миролюбивые соседи, но вместе с тем – принципиальные геополитические конкуренты. Обращение к истокам советско-турецких контактов поможет, возможно, двум государствам определиться со «статусом» взаимоотношений, понять и, наконец, сформулировать те основные принципы и догматы, которые будут положены в основу будущих контактов России и Турции. Актуальность заявленной темы можно объяснить и проблемами, имеющими на сегодняшний день место в Кавказском регионе. Кавказ был и остается важнейшим объектом споров и конфликтов. На протяжении нескольких сотен лет он являлся стыковой перифери-

ей трех держав – Российской империи, Персии и Оттоманской империи. Договоры же 1921–1923 гг. между Советскими республиками и кемалистской Турцией положили начало новой геополитической системе Кавказа, а вместе с тем, основали целую череду территориальных, экономических и социально-культурных споров.

Большинство исследователей по советско-турецким отношениям придерживаются точки зрения, согласно которой сближение двух стран было продиктовано международной обстановкой¹. Будто бы международная изоляция и мировая враждебность толкнули Советскую Россию и кемалистскую Турцию в «узы дружбы». Нам же хотелось продемонстрировать влияние личного фактора, в лице М. В. Фрунзе, на установление дружественных дипломатических отношений.

В ноябре 1921 г. Михаилу Васильевичу пришлось выполнять важное дипломатическое задание правительства Украинской Советской Социалистической Республики: он был послан в Турцию во главе специальной миссии, цель которой состояла в установлении дипломатических отношений между украинским и турецким народами.² Выполняя это задание, Фрунзе проявил себя как талантливый дипломат. Однако эта важная страница деятельности Михаила Васильевича осталась мало освещенной. Между тем, имеются материалы, позволяющие ознакомиться с ней. Особую ценность представляют путевые заметки самого Михаила Васильевича – «Поездка в Ангору» и его отчет 2 февраля 1922 г. объединенному заседанию Президиума ВУЦИК и Совнаркома УССР³.

Для того чтобы понять все значение талантливо выполненной миссии, необходимо кратко изложить положение Турции после Мудросского перемирия от 30 октября 1918 г, охарактеризованное М.В. Фрунзе⁴.

В статье «По ту сторону моря», впервые опубликованной в газете «Коммунист» 6 октября 1921 г., Фрунзе так оценивает ситуацию в Турции после мировой войны: «Турецкое правительство,

¹ См.: СССР и Турция. 1917–1979. М., 1981. С. 14.

² См.: Фрунзе М.В. Военная и политическая деятельность. М., 1984. С. 184.

³ См.: Фрунзе М.В. Доклад о поездке в Ангору на объединенном заседании Совнаркома и ЦИК Украины // Фрунзе М.В. Собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 1.

⁴ См.: Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1984. Т. 2. С. 312.

возглавляемое султаном Магометом V, в конце 1918 г вышло из мировой войны ценою полной сдачи на милость... Антанты. В результате подписанного им предварительного мира, а затем и ряда соглашений между державами-победительницами, независимое существование Турции фактически было упразднено»⁵.

По Севрскому договору от 10 августа 1920 г. Турция лишалась почти $\frac{2}{3}$ своей территории, передавая эти земли под разными условиями странам Антанты. В общем счете Турция лишилась 438 750 кв. миль территории и около 12 млн. жителей⁶.

Однако еще более серьезными последствиями угрожали Турции статьи договора, связанные с экономической и хозяйственной жизнью. Была создана специальная «финансовая комиссия» в составе Англии, Франции и Италии, цель которой состояла в установлении контроля над всеми экономическими отношениями Турецкого государства. По сути дела, эта цель сводилась к превращению ее в колонию, подобную Алжиру⁷.

Именно в этот критический для страны период она находит твердую опору в лице Советской России. «Если народы Востока, – говорил В.И. Ленин, – до сих пор были только овечками перед империалистским волком, то Советская Россия первая доказала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко...»⁸.

В конечном итоге дружественные отношения между Советской Россией и Турцией были оформлены 16 марта 1921 г. договором «О дружбе и братстве между РСФСР и Турцией». Однако затем произошло то, чего не ожидала ни одна из сторон. Летом 1921 г. западноевропейская и реакционная часть турецкой прессы начинают распускать ложные слухи о крахе дружественных отношений между двумя странами. Москва будто бы готовит военное наступление на Анкару и уже начала операцию по переброске армий к границе Турции.

Вся эта провокационная кампания возымела результаты, и как отмечал Фрунзе впоследствии: «Начиная от Трапезунда... и кончая

⁵ Фрунзе М.В. Жизнь и деятельность. М., 1962. С. 285.

⁶ См.: Киреев Н.Г. История Турции XX в. М., 2007. С. 131.

⁷ См.: Там же. С. 131–132.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 51. С. 62.

Ангорой, нам пришлось быть свидетелями чрезвычайно большой тревоги, существовавшей и в рядах правительства, и в верхушечных слоях населения по поводу явного охлаждения, наступившего в отношениях между Россией и Турцией, и тревоги, создавшейся известием о якобы больших военных приготовлениях с нашей стороны»⁹.

С целью рассеять эти ложные слухи и восстановить в глазах турецкой общественности авторитет СССР и был направлен дипломатический корпус во главе с командующим войсками Украины и Крыма Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Фрунзе с сопровождавшими его лицами выехал из Харькова 5 ноября 1921 г. и 13 декабря прибыл в Анкару¹⁰. Около 1000 километров Михаилу Васильевичу пришлось проехать верхом. И всюду он встречал враждебное отношение во всех слоях турецкой общественности, порожденной антисоветской пропагандой. Достаточно сказать, что в Турции проживало в то время около 65 тыс. русских белоэмигрантов¹¹. Фрунзе в своих путевых заметках отмечает, что о русской революции и о самой Советской России турецкое население имело совершенно неправильное представление. «Информация черпалась ими почти исключительно из источников нам враждебных и поэтому носила характер нагромождения всякой самой невероятной чепухи»¹². Вдобавок ко всему, военные корабли Англии, Франции и Греции, патрулировавшие азиатское побережье Черного моря, постоянно следили за движением пассажирских судов, чтобы помешать советской делегации высадиться в Самсуне¹³. Именно с этой, плохо скрываемой холодностью и должен был справиться Чрезвычайный Посол.

Михаил Васильевич с присущим ему тактом сумел преодолеть эти настроения и приобрести популярность у турецкой общественности. В своих заметках он пишет: «Вали (губернатор) Трапезунда – тип старого крупного чиновника султанских времен... очень сдержанный и подозрительно относящийся к миссии вначале, он позже, после ряда свиданий, проникся к нам полным доверием»¹⁴.

⁹ Фрунзе М.В. Жизнь и деятельность. С. 284.

¹⁰ См.: СССР и Турция. 1917–1979. С. 41.

¹¹ См.: Фрунзе М.В. Жизнь и деятельность. С. 286.

¹² Там же. С. 286.

¹³ См.: СССР и Турция. 1917–1979. С. 41.

¹⁴ Фрунзе М.В. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 202.

Фрунзе проявил себя как искусный дипломат. Нескрываемая искренность и простота в обращении подкупали собеседников, и зачастую, как это бывало, дипломатические переговоры переходили в легкую беседу друзей. «Встретили нас приветливо с соблюдением всех требований восточного этикета, чрезвычайно богатого по части всяких церемоний. Ответив в том же «церемонном» духе на приветствия, я быстро меняю тон и начинаю говорить не «дипломатически», а обыкновенным человеческим языком. Вначале – некоторая растерянность и смущение, а затем и у собеседников место официальной церемонии вежливости занимает более простое отношение к нам...»¹⁵ – рассказывал Михаил Васильевич о беседе в Кавзе.

По пути в Анкару Фрунзе выступал в городах и селениях с сообщениями о Советской России. «Говорили опять и о политике, и о крестьянском житье, и о нашей революции, о деревенских обычаях, положениях женщин и прочее»¹⁶.

Таких милых «дипломатических» поездок Турция не знала.

13 декабря 1921 г. украинская миссия прибыла в Анкару. Михаил Васильевич выступил перед аскерами (солдатами), выражая слова благодарности турецкому народу за теплый прием. Это выступление ознаменовало доброе начало работы делегации в Анкаре¹⁷.

Кульминационным этапом пребывания Фрунзе в кемалистской Турции по праву считается обмен верительными грамотами и выступление главы украинской делегации с приветственным письмом, которое вызвало небывалый эмоциональный подъем у турецкого населения. При вручении грамот, в торжественной обстановке, Мустафа Кемаль с большой радостью заявил: «украинский народ, находясь на другом берегу Черного моря, поднял знамя борьбы, как и турки, подвергшиеся мощному нападению империализма, и оказал большую услугу для укрепления тесной дружбы между своей союзницей Советской Россией и Турцией»¹⁸. О впечатлении от послания Фрунзе турецкая газета «Ени Гюн» 21 декабря в статье «Голос друзей» писала: «Фрунзе произнес славословие благородной решимости... видеть нашими столь горячими друзьями тех, кто ценит и по-

¹⁵ Фрунзе М.В. Жизнь и деятельность. С. 287.

¹⁶ Там же. С. 287.

¹⁷ См.: Фрунзе М.В. Военная и политическая деятельность. С. 185.

¹⁸ Цит. по: СССР и Турция. 1917–1979. С. 29.

нимает справедливость и правоту, – какое это огромное моральное удовлетворение, какой мощный источник энергии для еще более решительного продвижения вперед в начатом нами трудном деле. Россия, которая подняла знамя борьбы против империализма, служит путеводной звездой для всех угнетенных народов...»¹⁹.

25 декабря 1921 г. украинская делегация уже «пожинала плоды» своей успешной деятельности. Именно в этот день открылась Украинско-Турецкая Конференция. Несмотря на трудные условия работы, М. В. Фрунзе благополучно справился с поставленной задачей, приобретя доверие и нескрываемые симпатии членов турецкого правительства²⁰. Об этом свидетельствует посланная в Москву и Харьков телеграмма Мустафы Кемалья: «...Речь Фрунзе ничем не походила на искусственные, полные лжи и лицемерия речи представителей империалистического строя. Это событие дало нам возможность констатировать ту глубокую взаимную симпатию, которой связаны оба народа, и представило зрелище, оказавшее на всех членов Национального Собрания самое глубокое впечатление. Уже один факт, что правительство Украинской Советской Республики, для заключения договора дружбы, ... выбрало Фрунзе, одного из самых выдающихся политических деятелей, являющегося в то же время одним из самых доблестных полководцев и героических вождей победоносной красной Армии, вызвал особую признательность со стороны Национального Собрания...»²¹. А позже, в своей речи на заседании ВНСТ, Мустафа Кемаль говорил: «Я хочу отметить, что приезжавший в наш город для подписания этого договора Чрезвычайный и полномочный представитель и почтеннейший солдат товарищ Фрунзе своей искренностью и дружбой, поведением и делами оставил у нас большое и хорошее впечатление и воспоминание»²².

Уже позже, вернувшись в Харьков, на заседании ВУЦИК и СНК УССР Фрунзе докладывал: «Мне был вообще открыт доступ к самым важным военным тайнам, я ознакомился с боевым расписанием турецкой и греческой армий, ознакомился со всеми потребностями этих армий, с количеством бойцов, количеством и качеством

¹⁹ Цит. по: СССР и Турция. 1917–1979. С. 42.

²⁰ См.: *Фрунзе М.В.* Военная и политическая деятельность. С. 187.

²¹ Цит. по: Фрунзе М.В. Жизнь и деятельность. С. 288.

²² Цит. по: СССР и Турция. 1917–1979. С. 43.

вооружения, с состоянием тыла и т. д. Могу сказать, что общее представление о турецкой вооруженной силе я имею почти такое же, как и об украинской армии»²³.

23 марта 1922 г. Укратино-турецкий договор был ратифицирован. Этот договор имел первостепенное значение для обеих держав, которые, наконец, выходили из дипломатической изоляции.

Договором, во-первых, укреплялось международное положение Турции. Ей обеспечивалась национальная независимость, и этим она всецело была обязана Советской России. Турции теперь не нужно было держать войска на восточной границе. Обязательства России и Украины не вступать ни в какие враждебные Турции группировки заранее обрекали на неудачу какие бы то ни было комбинации стран Европы, направленные против турецкой республики. Во-вторых, моральный подъем в среде турецкой общественности, вызванный успешной миссией Фрунзе, привел к началу национально-освободительной борьбы турецкого народа против иностранных империалистов и султанского режима, что, в конечном итоге, привело к провозглашению республики в Турции²⁴. И, наконец, материальная и военная помощь Советской России кемалистской армии, которая, по общим подсчетам, составила 10 млн. золотых руб.²⁵. Кроме того, в течение 1920–1922 гг. было поставлено 39 тыс. винтовок, 327 пулеметов, 54 орудия, 63 млн. патронов, 147 тысяч снарядов и т. п., что, несомненно, сказалось на последующих боевых действиях против Греции. После разгрома греческой армии Турция 11 октября 1922 г. заключила с последней мирный договор, который закрепил ее полную победу.

Что касается Советской России, то договор с кемалистской Турцией, помимо выхода страны из внешнеполитической изоляции, открывал доступ к политическим и торговым контактам со всем мусульманским Востоком.

Укратино-турецкий договор – прямая заслуга М.В. Фрунзе, достойного представителя своего народа, обеспечившего установление дружественных дипломатических отношений, в которых нуждались как кемалистская Турция, так и Советская Россия.

²³ Фрунзе М.В. Жизнь и деятельность. С. 289.

²⁴ См.: Киреев Н.Г. История Турции XX в. С. 157.

²⁵ См.: Там же. С. 142.

Количество советских военнопленных в концентрационном лагере «Бухенвальд» (1941–1945)

В нарушение общепринятых норм международного права военнопленные стран, находившихся в состоянии войны с фашистской Германией, из которых самая большая доля приходилась на солдат и офицеров Советской Армии, отправлялись в концлагеря. Произвести подсчеты их численности довольно сложно. Во-первых, многие ценные документы были уничтожены войсками СС в последние дни войны. Во-вторых, в 1941–1942 гг. большое количество советских пленных было подвергнуто массовым экзекуциям и казням, и их не включили в официальное число узников. В-третьих, часто военнопленные входили в категорию, которую СС именовали как «гражданские лица». Кроме гражданских, в нее входили пленные, совершившие проступки (мелкие преступления) в шталагах и лишённые статуса военнопленных.

В 1941 г. советские военнопленные начали прибывать в крупнейшие концлагеря Германии: Дахау, Заксенхаузен, Маутхаузен, Освенцим и др. Это относится и к Бухенвальду. 16 сентября 1941 г. первая группа советских пленных в составе 300 человек, преимущественно офицеров и политработников, прибыла в лагерь. По свидетельству узника Антонина Яначека, часть первых заключенных была расстреляна, а тела сожжены в крематории 18 сентября¹.

Число военнопленных постепенно увеличивалось. 18 октября 1941 г. из шталага 310, Витцендорф (Гамбург), прибыли 2200 пленных². Об их физическом состоянии сообщает немецкий заключенный Курт Леонгард: «Вид их был ужасен...Измощенные, в рваной одежде, больные и слабые, вошли они в ворота»³. Затем прибыло 2000 узников из шталага 307, Демблин (Польша)⁴. С Украины были

¹ См.: Бухенвальд. Документы и сообщения. М., 1962. С. 165.

² См.: Бухенвальдское сопротивление // Исторический архив. 1957. № 4. С. 84.

³ Бухенвальд. С. 480.

⁴ См.: Бухенвальдское сопротивление. С. 84.

переброшены в Бухенвальд 4000 «изможденных людей»⁵. При доставке этой группы 417 человек погибли⁶. 5 декабря 1941 г. из шталага VI С, Батхорн, и шталага 326, Падеборн, в Бухенвальд переводится группа советских военнопленных, в числе которых находились 8 человек, призванных в Красную Армию из Саратовской области⁷.

Поступления продолжались и в начале 1942 г. Около 1000 военнопленных прибыли в Бухенвальд в начале 1942 г. из шталагов 304, Цайтхайн, и IV В, Мюльберг. По данным советских узников Бухенвальда, всего в 1941 г. прибыло 8500 человек⁸.

Но количество военнопленных в октябре – декабре 1941 г. не было постоянным и сокращалось. В октябре 1941 г. СС изобрело новый вид убийства. В замаскированном под конюшню помещении проводились массовые казни советских военнопленных выстрелом в затылок. Ежедневно уничтожалось от 20 до 150 человек⁹. По данным Международного Комитета Бухенвальда в конюшне были расстреляны 7200 советских военнопленных¹⁰. По свидетельствам самих узников, за время работы этой конюшни было уничтожено 8483 человек¹¹. К концу 1941 г. в лагере насчитывалось 1903 советских военнопленных¹².

В 1942 г. численность советских военнопленных снижается (табл. 1):

⁵ См.: Бухенвальдское сопротивление. С. 84.

⁶ Там же.

⁷ См.: ГАСО. Ф. 6210.

⁸ См.: Бухенвальдское сопротивление. С. 84.

⁹ См.: Бухенвальд. С. 234.

¹⁰ См.: *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. М., 1963. С. 192.

¹¹ См.: Бухенвальд. С. 234

¹² Там же. С. 84–85.

Численность советских военнопленных в июне – декабре 1942 г.¹³

Дата	Количество военнопленных	Общая численность лагеря
01. 06. 1942	945	7601
29. 08. 1942	627	9881
26. 12. 1942	523	9378

Снижение численности объясняется их отправкой в другие лагеря. Так, в феврале 1942 г. партия военнопленных была отправлена в Заксенхаузен, 19 мая 1942 г. переброшено 1000 человек в Маутхаузен¹⁴. 20 мая большая часть группы, прибывшая 18 октября 1941 г, была переведена в Заксенхаузен, а уже оттуда 31 октября 1942 г. – в Освенцим. В числе отправленных в Освенцим – 7 человек было призвано из Саратовской области¹⁵. 27 июля 1942 г. 119 советских военнопленных были оправлены в Освенцим, и далее их следы теряются. Кроме этого, по данным заключенных, около 100 военнопленных подверглась медицинским экспериментам в 46-ом блоке Бухенвальда¹⁶.

Выше уже говорилось, что существовала категория, которую войска СС обозначали как «гражданские лица». В числе приписанных к ним были и советские военнопленные, но их количество посчитать затруднительно. Численность их практически не меняется. Это связано с прибытием в июне 1942 г. в Бухенвальд первых транспортов с населением из оккупированных территорий СССР. На 13 февраля 1943 г. в лагере находилось 515 (4,5%) военнопленных и 3658 (32%) «гражданских лиц» при общей численности пленников Бухенвальда в 11 430 человек. В течение 1943 г. увеличивается численность советских военнопленных и число гражданских

¹³ Составлено по: Бухенвальд. С. 76–107; *Stein H.* Funktionswandel des Konzentrationslagers Buchenwald im Spiegel der Lagerstatistiken. Göttingen, 1998. S. 177.

¹⁴ См.: Бухенвальд. С. 85.

¹⁵ См.: ГАСО. Ф. 6210.

¹⁶ См.: Бухенвальдское сопротивление. С. 84.

лиц. По данным на 14 августа 1943 г. в лагере находились 5092 гражданина СССР, что составляло 31,3% от всех узников (16 246)¹⁷.

За период с конца 1943 – начала 1944 гг. имеется точное число советских военнопленных. Дело в том, что в это время гарнизонный врач войск СС проводит учет больных туберкулезом. В его донесениях содержится информация о числе советских военнопленных. В конце декабря 1943 г., по его данным, в лагере находились 832 советских военнопленных, что составляло 2,2 % от общей численности лагеря в 43269 человек, или 5,7% от всех советских узников (14451 человек). За апрель 1944 г. имеются последние точные данные о численности советских военнопленных в Бухенвальде. Они не сильно изменились. На 15 апреля 1944 г. в лагере было 827 советских военнопленных, что составляло 1,9% от всей численности лагеря (43269 чел.), или 5% от всей численности советских узников (16279 чел.)¹⁸

Более поздних данных о числе советских военнопленных нет. Это связано с расширением лагеря, узники которого работали во внешних командах, разбросанных по всей территории Германии. Врач войск СС в марте 1944 г. отмечает, что эти данные «...не могут дать ясной картины, так как более половины контингента заключенных лагеря находится во внешних командах...»¹⁹. В октябре 1944 г. в Бухенвальде находились 23931 советских граждан²⁰.

Таким образом, советские военнопленные не были основной категорией заключенных Бухенвальда. По сравнению с «гражданскими заключенными», они составляли незначительный процент от общего числа узников. Однако не стоит забывать, что в числе «гражданских лиц» также присутствовали военнопленные, но подсчитать их количество довольно сложно.

¹⁷ См.: *Stein H.* *Op.cit.* S. 177–179.

¹⁸ См.: Бухенвальд. С. 721.

¹⁹ Бухенвальд. С. 721.

²⁰ Там же. С. 106.

Визит Президента Латвии в Москву в контексте российско-латвийского диалога

С 19 по 22 декабря 2010 г. Валдис Затлерс, Президент Латвии, посетил Москву с официальным визитом. Данный визит слабо освещался российскими СМИ, возможно потому, что проходил на фоне более резонансных политических событий, в частности, протестных выступлений молодежи в Москве 11–15 декабря, а также президентских выборов в Белоруссии 19 декабря. Тем не менее, этот визит является во многих отношениях знаковым и уникальным. Прежде всего, стоит отметить, что ранее президенты Латвии если и посещали Россию, то с рабочими визитами или для участия в международных мероприятиях, не связанных с двусторонними отношениями. Во-вторых, заслуживает упоминания солидный состав делегации. Президента и его супругу сопровождали несколько министров и других членов латвийского руководства. Среди них были министр экономики, глава МВД, министр сообщения, министр окружающей среды, министр земледелия, госсекретарь министерства иностранных дел, президент Латвийского банка. В Москву прибыли глава канцелярии Президента Эдгар Ринкевич, советник Затлерса по внешнеполитическим вопросам Андрис Пелшс, а также митрополит Рижский и всея Латвии Александр, мэр Риги Нил Ушаков и внештатный советник, сопредседатель Делового совета Латвия – Россия при межправительственной комиссии Василий Мельник. В числе сопровождающих лиц были мэры нескольких латвийских городов. Однако наиболее внушительно выглядела делегация деловых кругов. В Москву прибыли 120 латвийских предпринимателей, представители Латвийской конфедерации работодателей, Латвийской торгово-промышленной палаты и Латвийской ассоциации коммерческих банков.

В то же время было заметно отсутствие в составе латвийской делегации новоназначенного министра иностранных дел Валдиса Кристовскиса, вокруг которого ранее разразился скандал, связанный с его русофобскими высказываниями. Формальной причиной

отсутствия Кристовскиса называлось то, что по сложившейся практике министр иностранных дел не сопровождает Президента в его поездках. Однако, такая практика достаточно условна, что дало повод некоторым обозревателям утверждать, что Кристовскис был «снят» с визита по просьбе российской стороны. Действительно, присутствие Кристовскиса могло создать определенную напряженность в ходе переговоров в Москве, поэтому с большой долей вероятности можно сказать, что сама латвийская сторона посчитала целесообразным не создавать дополнительное напряжение в ходе визита.

Этот визит отмечен довольно неожиданным предложением Президента Затлерса вести переговоры на русском языке. Известно, что в самой Латвии Затлерс отказывался даже давать интервью на русском языке и требовал этого от других официальных лиц. Глава канцелярии Президента Ринкевич сообщил прессе чисто протокольное объяснение: во время своих визитов президент говорит на тех языках, которыми владеет, - английском или русском. В данном случае Президент заинтересован в том, чтобы быть правильно понятым, а перевод, на его взгляд, затрудняет процесс взаимопонимания¹. Тем не менее очевидно, что если бы Президент Латвии хотел держать дистанцию в переговорах с российским руководством, он мог бы говорить на латышском через переводчика. Его выбор позволяет утверждать, что Валдис Затлерс был нацелен на поиск возможностей для сближения.

Программа визита была очень насыщенной. Она включала в себя переговоры представителей латвийской делегации с Президентом Дмитрием Медведевым, с премьер-министром Владимиром Путиным, беседу с Патриархом Кириллом и т. д.

По итогам переговоров был подписан целый ряд документов, в частности, договоры о борьбе с организованной преступностью, об упрощённом пересечении границы для жителей приграничных районов, соглашения о сотрудничестве в чрезвычайных ситуациях и пр.; проведены пресс-конференции, на которых были подняты важнейшие проблемы двусторонних отношений, в том числе проблемы неграждан в Латвии и влияния различных трактовок истории на взаимоотношения двух стран. В отношении последнего бы-

¹ В Москве президент Затлерс будет говорить на русском // URL: <http://www.mixnews.lv/ru/politics/news/2010-12-17/54526>.

ло заявлено о решении сформировать совместную комиссию историков под эгидой Академий наук двух стран, которая должна проанализировать исторические события прошлого.

Также стоит отметить заключение договора Газпрома с «Latvijas Gāze», где была установлена окончательная закупочная цена российского газа для Латвии, причем, ей была предоставлена 15% скидка к прежней цене. Это серьезный шаг, сделанный Россией навстречу Латвии. Как пояснил позднее глава «Итера Латвия» Юрис Савицкис, «"Газпром" понимает, в какой сложной экономической ситуации из-за мирового кризиса оказалась Латвия и, конечно, ее жители, которым крайне трудно тянуть такие платежи за коммунальные услуги вообще. Поэтому "Газпром" из гуманных соображений и решил на год понизить цены». Как следствие, тарифы на газ с 1 января 2011 г. для жителей Латвии снижаются на 4–7%, для промышленных предприятий – на 5%².

Реакция на визит президента Затлерса в Москву была в целом положительной, как в Москве, так и в Риге. Деловые круги обеих стран, а также связанные с ними политики, приветствовали итоги визита. Правда, в России реакция на визит, несмотря на благожелательный тон, была гораздо более сдержанной, чем в Латвии. Фактически она сводилась к заявлениям, которые делали российские официальные лица, участвовавшие в переговорах.

В Латвии итоги визита обсуждались очень активно. Так, по мнению депутата латвийского сейма от блока «За лучшую Латвию», бывшего Президента Латвии Гунтиса Улманиса, этот визит ждали долгие годы. Латвия уже давно была к нему готова, но существовали проблемы с российской стороны. Экс-президент подчеркнул важность подписанных обеими странами договоров, на протяжении многих лет ожидавших своей очереди. Он заявил, что визит «откроет шлюзы» для дальнейшего развития контактов между двумя странами, будет способствовать улучшению отношений в экономике, в политике, в культуре и спорте³. Бывший посол Латвии в России Янис Петерс высказался по этому поводу следующим обра-

² Путин – Затлерсу: «За дружбу, энергетику и хоккей!» // URL: <http://www.ves.lv/article/154762>.

³ Экс-президент: визит Затлерса в Москву «открывает шлюзы» // URL: <http://www.telegraf.lv/news/eks-prezident-vizit-zatlersa-v-moskvu-otkryvaet-shlyuzu>.

зом: «Визит Затлерса означает конец холодной войны, которая шла 16 лет, со времен визита первого Президента Гунтиса Улманиса в Россию. Подобно визиту Президента США Рейгана в СССР во времена Михаила Горбачева – после 17 лет холодной войны. Это было ненормально, что между Латвией и Россией 16 лет не было отношений на высшем уровне»⁴.

Единственной политической силой в Латвии, расценившей визит негативно, стала оппозиционная националистическая партия «Все – Латвии!». Представитель этой партии Янис Иесалниекс выразил возмущение по поводу заявления Затлерса о поддержке Латвией безвизового режима между Евросоюзом и Россией. По его словам, отказавшись от виз, Латвия откроет ворота для «новой волны» русскоязычных гастарбайтеров, которые «кинутся на Запад в поисках лучшей жизни»⁵.

Важно отметить, что негативные оценки можно было услышать и от российских соотечественников в Латвии. Так, известный латвийский публицист Александр Малнач заявил: «В большой геополитической игре ради улучшения российско-латвийских и российско-европейских отношений Москва пожертвовала пешкой, т. е. интересами так называемых российских соотечественников. И это закономерно – пешка сделала все, чтобы быть съеденной»⁶. Другой известный представитель движения российских соотечественников политолог Виктор Гущин заявил, что «не оправдались надежды российских соотечественников Латвии на то, что Россия четко и ясно выскажется за ликвидацию института неграждан и за возврат к проведению всеобщих выборов... Россию в отношениях с Латвией интересует в первую очередь развитие экономических связей с Европейским Союзом, а проблематика соблюдения прав соотечественников занимает далеко не самое важное место»⁷.

⁴ Экс-посол Латвии: визит Затлерса положил конец «холодной войне» между странами // URL: <http://www.nasha.lv/rus/novosti/news/politics/27464.html>.

⁵ «Все – Латвии!» против безвизового режима Евросоюза с Россией // URL: <http://www.upmonitor.ru/news/russia/874149a>.

⁶ Александр Малнач: Латвия – Россия: мухи отдельно, котлеты - отдельно // URL: <http://www.regnum.ru/news/1360908.html>.

⁷ Россия и Латвия: бизнес оказался важнее прав человека // URL: <http://rusedin.ru/2010/12/23/rossiya-i-latviya-biznes-okazalsya-vazhnee-prav-cheloveka>.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что визит Президента Латвии в Москву был чрезвычайно важен, так как показал стремление возобновить диалог между двумя странами, и это само по себе стало определенным прорывом в двусторонних отношениях. Но этот визит оставил гораздо больше вопросов, чем ответов. В частности, до сих пор не ясно, каков список взаимных уступок, на которые в действительности готовы пойти обе страны для нормализации и улучшения отношений, какие из подписанных документов будут реализованы на практике.

Тем не менее, можно надеяться, что следующего официального визита не придется ждать еще 16 лет, а, значит, проблемы, вызывающие беспокойство у России и Латвии, будут и далее обсуждаться на самом высоком уровне.

Природа вооруженного конфликта в информационном обществе

Особенностью войн и вооруженных конфликтов второй половины XX в. является их локальный характер. Все прошедшие конфликты велись на территории одного определенного региона. До 90-х гг. это были преимущественно страны третьего мира, которые становились площадкой для идеологической и военной конфронтации США и СССР. С установлением многополярного мира после развала Советского Союза столь явного противостояния между державами не существует, однако вооруженные конфликты приобрели еще более идеологический характер – религиозный, а именно исламистский. Природа вооруженного конфликта остается неизменной, это по-прежнему смерть и разрушение, продолжение государственной политики, но появились новые формы ведения конфликтов – миротворческие операции, террористические акции, урбанистические и ассиметричные конфликты. Возросла роль информационных технологий и медийных сообщений. Все чаще в начале любого вооруженного конфликта говорят об информационной войне, как с применением оружия, основанного на современных достижениях, так и с применением собственно масс-медиа.

Изменения в толковании войны нашли отражение, в первую очередь, в международном гуманитарном праве. После Второй мировой войны государства, за редким исключением, объявляли друг другу войну. В сложившихся условиях Женевские конвенции от 1949 г. были дополнены понятием «вооруженный конфликт». Независимо от того, была официально объявлена война или нет, если вооруженные силы нескольких государств сражаются, значит, имеет место вооруженный конфликт. Комментарий к Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях утверждает: «любое растущее между двумя государствами и ведущее к вторжению вооруженных сил разногласие есть воору-

женный конфликт в понимании статьи 2, даже если одна из Сторон отказывается признать существование войны»¹.

Классическая теория войны была разработана прусским военачальником Карлом фон Клаузевицем, заявлявшим, что война есть продолжение политики, но другими средствами. Поскольку современные вооруженные конфликты отличаются от классической войны (армия против армии на открытом пространстве), то у многих исследователей вызывает сомнение правомерность суждения прусского теоретика.

Исследователи Д. Киган, М. Ван Кревельд и Р. Уигли полагают, что предложенное Клаузевицем понимание войны справедливо для конфликтов, произошедших до войны во Вьетнаме (1957–1975 гг.), для изучения же последующих войн необходимо разрабатывать новые актуальные теории. Английский военный историк Д. Киган при исследовании войн обнаружил закономерность – если вынести за скобки центральное понятие теории Клаузевица, окажется, что в основе ряда конфликтов находятся не политические причины, а религиозные или культурные разногласия. Он отвергает идею Клаузевица о войне как продолжении политики, признавая данное положение «несовершенным, ограниченным заблуждением»².

М. Ван Кревельд, военный историк, профессор Иерусалимского университета, и Р. Уигли, американский военный историк, видят несоответствие пост-Вьетнамских конфликтов с теорией Клаузевица. Ван Кревельд полагает, что Клаузевицем война рассматривалась как рациональный выбор политика. В таком случае, положение прусского теоретика можно опровергнуть, если допустить наличие иррациональных мотивов, побудивших правителя начать конфликт. С точки зрения М. Ван Кревельда, Клаузевиц только описывает, какой природа войны должна быть, но не какой она является в действительности, а значит, его теория не имеет практического значения.

Итак, основные упреки исследователи высказывают относительно идеи Клаузевица о войне как продолжении политики. Воспользуемся определением политики М. Вебера – «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти,

¹ *Pictet J.* Commentary on the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 1952. P. 32.

² *Antulio J. Echevarria II.* Globalization and the nature of war. Carlisle, 2003. P. 6.

будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»³. Отсюда следует, что понимание войны как продолжения политики государства, озвученное Клаузевицем, корреспондирует с дефиницией М. Вебера, где центральным компонентом является власть, значит, война и вооруженный конфликт представляют собой борьбу за власть или распространение власти, которая может быть продолжением религиозной или даже культурной воли государства, но всегда это будет политическая борьба. Подобное восприятие вооруженного конфликта справедливо, поскольку при анализе теории Клаузевица необходимо учитывать также немецкое значение слова политика. В немецком языке политика может означать как политический курс (policy), так и политическую деятельность (politics)⁴. Два понятия имеют различное, хотя и сходное, значение. Политический курс означает результат государственной деятельности властных структур во взаимодействии с общественными институтами, а политическая деятельность представляет собой процесс проявления власти.

Основной аспект теории Клаузевица – дуальная природа войны, т. е. объективный и субъективный уровни. Объективный уровень природы войны включает такие элементы, как насилие, разногласия, случайность и неопределенность. Перечисленные признаки относятся ко всем без исключения войнам. Субъективный же уровень охватывает такие элементы, как войска, их доктрина, оружие и среда, в которой они сражаются (земля, вода, воздух). Поскольку уровни природы войны взаимосвязаны, то она не может быть отделена от целей и действующих лиц, участвующих в конфликте. С дуальной природой войны соотносимы и три основные силы, которые также выделяет Клаузевиц: политика, непредвиденность и враждебность. Прусский теоретик придает меньшее значение информации, чем китайский генерал Сунь-цзы, поскольку для прусского теоретика война, прежде всего логико-политическая игра, в то время как для восточного военачальника – философская задача. В понимании Сунь-цзы война есть путь обмана, который одна сторона целенаправленно использует для подавления противника. Обманывать значит скрывать свои истинные намерения, преиму-

³ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 645.

⁴ См.: *Antulio J. Opt. cit.*

щества, неудачи, планы и прочие стратегически важные аспекты⁵. Это то, что Клаузевиц позже назвал «туманом войны», «туманом неизвестности», когда три четверти военных действий остаются неизвестными для каждого участника конфликта и на которые необходимо пролить свет. Для этого применяется разведка и прочие способы получения сведений, в том числе и масс-медиа.

На войне различают несколько видов информации: 1) информация о противнике, его намерениях и подготовке (разведданные); 2) внутренняя информация (данные министерства обороны, правительства и других институтов); 3) медийная информация (журналистские материалы). Первые два типа образуют фундамент информационной войны, в которой главное – скрыть сведения от противника, дезинформировать его с целью достичь стратегического преимущества.

В информационной войне применяются такие стратегии, как сбор тактической информации, распространение пропаганды или ложных сведений. Очень близко к понятию информационная война стоит другое определение – психологическая. В период любого вооруженного конфликта военные ведут одновременно информационно-психологическую войну, что выражается в запугивании и распространении тревоги среди мирных жителей, чтобы они перестали помогать противнику, или среди врага, чтобы он скорее сдал оружие. Во время информационной войны, как правило, телекоммуникации противника выводятся из строя, невозможной или затрудненной становится работа электронных СМИ.

С распространением сети Интернет, появился еще один тип войны – кибервойна, война в сфере сетевых коммуникаций. Разрушение системы и сетевой шпионаж – основные методы кибервойны. Если канал передачи информации окажется непригодным, тогда и содержание потеряет всякий смысл, поскольку основными характеристиками качества информации являются завершенность, точность и актуальность⁶. В кибервойне используются преимущест-

⁵ См.: Джайс Л. Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с англ. Н. Кукиев. Ростов н/Д., 2004.

⁶ См.: Perry W., Signori D., Boon J. Exploring information superiority: a methodology for measuring the quality of information and its impact on spread awareness. Santa Monica, 2004.

венно технологические средства и методы ведения борьбы, как то взлом паролей банков, баз данных государственных структур и прочее.

В вооруженных конфликтах необходимо различать две стороны – информационная (технологическая) и медийная. Если технологическая составляющая связана преимущественно с материальной сферой, то в области медиа действие направлено на нематериальные цели.

Медиа преследуют две основные цели в контексте «парадоксальной троицы» Клаузевица (правительство, военные и народ): информирование общественности о политике правительства, каким образом она осуществляется и летопись происходящих событий⁷. Между участниками «троицы» происходит круговорот информации. Медиа публикуют официальные сведения со ссылкой на военных, одновременно последние стремятся контролировать СМИ с целью предотвращения утечки информации, которая могла бы быть полезной для противника. Также военные в интересах национальной безопасности стремятся посредством медиа повлиять на общественное мнение, которое должно поддерживать правительство. Подобная коммуникационная модель в организационном смысле представляется весьма простой: кто – что – по какому каналу – кому – с каким эффектом передает (Г. Лассуэлл). Отсюда мы можем говорить о таком виде войны, как медийная, когда основным инструментом ведения конфликта выступают СМИ. Масс-медиа используются не только для традиционного распространения пропаганды, но выступают как самостоятельный участник конфликта.

В послевоенной политической коммуникации второй половины XX в. большое значение приобрело такое явление, как реагирование на медийные сообщения. В силу того, что аудитория имеет более открытый и быстрый доступ к новостям за счет электронных СМИ, политики вынуждены всегда быть готовыми дать комментарий. Несомненно, новейшие технологии предоставляют масс-медиа преимущества, но для военных информационная транспарентность

⁷ См.: *Williams R.M.* The truth, the whole truth or nothing: a media strategy for the military in the information age // *Canadian military journal*. 2002. Vol. 3. No. 3.

только минус, поскольку безопасность государства оказывается в еще большей уязвимости.

Ряд исследователей и журналистов высказывают опасение относительно ведения вооруженных конфликтов в современных условиях. При этом озабоченность возникает не столько из-за распространения новых видов войны, – ассиметричной и урбанистической – сколько из-за устойчивого проникновения масс-медиа в сферу политики вооруженного конфликта.

Журналист Роджер Говард, например, освещавший глобальную войну против терроризма, озвучивает первую проблему – «Новость одной строкой, или отсутствие стратегии». В 1998 г. ракетная атака на Афганистан проиллюстрировала данный тезис. Несмотря на законность и оправданность подобной военной операции, которая была направлена против Аль-Каиды, методы борьбы с террористами не являлись частью последовательной стратегии, а были предназначены для отвлечения внимания от скандала, связанного с Левински⁸. Второй опасностью современных войн в медиа-обществе являются «Полумеры». Данная проблема возникла как следствие непостоянства общественного мнения, которое колеблется под влиянием повестки дня, устанавливаемой масс-медиа. Эффект медиатизации войны, когда правительство теряет общественную поддержку вооруженного конфликта, в научной литературе получил название «Вьетнамский синдром». Война, проходившая в гостиных обычных американцев, запомнилась им большими потерями американской армии, искалеченными ветеранами, разрушением вьетнамских деревень и убийством гражданских лиц, антивоенными маршами протеста и инфляцией в США, вопреки обещаниям Линдона Джонсона о Великом обществе. Как результат, военные предпринимают менее решительные удары, «полумеры», чтобы сохранить общественную поддержку. В-третьих, поскольку военные операции или любой невоенный политический ответ гораздо легче оправдать, когда правительство заручилось общественной поддержкой, возникает опасность более быстрого, а, следовательно, необдуманного поступка. Роджер Говард называет данную опасность как «Немедленные действия». Данная угроза зависит от

⁸ См.: URL: <http://www.inthenationalinterest.com/Articles/Vol2Issue16/vol2issue16howardpfv.html>. (Дата обращения: 02.04.2011).

предыдущей опасности – поскольку СМИ стремятся к оперативному освещению конфликтов, отчего зависит и общественное мнение, которое легче всего повернуть против властей, чем заставить вновь обратиться к правительству, то последнее вынуждено реагировать на действия противника с опережением СМИ⁹.

Подводя итог под тремя тезисами, Роджер Говард полагает, что в дальнейшем наиболее характерной формой политики вооруженного конфликта будет популизм, основанный на подчинении прихотям общества.

Вывод журналиста соотносим также с наблюдением за изменением функции политиков в СМИ. Мы имеем в виду роль модераторов и развлекателей аудитории и гаранта высоких рейтингов и тиражей масс-медиа.

О необходимости своевременного и оперативного реагирования на любую информацию о развитии и ходе вооруженного конфликта в Ливии мировых западных лидеров предупреждала, например, британская газета «The Independent». Ведущая статья, опубликованная в номере за 21 марта 2011 г., называлась «Запад должен проявить осторожность в том, чтобы не проиграть пропагандистскую войну»¹⁰. Суть данного призыва сводилась к тому, что помимо реальных ежедневных побед и поражений на поле боя, необходимо отслеживать информацию в СМИ противника. Так, официальные власти Триполи заявили, что было убито 48 мирных граждан и ранено 150 в результате атак западной коалиции. В то время как эти данные не были проверены, их количество возрастало. Так, организация «Human Rights Watch» установила, что в результате бомбардировок сил НАТО было убито около 500 мирных жителей. Сербские власти увеличили эту цифру в несколько раз, как полагает автор статьи, с целью «объединить сербский народ

⁹ См.: URL: <http://www.inthenationalinterest.com/Articles/Vol2Issue16/vol2issue16howardpfv.html>. (Дата обращения: 02.03.2011).

¹⁰ См.: URL: <http://www.independent.co.uk/opinion/leading-articles/leading-article-the-west-must-be-careful-not-to-lose-the-propaganda-war-2247792.html>. (Дата обращения: 02.03.2011).

против внешнего агрессора и также деморализовать Запад, который оправдывал операцию необходимостью спасти жизни»¹¹.

Более того, Саиф Каддафи дал интервью американскому телеканалу, вспомнив вторжение в Ирак в 2003 г., а сам ливийский лидер осудил «агрессию крестоносцев» по национальному телевидению. Автор призывает западные власти не недооценивать, насколько эффективна может быть подобная пропаганда, особенно если жертвы среди гражданского населения постоянно проверяются.

Пропаганда, безусловно, всегда сопровождала вооруженный конфликт, равно как и информационно-психологическая война. Однако особенностью современных вооруженных конфликтов является именно вепонизация медиа – явление, когда при ведении реальных боевых действий, в качестве одного из основных, а подчас и единственных, средств выступают СМИ.

Едва начавшись, вооруженный конфликт в Ливии в российских СМИ имел продолжение. На Первом канале аудитории уже предлагался следующий сценарий будущих военных действий: «мера отныне одна – бомбить», «свести счеты с Каддафи», «...рано или поздно войска коалиции под тем или иным, скорее всего миротворческим предлогом, будут вынуждены вторгнуться на Ливийскую территорию»¹². Корреспондентом, подготовившим сюжет, информационная война коалиции, подразумевается исключительно как одурачивание аудитории. Проецируется следующая схема – «сюжеты о сотнях тысяч беженцев от кровожадности гибнущего режима, материалы о лагерях смерти и массовых захоронениях мирных ливийцев, сообщения о мужественной и отчаянной борьбе, обреченных защитников свободного Бенгали – вот что среднестатистический обыватель будет знать об этой войне»¹³.

Пропаганда сопутствует любому вооруженному конфликту, как и любой вооруженный конфликт дополняется информационной войной, но в чем принципиальное отличие современных вооруженных конфликтов? Преимущественно тем, что, не ввязываясь в

¹¹ URL: <http://www.independent.co.uk/opinion/leading-articles/leading-article-the-west-must-be-careful-not-to-lose-the-propaganda-war-2247792.html>. (Дата обращения: 02.03.2011).

¹² URL: <http://www.itv.ru/news/world/173010>. (Дата обращения: 02.03.2011).

¹³ URL: Там же. (Дата обращения: 02.03.2011).

насильственные действия, можно ввязаться в медийную войну – войну за ума и сердца. В данном случае такая война служит не столько пропагандистским целям привлечения на свою сторону большего числа аудитории, сколько поддержанию своего положительного или реанимации утерянного позитивного имиджа в глазах общественности, как мировой, так и национальной. В таком случае государство, говоря образно, оставаясь на своей половине поля, пытается забить мяч в чужие ворота. Такую стратегию в данном случае заняла Россия. Она отреагировала на резолюцию Совета безопасности ООН воздержанием от голосования за или против, но в средствах массовой информации свою позицию высказала крайне ясно и доступно широкой аудитории. В данном случае достигается не прямое преимущество над противником, поскольку и очевидного противника, и видимого поля боя нет, но государство рассматривает медийную войну как инвестицию. Оно не ставит на карту ни свой престиж, ни территориальную безопасность, ни жизнь своего народа, потерять в такой медийной войне что-то очень сложно, а вот приобрести можно многое. Государства, вступающие в горячую войну, неминуемо придут к информационной, например, когда США вошли во Вьетнам, правительство заявляло, что обратного пути нет: «мы поставили на карту свой престиж». Это одна из главных причин, которая вынуждала американские власти держаться в Индокитае. Но в итоге они понесли убытки как в горячей, так и в медийной войне. Государство же, которое не вступает в войну и является просто наблюдающей стороной (за событиями в Ливии), не рискует ничем. Медийная война как долгосрочная инвестиция используется для того, чтобы поправить свой имидж, повысить престиж внутри страны и на мировой арене.

В настоящем исследовании мы фрагментарно рассмотрели не только классическую теорию прусского теоретика и критику ряда исследователей относительно правомерности обращения к ней при анализе современных вооруженных конфликтов, но и доказали обратное – теория Клаузевица является более чем востребованной и наиболее верной в понимании войн XXI в. Хотя необходимо сделать поправку. В силу того, что сформировалось информационное общество, термин настолько же неоднозначный и спорный, насколько и точно характеризующий положение современной эпохи,

при исследовании природы войны необходимо учитывать, помимо политической составляющей, также информационный компонент. Война остается продолжением политики, но также она продолжается (во время или по окончании основных военных действий) в СМИ.

Храм Бёдоин как объект познавательного туризма

Япония ежегодно привлекает туристов со всего мира. Так, в 2010 г. число посетивших эту страну иностранцев достигло 8,6 млн. чел.; 26 тыс. россиян вошли в эту статистику¹. Наибольшей популярностью среди посещающих Страну Восходящего солнца туристов пользуются два направления отдыха – экскурсионный и пляжный². Благодаря большому разнообразию видов туристического продукта, а также развитой туристской инфраструктуре Япония представляет интерес для туристов в течение всего года.

Высокая популярность познавательного и экскурсионного туризма обуславливается интересом к своеобразной культуре Японии и ее истории. В качестве наглядного примера можно привести активно посещаемый туристами город Киото.

В 794 г. столицей японского государства стал город Хэйан-кё (современный Киото) – «Столица мира и спокойствия», центр владений могущественного аристократического рода Фудзивара. Представители этого клана фактически правили страной в течение двух с половиной веков в качестве регентов – временных правителей при императоре. По наименованию столицы вся эпоха обозначается как эпоха Хэйан (794–1185 гг.). Это был один из самых значительных периодов в истории японской культуры, ее «золотой век», по праву называемый классическим. На основе переосмысления китайских образцов происходило формирование национальных форм архитектуры, живописи, литературы.

К архитектурным памятникам эпохи Хэйан относятся дворцы императорской семьи, владения знати и монастырские комплексы. Примером традиционной хэйанской архитектуры служит храм Феникса (Хоодо) в монастыре Бёдоин, расположенном в Удзи, пригороде Киото. Храм известен повсеместно как японцам, так и посе-

¹ Информационная группа Турпром // URL: <http://www.tourprom.ru/>. (Дата обращения: 01.03.2011).

² Турист.ру // URL: <http://turist.rbc.ru/>. (Дата обращения: 10.12.2010).

щающим страну туристам: его изображение можно увидеть на монете достоинством в 10 йен.

Удзи основан в IV в., расположен на реке Удзи, вытекающей из озера Бива. Главной достопримечательностью Удзи является храмовый комплекс Бёдоин. Однако туристов, желающих ознакомиться с достижениями культуры эпохи Хэйан, привлекает также музей «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу³. Действие последних глав этого выдающегося литературного произведения происходит в Удзи. Город также известен лучшим в Японии зелёным чаем.

Период расцвета хэйанской культуры пришелся на время жизни Фудзивара-но Митинага (966–1028). Это был опытный политик, тонкий знаток искусств и литературы, поэт и прозаик. Митинага 30 лет занимал пост регента и фактически являлся правителем Японии, Регентство Митинага стало вершиной могущества клана Фудзивара. Именно в это время наиболее ярко проявились характерные черты хэйанской эпохи: отстранение императоров от реальной власти, всевластие регентов из рода Фудзивара, обособление столицы от остальной страны, небывалый взлет культуры в среде придворной аристократии, появление и расцвет литературы на японском языке⁴.

С именем Фудзивара-но Митинага связана начальная страница истории строительства монастыря Бёдоин. В 998 г. он перестроил загородный дворец в Удзи, где позже, уйдя на покой, предавался медитации. Основание монастыря в полной мере отвечало распространившейся во второй половине эпохи Хэйан вере в Будду Амитабху (яп. Амида). Вера в блаженство, дарованное Амидой, была дополнена убеждением в том, что близится наступление «маппо» (букв. «последние дни закона»). Считалось, что современная эра закончится в 1052 г. и за ней наступит эпоха вырождения. Путь к спасению подразумевал поклонение Амиде. Искусство концентрировалось на изображениях Амиды, его рая и бодхисатв. Убежденность в

³ Официальный сайт музея «Повести о Гэндзи» // URL: <http://www.uji-genji.jp/en/>. (Дата обращения: 10.04.2011).

⁴ См.: Пасков С.С. Япония в раннее средневековье VII–XII вв. М., 1988. // URL: <http://heian-rpg.narod.ru/paskov.htm>. (Дата обращения: 15.12.2010); Мещеряков А.Н. Возвышение рода Фудзивара (китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII–VIII вв.) // История и культура Японии. М., 2001. С. 27, 60, 64; Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация / Пер. с франц. И. Эльфонд. Екатеринбург, 2005. С. 57.

надвигающихся перемен и разрушениях была обусловлена буддийской философией, поощряющей обостренное осознание конечности существования, чувство скоротечности жизни и красоты во всем, что принадлежит слишком мимолетному миру. Эта мощная концепция, называемая «моно-но аварэ» (букв. «очарование вещей»), связанная с эпохой позднего периода Хэйан, сохранилась в искусстве Японии как культурное влияние до наших дней.

Фудзивара-но Ёримити, сын Митинага, стремился закончить строительство храма, посвященного Будде Амиде именно к моменту наступления последней эры. В 1053 г. он превратил дворец своего отца на берегу реки Удзи в монастырь Бёдоин – «Монастырь равенства». По свидетельству современников, на строительство монастыря Бёдоин были затрачены огромные средства. Его возводили лучшие мастера Японии и Китая. Ёримити не случайно назвал построенный им монастырь Бёдоин, поскольку буддийские проповедники того времени утверждали, что в деле спасения «все люди равны». Подобные тенденции начали постепенно проникать и в среду аристократов, которые стали воздвигать великолепные храмы в честь Будды Амиды. В конце периода Хэйан императорская семья и высший нобилитет начали строить целые храмовые комплексы с прудом и садом. Такая практика использовалась в их частных владениях.

Одним из сохранившихся сооружений этого типа и является Амидадо в монастыре Бёдоин, который Ёримити мыслил как храм-мавзолей. Позднее Амидадо стали называть храмом Хоодо – храмом Феникса⁵. В представлениях китайцев, а затем и японцев Хоо – фантастическая птица с головой курицы, шеей змеи, клювом ласточки, спиной черепахи и хвостом рыбы; крылья окрашены в пять цветов.

В плане здание имеет форму фантастической птицы Феникс с двумя крыльями и хвостовой галереей. Это была иллюзия небесного дворца. Первоначально дворец был воздвигнут на острове посреди пруда. Вода, полностью окружая здание, выполняла символическую роль – очищала от всего земного.

На территории монастыря были построены храмы, зал для проповеди, пятиярусная пагода. Большинство построек сгорели во время военных столкновений между кланами Кусуноки и Асикага в

⁵ См.: *Герасимова М.П.* Киотский альбом. История, культура, традиции. М., 2002. С. 35.

январе 1336 г. Сохранился только храм Феникса благодаря тому, что он окружен водой.

Идеи и настроения в буддизме XI в. нашли свое отражение в удивительной композиции постройки и природы, архитектурная форма как бы растворилась в окружающей среде. Храм Феникса представляет собой небольшой прямоугольный деревянный павильон с боковыми крыльями сквозных галерей, увенчанных одноярусными кровлями. Концы этих легких открытых галерей, расположенных по обе стороны центрального павильона, подчеркнуты высокими двухъярусными башенками. Эти галереи, соединяющие главное здание с боковыми павильонами, были для культовых целей совершенно не нужны, а построены как будто действительно для придания храму сходства с птицей. Позади также размещается крытая галерея, образующая хвост. Храм увенчан высокой, грациозно изогнутой крышей с большим выносом, на концах конька возвышаются позолоченные фигуры фантастической птицы Феникс. Легкий обходной балкон, расположенный между ярусами крыши, скрывается в тени ее низких скатов. Все здание производит впечатление легкой нарядной постройки с четкой завершенностью и уравновешенностью объемов.

Ощущение необычайной легкости обусловлено тем, что конструкции в Японии, стране деревянной архитектуры, редко бывают тяжелыми и массивными. Всегда где-то присутствуют уравновешивающие, а, точнее, возносящие ввысь, легкие и изящные детали⁶. Например, башенки на галереях, фигурки фениксов на коньке крыши.

Развитие художественного ремесла в X–XI вв., особенно лаковой росписи золотом, способствовало созданию торжественного оформления интерьера дворца со сложными формами украшений, которые сохранились при превращении дворца в храм.

В убранстве дворца широкое применение нашла резьба по дереву в виде сложных композиций растительного характера, резьба по металлу, причем ажурные бронзовые позолоченные пластины дополнительно украшались тончайшей гравировкой. Решетчатый потолок и столбы, покрытые золотым лаком и росписями, свидетельст-

⁶ См.: Гид по Японии // URL: <http://www.japan-guide.com/e/e3923.html>. (Дата обращения: 15.02.2011).

вуют о высоком мастерстве в этом виде декора. Отдельные деревянные детали внутри зала украшены инкрустацией перламутром.

Внутри помещения, под сводом, покрытым сложной резьбой и перламутровыми инкрустациями, находится статуя Будды Амида. На стенах разместились 52 Облачных босацу – изящные статуэтки танцующих и играющих на музыкальных инструментах буддийских богов⁷. Другие стены покрыты оригинальными фресками, а вот роспись дверей является копией. Оригиналы можно увидеть в музее храма, как и статуэтки с конька храма, изображающие женскую и мужскую особей птицы Феникс, и старый храмовый колокол.

На дверях и стенах есть росписи на буддийские мотивы, являющиеся одними из наиболее древних образцов живописи яматоэ⁸. Роспись на дверях храма – это изображение окружающих Киото пейзажей.

На примере храма Феникса, решении его внешнего и внутреннего пространства становится особенно ясно, как в японской культуре XI–XII вв. постепенно утверждаются новые идеалы, важной частью которых был культ красоты. Небольшое, свободно раскинувшееся в пространстве здание стоит на берегу пруда. Вокруг храма Феникса был разбит специально распланированный сад, напоминавший дворцовые сады того времени с искусственными холмами, водопадами и потоками, мостиками и беседками. Он был частью ансамбля как прообраза буддийского рая.

За свою долгую историю храм Феникса часто подвергался разрушениям, но восстанавливался. Храм причислен к государственным сокровищам страны. В декабре 1994 г. Бёдоин был внесен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО⁹.

В храме проводятся групповые экскурсии (не более 50 человек), продолжительностью 20 минут. Экскурсия проводится на японском языке, но всем желающим выдается текст экскурсии на английском¹⁰.

⁷ Герасимова М.П. Киотский альбом. История, культура, традиции. С. 37.

⁸ Яматоэ – школа японской живописи, сложившаяся в XI–XII вв. при императорской Академии художеств.

⁹ Памятники исторического Киото, ЮНЕСКО // URL: <http://whc.unesco.org/en/list/688>. (Дата обращения: 12.03.2011).

¹⁰ Официальный сайт храма Бёдоин // URL: <http://www.byodoin.or.jp/>. (Дата обращения: 01.03.2011).

РАЗДЕЛ II. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИИ

А.А. Родимцев

Участники крестовых походов в восприятии Гельмольда (по записям «Chronica Slavorum», 1147–1149 гг.)

Тема образа чужого в современной исторической науке не перестает привлекать внимание авторов. Применительно ко времени Второго крестового похода, т. е. середине XII в., в отечественной литературе она наиболее полно раскрывается в трудах М.Ю. Парамоновой и С.И. Лучицкой¹. Однако, если восприятие хронистами «чужих» прослеживается достаточно явственно, то иначе обстоит дело с восприятием «своих». Некоторые интересные замечания на этот счет можно встретить в работах А.Я. Гуревича и Ж. Ле Гоффа², в том числе применительно к условиям крестовых походов. В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать восприятие немецким хронистом XII в. Гельмольдом представителей сословия «тех, кто воюет», которые откликнулись на призыв Бернара Клервоского и папы Евгения III³ и подняли свой меч на «язычников». Иными словами, нас интересует, какие характеристики Гельмольд дает участникам Второго крестового похода и их действиям.

Напомним, что одна из важных особенностей Второго крестового похода 1147–1149 гг. в отличие от предыдущего и последующих заключается в том, что события, вызванные движением, разворачивались не только на востоке – в Святой земле, но и на про-

¹ См.: *Парамонова М.Ю.* Славянский Восток в хронике Титмара Мерзебургского. Образ «иного» на пересечении идеологии и риторики // *Одиссей*. М., 1999. С. 27–44; *Лучицкая С.И.* Образ другого - проблематика исследования // *Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур*. Сб. науч. тр. Саратов. 2001. С. 194–203.

² См.: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1992.

³ Призыв, заключенный в булле „Divini dispensatione“ от 11 апреля 1147 г.

странстве атлантического побережья – Португалии и германского побережья Балтики.

О восточном направлении этих походов существует немало исследований как отечественных, так и зарубежных авторов. Классические работы, рассматривающие христианскую сторону, принадлежат Ф.И. Успенскому и М.А. Заборову. Из-под пера последнего вышла также книга по историографии крестовых походов. Рассмотрением мусульманской стороны занимались Л.А. Семенова, П. Виймар и др. Португальским и славянским направлением второго крестового похода исследователи интересуются гораздо меньше. Здесь можно отметить изыскания О.И. Варьяш, М. Дервича, Е. Христиансена и работы А.Ф. Гильфердинга. В их трудах немало ценной информации общеисторического плана, но вопросов, которые поставлены в данной статье, никто не касался.

Главный источником для нас стал труд Гельмольда, автора Славянской хроники⁴. Он родился в Голштинии, на севере Германии, не позднее 1125 г., юность провел на германо-славянском пограничье в Вагрии, образование получил в Брунсвике (Брауншвейге) и умер после 1177 г. Свой труд он писал предположительно между 1163 и 1175 гг. В нем автор описывает соседние славянские и скандинавские земли, славяно-германские отношения, деятельность католической церкви, а также рассказывает о предприятиях германских королей и знати вдалеке от славян.

Крестовым походам Гельмольд посвящает в Славянской хронике всего 6 глав из 108 (т. е. 5,5% текста), но сведения, содержащиеся в них, позволяют поставить определенный круг вопросов. Можно выявить, в каком соотношении присутствуют для Гельмольда религиозный пыл и жажда наживы в деяниях крестоносцев? Как в глазах автора крестоносцы переносят тяготы повседневной жизни? Какими терминами он обозначает участников похода? Как он оценивает результаты походов каждого из направлений? Что из событий похода, скорее, не известно автору, а о чем он, вероятнее всего, сознательно умалчивает?

Все крестоносное воинство, упоминаемое хронистом, не собралось в едином порыве истреблять сарацин в Святой земле. За 50 лет, прошедших со времен Первого крестового похода, религиоз-

⁴ См.: *Гельмольд. Славянская хроника* / Пер. Л.В. Разумовской. М., 1963.

ный пыл европейцев поутих, путь в княжества крестоносцев к Балдуину III казался делом затратным и долгим, а рыцари начали видеть вблизи своих земель не менее достойных военного похода противников. Для германских рыцарей таковыми оказались славяне. Если говорить о составе армий, то, разумеется, рыцари шли в поход не одни. За состоятельными воинами следовали слуги, оруженосцы, пехота, тянулся обоз. Как пишет Гельмольд, шли «повозки, запряженные парами и четверками лошадей, везшие припасы и вещи рыцарей»⁵. Подробнее о «стандартном» для того времени германском войске пишут Ф. Меринг⁶, Ф. Контамин⁷.

Крестоносное движение из Германии пошло по трем направлениям: в Святую землю по суше (1147–1149 гг.), в Святую землю по морю (но не дошедшее и оставшееся в Португалии, 1147 г.) и в землю славян (лето 1147 г.). Первое направление вобрало в себя наибольшее число участников похода. Как известно, сухопутным путем через Венгрию, Сербию, Болгарию и Византию отправились германский король Конрад III (1138–1152 гг.) и французский король Людовик VII (1137–1180 гг.). Гельмольд, кстати, ошибочно соединяет французскую и немецкую армии, хотя Людовик шел на месяц позже Конрада. При рассказе об этом войске Гельмольд изначально создает ощущение грядущих бедствий. Он описывает недобрые знамения: «Однажды вечером густой туман окутал весь лагерь. Когда он рассеялся, тучи мотыльков опустились на лагерь или порхали в поднебесье. Все они до такой степени были окроплены кровью, что казалось – это туман пролился кровавым дождем. Видя это, король и остальные государи поняли, на какие великие трудности и смертельные опасности они обречены»⁸. Речь идет о короле Конраде III и германских князьях, отправившихся с ним в поход. Дальнейшие события оправдали знамение: войско еще не дошло до Босфора, а часть обоза и убойного скота была смыта разливом реки. Акцент в описании бедствия делается на материальной стороне не случайно. Известно, сколь много разбоя и вымогательства

⁵ См.: *Гельмольд. Славянская хроника* / Пер. Л.В. Разумовской. М., 1963. Кн. 1. Гл. 60.

⁶ См.: *Меринг Ф. История войн и военного искусства*. М., 2000. С. 36.

⁷ См.: *Контамин Ф. Война в Средние века*, СПб., 2001. С. 114.

⁸ *Гельмольд. Указ. соч.* Кн 1. Гл. 60.

чинилось крестоносцами по отношению к населению Балкан. Вероятно, эпизод со смытым обозом призван хотя бы частично оправдать бесчинства армии Христа.

Известно, что в дальнейшем эта группа понесла самые тяжелые потери, не добившись и малых успехов. Армия Конрада была разбита сельджуками близ Дорилея в Каппадокии (26 октября 1147 г.), после чего соединилась с французами. До Эфеса они дошли уже с остатками войска, после чего Людовик VII некоторое время пробыл в Антиохии и вернулся во Францию, а Конрад отплыл к Балдуину III (пятый король Иерусалимского королевства с 1143 по 1162 гг.), возглавил войско Иерусалимского королевства и, истощив армию по пути к Дамаску, безуспешно осаждал город. Гельмольд с сочувствием говорит о судьбе немецкого войска: «Что сказать мне о короле германском и тех, кто с ним был? Все они погибли от голода и жажды. Коварный посол короля греческого, которому было поручено провести их к границам Персии, завел их вместо этого в пустыню»⁹. Ответственность за неудачу похода на Дамаск он перекладывает с Конрада на византийского посла, что, конечно, мало убеждает.

Данный поход является для Гельмольда самым трагичным эпизодом всего крестоносного движения, о чем он пишет в завершении главы: «Король и вельможи, которым удалось спастись от гибели, бежали обратно в Грецию. О справедливость Всевышнего! Так велико было поражение этого войска и неописуемы; бедствия его, что и до сегодняшнего дня оплакивают горькими слезами всех, кто в нем был»¹⁰. Из этих слов ясно, что неудачи и потери войска «своими» переживаются очень эмоционально.

Войско, двинувшееся в Святую землю морем, пристало в Галатии для поклонения Св. Яго, то есть апостолу Иакову, и быстро откликнулось на просьбу Афонсо I, португальского короля 1112–1185 гг., о помощи в захвате Лацебоны (Лиссабона), которая находилась под властью арабов с 714 г. Интересен факт, что для Гельмольда все предприятие в Галатии видится скорее как захватническая акция. Об этом свидетельствует само название главы, данное автором, –

⁹ Гельмольд. Указ. соч. Кн 1. Гл. 60.

¹⁰ Там же.

«Eхrignacio Lasebonae»¹¹. Показателен отрывок, посвященный просьбе Афонсо перед вступлением в город: «король Галатии обратился к крестоносцам с просьбой, чтобы, предварительно разделив между собой по-товарищески добычу, они отдали ему пустой город»¹². О последствиях взятия Лиссабона мы знаем достаточно. Город, действительно, опустел, оставшееся после резни мусульманское население ушло на юг в сторону Гранады. Само содержание просьбы не выглядит чем-то странным. Для опытного в военных предприятиях короля вполне понятно, что обычно следует после захвата города воинами, отправившимися за добычей. Но интересно, как сам Гельмольд воспринимает и передает этот факт. У него, служителя церкви, договор о разделе наживы не вызывает даже малейшего негодования, хотя вряд ли кто-то разбирал, где мусульманин, а где христианин. Если сравнить его реакцию на события в Лиссабоне с реакцией на подобные события в войне доленчан¹³ (война, описываемая Гельмольдом¹⁴, при которой земли славянского племени доленчан, обитавших к востоку от озера Толензе, были разорены саксами), то увидим, что и чувство стыда за саксов, и порицание жадности этнических «сородичей» свойственны Гельмольду. Следовательно, по поводу Лиссабона напрашиваются два варианта: либо в оценке событий крестового похода «срабатывает» иная система взглядов на то, что хорошо и что плохо; либо в отношении событий, происходящих вдали от родины, у Гельмольда ослабевает острота восприятия и притупляется чувство идентичности со «своими». Тем более, что в данной войне были не только саксы, но также англы и бритты. Гельмольд не сообщает данных об истории города, населении, отношениях христиан и мусульман в регионе. Можно предположить, эти сведения, как и то, что на момент штурма в городе было немало христиан, неизвестны хронисту. Упрекнуть его в невнимательности или отсутствии интереса к городам нам не дают весьма подробные описания ближних (Любек, Волин,

¹¹ Насилие в Ланцебоне // *Helmold. Chronica Slavorum* // URL: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/chrons/helmold.htm>. (Дата обращения: 16.04.2010).

¹² *Гельмольд*. Указ. соч. Кн 1. Гл. 61.

¹³ Там же. Кн 1. Гл. 21: Эти деньги князя разделили между собой. О христианстве они и не вспомнили и никаких почестей не воздали богу, ниспославшему им победу в войне.

¹⁴ Там же.

Ретра, Гамбург, Альденбург, Димин, Плуне)¹⁵ городов, но о дальних (Бирка, Рим) Гельмольд пишет более скупом¹⁶. Можно допустить и намеренное умолчание из-за желания создать хоть какой-то ореол благородства этой «партии» крестоносцев. Ведь в отношении событий до похода Гельмольд не стесняется говорить, например, о реках крови «Strages Romanorum»¹⁷ во время Итальянского похода (борьба за инвеституру с папой Пасхалием II, когда войско короля Генриха V (1099–1125 гг.) устроило резню в соборе св. Петра). Здесь же мы не найдем ни одного упоминания о событиях, записанных английским клириком, приставшим к войску в Британии: «Кельнцы же и фламандцы, видя, что в городе есть на кого опереться в своих притязаниях, отнеслись без почтения к святости: туда-сюда рыщут, добычу тащат, двери выламывают, горожан изгоняют и против закона божеского одевают всех обидами, одежды и сосуды разбрасывают, над девушками поругание учиняют, а старейшего епископа против права божеского убивают»¹⁸. Речь в данном отрывке идет о том же самом взятии Лиссабона.

В целом именно это направление похода Гельмольд считает самым успешным: «Это было единственное из всего осуществленного войском крестоносцев предприятие, которое так счастливо закончилось»¹⁹.

События славянского направления богаты описанием дипломатической подготовки, диверсионных операций Никлота (князь бодричей 1131–1160 гг.) и единственной главой, посвященной событиям самого похода. В описании Гельмольдом осады славянской крепости Дубин, что стоит на озере Шверин, опять проступает сочувствие к немцам. На этот раз оно достигается за счет отвлечения внимания с них на данов (датчан, также участвовавших в походе): «находившиеся в осаде заметили, что войско данов действует вяло, ибо те, которые дома настроены воинственно, вне его обычно трусят»²⁰. Само же предприятие закончилось по его словам «умерен-

¹⁵ Гельмольд. Указ. соч. Гл. 1, 2, 4, 12, 20, 25.

¹⁶ Там же. Гл. 5, 39.

¹⁷ Там же. Гл. 39: Умерщвление Римлян.

¹⁸ Цит. по: Варьяш О.И. Лиссабон – земля обетованная // Средневековый город. Саратов, 2000. Вып. 14. С. 109.

¹⁹ Гельмольд. Указ. соч. Кн. 1. Гл. 36.

²⁰ Там же. Гл. 65.

ным успехом»²¹. Реально имела место безуспешная осада славянских крепостей, которая была снята из-за стойкости осажденных, разногласий в лагере крестоносцев и проблем с обеспечением.

Таким образом, мы видим, что у Гельмольда можно обнаружить характеристику трех направлений походов, проходивших примерно в одно время. Действие описывается не в хронологическом порядке, а по степени эмоционального воздействия, следа, который оставило событие. Складывается схема «Катастрофа – Успех – Отсутствие изменений».

Обратимся к терминологии. Само слово «peregrinus», «пилигримы», переведенное Л. В. Разумовской как «крестоносцы», Гельмольд употребляет в тексте всего три раза, причем дважды в главе о завоевании Ланцебоны и один раз в следующей главе, посвященной славянам. Чуть чаще он говорит о воинах, называя их «milites»²². Предстают в рассказе перед нами и «рыцари» (в переводе Л.В. Разумовской: «Militibus suis»²³ – «свои воины»). Л.В. Разумовская передает термин – то воины, то рыцари, не давая примечаний в комментариях. В указаниях о «крестоносцах» нам всегда понятно, о ком идет речь. Сложнее обстоит дело с употреблением терминов, касающихся разных категорий воинов и рыцарей. «Воины» у Гельмольда – и простая масса солдат²⁴, и избранные²⁵. Логично предположить, что «избранными» они становятся, когда выполняемое дело способствует укреплению авторитета церкви и германской власти в славянских землях. В остальных случаях воины – это простой ресурс, не получающий эмоциональной характеристики у Гельмольда. Рыцари предстают перед нами не просто тяжеловооруженными всадниками, но представителями определенной группы «вассальной лестницы», имеющей право на получение части захваченных земель. Так, в рассказе о дележе земли бодричей хронист упоминает раздачу ее Генрихом Львом (герцог Саксонии 1142–1180 гг. и Баварии 1156–1180 гг.) во владение своим рыцарям²⁶.

²¹ Гельмольд. Указ. соч. Кн. 1. Гл. 65.

²² Там же. Гл. 36, 37, 53, 60, 67, 71, 86; Кн. 2. Гл. 5, 10.

²³ Там же. Гл. 15 (3 раза), 31, 33 (2 раза), 50, 60, 67, 87.

²⁴ Там же. Кн. 1. Гл. 67.

²⁵ Там же. Кн. 1. Гл. 71.

²⁶ См.: Там же. Гл. 87.

Подведем итоги сделанным наблюдениям. Прежде всего можно отметить несколько черт, характерных для описания Гельмольдом именно крестоносных событий: более терпимое отношение к «слабостям» участников походов, включение «оправдательных» эпизодов, должных вызывать сочувствие, подчеркивание роли даже рядовых участников, обозначаемых как «избранные». В случаях, когда имеются союзники, перенос вины за неудачи на них (греческий посол, заведший в пустыню, даны, не преследовавшие славян). Бросается в глаза и намеренная выборочность излагаемых сведений, с учетом того, что автор с большей долей вероятности мог быть осведомлен о тех деталях, которые не нашли отражения в Хронике. «Свои» в описании крестовых походов – всегда мученики, герои, преданные и самые праведные борцы за христианскую веру.

Джон Дрэпер об особенностях исторического развития США

Изучение американской национальной истории в целом и нюансов исторического развития этой страны в частности является одной из актуальных задач современной историографии. Рассмотрение этих моментов предоставляет возможность научной проверки такого, например, неоднозначного тезиса как «американская исключительность». В этом плане особенно интересны работы американских ученых середины XIX – начала XX вв.¹. Одно из оригинальных исследований в этой области принадлежит позитивисту Джону Уильяму Дрэперу, который и находится в центре нашего внимания.

Гражданская война в США и ее последствия для Джона Дрэпера не проходят бесследно. Можно сказать, что она дает импульс к изменению политических взглядов ученого. Если до этого он пишет обобщающие труды по истории, то теперь начинает применять уроки этой науки применительно к американской политике. Необходимо отметить его основные работы в этом направлении: речь «Историческое влияние медицинской профессии», произнесенная на юбилее University Medical College 10 декабря 1863 г., курс из четырех лекций в Historical Society of New York (Нью-йоркское историческое общество) по «Историческому влиянию естественных причин», прочитанные в феврале и марте 1864 г., и, наконец, расширение этих лекций и сведение их в одну книгу под названием «Thoughts on the Future Civil Policy of America», опубликованную в 1865 г. (на русском языке книга называлась «Гражданское развитие Америки» и вышла в 1866 г. в Санкт-Петербурге).

Все эти работы очень близки друг другу и могут рассматриваться как вариации единой темы. В них Дрэпер рассматривает

¹ *Bancroft G.* History of the United States of America, from the discovery of the American continent: in 10 vols. Boston, 1854–1878; *Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History. A paper read at the meeting of the American Historical Association in Chicago, July 12. 1893; *The Frontier in American History.* N.-Y., 1921 (на русск. яз.: *Тёрнер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории. М., 2009).

ряд связанных между собой вопросов: что необходимо сделать, чтобы улучшить общество, как могут осветить американскую историю и политику науки об обществе, каково место ученых – естествовников и общественников – в американском обществе. В вопросах о развитии общества ученый дает бескомпромиссный ответ: чтобы возвысить или подавить некую группу людей, необходимо коснуться окружающих их условий: «Мы тщетно будем пытаться усовершенствовать расу, умственно или нравственно, усилиями миссионеров или воспитанием, если не станем действовать на ее физические условия»². В этом контексте Дрэпер исследует американскую историю, чтобы понять, как она формировалась под влиянием физического окружения. Он приводит в доводы то, что экстенсивное развитие хозяйства и доступность новых земель сделали американский народ неугомным и индивидуалистичным: «Любовь к домоседству, отличающая оседлое население Европы, нельзя сказать, чтоб существовала у нас. Дети оставляют отца без сопротивления с его стороны, так как он уже сам предвидит это заранее...обычай и нравы американской жизни сделали нас до некоторой степени подвижным народом. Недаром многие путешественники утверждали, что мы, в сущности, племя кочевое»³. Такая мобильность служит благом, так как народ старается создать единую нацию на базе нескольких природно-географических регионов.

По мнению Дрэпера, существует и опасность обратного процесса дезинтеграции, который заключается в том, что такие разные регионы могут создать цивилизации в соответствии со своими климатическими условиями, и союз распадется. Дрэпер указывает, что Американский Юг был именно тем регионом, который выработал своеобразное устройство в соответствии со своими особенными физическими условиями: «...климат на Юге ровнее, чем на Севере. Из этого можно вывести неопровержимое следствие, что на Юге стремления людей и их интересы более тождественны, и что они одинаково мыслят и поступают»⁴. Далее он продолжает: «Роскошь этого растения [хлопчатника – Б.Р.], так быстро погибающего от действия

² Дрэпер Д.В. Гражданское развитие Америки. Издание А. Аргамакова. СПб., 1866. С. 169.

³ Там же. С. 89, 90.

⁴ Там же. С. 54.

холода, требует более равномерного климата. Удивительно ли, что там господствует равенство в умственном развитии народонаселения, и вследствие этого согласие в его образе мыслей»⁵. Отсюда ученый выводит необходимый принцип американского законодательства – поддерживать любым способом средства для взаимодействия и взаимосвязи между сообществами и подавлять любое проявление сдерживающих факторов. Дрэпер пишет: «Если бы в Южных штатах 10 лет тому назад существовало такое же постоянное передвижение, как в Северных, гражданской войны вовсе бы не произошло»⁶. Однако американская неутомимость приняла другое направление. Факт изобилия новых земель, которые должны были быть заняты, получил парадоксальное преломление в дрэперовской идее об особенностях развития американского общества. Большие пространства незанятых земель развили в американцах стремление к индивидуализму и отрицанию контроля над собой. Именно это, по мнению Дрэпера, а также отсутствие политической традиции, сделало нацию разобщенной и привело в итоге к Гражданской войне.

Постоянные поиски новой земли, породившие индивидуализм, показали несостоятельность мнения, что каждый человек живет для себя. Переселяясь на новое место, люди были вынуждены создавать общество заново, если можно так сказать – с самого начала. В итоге этот процесс, завершившись, выливается в очередной поиск свободы. Дрэпер считает, что именно чувства индивидуализма и социальной мобильности помогли американцам продвинуться от Атлантики до Тихого океана.

Негативным обстоятельством этого процесса, по мнению Дрэпера, стала расточительность в использовании природных ресурсов. Многие, вместо того, чтобы применить сельскохозяйственную химию, за такую же цену покупали новые земли, а старые забрасывали: «...Плантатор Виргинии до тех пор сажит табак на земле, пока совершенно не истощит ее. Зачем ему земледельческая химия со всеми её открытиями? Чтобы исправить вред, причинённый его земле, нужно, положим, употребить пятьсот долларов на акр; но он может купить девственные страны запада по доллару с четвертью за акр»⁷.

⁵ Дрэпер Д.В. Указ. соч. С. 82–83.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Там же. С. 179–180.

Феномен «американского разлива» Дрэпер сводит к трем факторам, способствовавшим движению на Запад: лихорадке собственной независимости; реконструкции общества; истощению природных богатств. Автор старается показать значение этих факторов, призывает извлекать уроки из своей истории и истории других стран. Будучи ученым-естественником, Дрэпер призывает прекратить бездумную трату ресурсов, использовать их разумно, с привлечением научных экспертов.

Для наиболее полной консолидации нации Дрэпер выдвигает идеи, касающиеся установления контроля над железными дорогами со стороны федерального правительства, пишет о необходимости систематического изучения климатических условий в интересах фермеров, а также предлагает проект по управлению реками при помощи гидравлической техники. Нет сомнения в том, что на Дрэпера сильно повлиял факт возвышения федерального правительства над местным самоуправлением.

В контексте сказанного война развивалась как подтверждение уже имевшихся у Дрэпера взглядов: «Гражданская война со своими ужасными наказаниями не прошла без пользы. Ни в какой другой школе, кроме школы войны, общество не может научиться субординации и ни в какой другой не сможет оценить прелесть порядка. Возможно, люди скрытно любят подчиняться тем, кого они считают интеллектуально превосходящими. В военной жизни они показывают это подчинение открыто»⁸.

В «Гражданском развитии Америки» Дрэпер также рассматривает вопрос о том, что есть движущий принцип американской республики. Он без колебаний называет его разумом. Преобладание именно этого идеала отличает развитие американской истории от европейской: «Каждый американец убежден, что всякое продвижение по социальной лестнице, причем с высокой скоростью, зависит от умственных способностей человека. Отсюда считается, что процветание общества зависит от его образования. Это и составляет разницу между людьми Европы и Америки»⁹. В то же время он понимает, что никакая организация не сделает всех людей одинаковыми, и приводит в пример тот факт, что большая часть народа по-

⁸ Дрэпер Д.В. Указ. соч. С. 270–271.

⁹ Там же. С. 286.

свящает себя труду, практически не имея необходимости в образовании, кроме тех знаний, которые касаются его труда.

По нашему мнению, работа «Гражданское развитие Америки» имело целью донести до научного сообщества собственные взгляды Джона Дрэпера, подкрепленные конкретными историческими примерами. Характерно, что его книга вышла большим тиражом, была встречена положительно и впоследствии переведена на многие европейские языки. С одной стороны, мы видим, что эта работа была написана проще, чем «История умственного развития Европы», с другой, – она имеет большую точность, детальность. По нашему мнению, работа претендует на звание одной из первых научных монографий, где автор пытался предметно поговорить об особенностях процесса исторического развития Америки, что сохраняет ее актуальность вплоть до настоящего времени.

Макс Брод (1884–1968) и стратегии преодоления кризиса национальной идентичности

Проблема национальной идентичности (и кризиса национальной идентичности) стала достаточно привычной в смежных с исторической наукой междисциплинарных исследованиях. Наибольшую ценность в подобных штудиях приобретает изучение активизации интеллектуальной жизни, являющейся ответом на кризис и направленной на его осмысление и преодоление. Кризис ассимиляции евреев в Европе (в первую очередь, мною рассматривается ситуация, характерная для Австро-Венгрии в целом и Богемии (а затем и Чехословакии) в частности) конца XIX в. в историографии часто не рассматривается с позиций национальной идентичности. В частности, традиционная израильская историография вообще не затрагивает вопрос кризиса идентичности, но, скорее, говорит о кризисе поведенческих стратегий, вызванных самим процессом не столько ассимиляции, сколько интеграции в европейское общество¹. Однако именно кризисом идентичности можно объяснить тот факт, что многие интеллектуалы (еврейского происхождения) рубежа веков обратились к осмыслению проблемы положения евреев в современном обществе, оценивая существующие возможности, перспективы и предлагая новые модели поведения и ментальные установки, которые мною рассматриваются как стратегии преодоления кризиса национальной идентичности (иначе это можно сформулировать как поиски самой национальной идентичности в условиях кризиса). При этом нельзя не отметить, что часто эти поиски носили региональный характер, что в немалой степени было связано с различиями в положении евреев не только в разных государствах, но и на разных территориях внутри этих государств.

¹ См.: *Авинери Ш.* Происхождение сионизма: Основные направления в еврейской политической мысли // *Мосты культуры*. Гешарим, 2004. С. 13–26; *Кац Я.* Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев, 1770–1870 // *Мосты культуры*. Гешарим, 2006; *Рабкин Я.* Еврей против еврея: Иудейское сопротивление сионизму. М., 2009. С. 61–67.

Наиболее ярким примером может служить Австро-Венгрия, регионы которой сильно различались по своему экономическому, социальному и культурному уровню. Так, если в Вене кризис национальной идентичности и первые поиски стратегий его преодоления можно отнести к рубежу 1870–1880-х гг., то в Праге эти процессы запаздывали на целое поколение и начались только с 1890–1900-х гг., причем, следует полагать, не без культурного влияния Вены².

Среди пражских интеллектуалов, посвятивших себя поиску стратегий преодоления кризиса национальной идентичности, наиболее яркой фигурой (хотя, возможно, не самой влиятельной и не самой последовательной) был Макс Брод (1884–1968), в разные годы своей жизни разделявший (и предлагавший) различные концепции. Именно эта трансформация взглядов Брода позволяет рассматривать его в качестве наиболее всеобъемлющей иллюстрации поисков пражских интеллектуалов еврейского происхождения в рассматриваемой сфере.

Макса Брода, как правило, сейчас вспоминают в связи с личностью Франца Кафки, чьи произведения – дневники, письма – он опубликовал, а затем и посвятил ему две биографии. Однако в первой половине XX в. Брод был виднейшим культурным деятелем, известнейшим писателем и религиозным философом. Так, гамбургский историк Андреас Брахер писал об этом одном из «самых значительных и влиятельных персонажей немецкой духовной жизни в целом» следующее: «...беспорный король немецкой культурной Праги, писатель почти пугающей продуктивности: романист, написавший с 1908 по 1960 год тридцать романов, новеллист, лирик, драматург, либреттист, эссеист, философ, театральный и культурный критик; кроме того: культур-функционер, сионист, культуртрегер, переводчик и т. д.»³. Помимо этого, Брод большую часть своей жиз-

² См.: *Ле Ридер Ж.* Венский модерн и кризис идентичности. СПб., 2009. С. 373–375; *Šapková K.* Czechs, Germans or Jews? National Identities of Bohemian Jews, 1867–1939 // *The Contours of Legitimacy in Central Europe: New Approaches in Graduate Studies.* European Studies Centre, St. Antony's College. Oxford, 2002. P. 5.

³ *Брахер А.* Макс Брод между культурой немецкой Праги и сионистским национал-гуманизмом // *Брод М.* Пражский круг / Пер. с нем. Н.Н. Фёдоровой. СПб., 2007. С. 238.

ни выполнял роль посредника, способствуя интеграции пражской культуры (в том числе и чешской) в культуру общеевропейскую⁴.

Брод принадлежал к числу литераторов так называемого «Пражского круга» – условного литературного объединения немецкоязычных писателей еврейского происхождения, существовавшего в условиях языкового, религиозного, социального меньшинства с 1904 года до 1939 г.⁵. Само появление «Пражского круга» стало возможным только на пике ассимиляции, позволившей евреям активно включиться в культурную жизнь страны, однако одновременно именно поколения «Пражского круга» – людей, родившихся в период с начала 1880-х до конца 1900-х гг., – в полной мере ощутили на себе кризис ассимиляции, что направляло их на поиски способов его преодоления. Неверно было бы говорить, что поиски национальной идентичности были доминирующей линией в творчестве представителей «Пражского круга» (спорным является даже утверждение о том, что все без исключения члены круга ставили перед собой этот вопрос), однако его упоминание указывает на то, что в Праге Брод не был одинок в своих поисках.

В целом, можно выделить три этапа (соответствующие трем стратегиям) в построениях Брода, сильно отличающихся друг от друга как в плане аргументации, так и в плане времени, в течение которого та или иная позиция была им разделяема.

Первый этап обозначен жадой ассимиляции с немцами⁶. В творчестве Брода отражение этого этапа нашло лишь косвенное выражение, а потому реконструкция этой стратегии основывается скорее на воспоминаниях Брода⁷. Здесь важно отметить, что хотя ассимиляция (в целом, не только по отношению к немцам) была предшествующей кризису установкой среди евреев Праги, ее можно рассматривать и в качестве стратегии преодоления кризиса (в тот период, когда кризис стал очевиден). Пафосом этой стратегии было демонстративное игнорирование симптомов кризиса и настаивание на продолжении ассимиляции, которая на более глубо-

⁴ См.: *Найдич Л.* Макс Брод и его книга «Пражский круг» // *Брод М.* Указ. соч. С. 5-6; *Зусман В.Г.* Пражский круг // *История австрийской литературы XX века.* М., 2009. Т. I. Конец XIX – середина XX века. С. 263.

⁵ См.: *Брод М.* Пражский круг.

⁶ См.: Там же. С. 58–60.

⁷ См.: Там же. С. 60, 69–70, 102.

ком своем уровне должна будет стереть, свести на нет те противоречия, которые в настоящем создают кризисную ситуацию.

Особенностью ассимиляционных воззрений Брода стало отрицание господствующей среди пражских немецкоязычных евреев «великогерманской идеи» в пользу австрийской идентичности, то есть он переориентировался в своих идеалах с Берлина на Вену⁸. Такая позиция Брода, с одной стороны, может рассматриваться как определенная инерция по отношению к прошлым идеалам, с другой же стороны, представляла переходную модель к последующей стратегии, поскольку имплицитно в ней присутствовала идея «смешанной идентичности», так как часто австрийский народ и австрийская культура часто представлялись конгломератами многих народов и культур, сосуществовавших на территории Австро-Венгрии.

Вторым этапом можно назвать приверженность Брода выдвинутой им же концепции регионального наднационального патриотизма, в литературе называемая концепцией «богемизма». Это было определенное «географическое» понимание Чехии и сотрудничество чехов и немцев в достижении относительно самостоятельного положения Чешского королевства в рамках Австрийской монархии⁹. Под определением «богемизм» скрывается форма местного наднационального патриотизма, выражающегося в тяготении «к полилогу еврейской, австрийской, чешской, словацкой и немецкой культур»¹⁰. Причем главной действующей силой теперь были именно евреи, не имевшие в отличие от немцев и чехов своей национальной идеи.

Примечательно, что Брод в своей книге не использует термин «богемизм». Лишь в «Бурной жизни» у него присутствует упоминание о «богемском начале», являющееся для него синонимом старого австрийского мира¹¹. Между тем, Брод в одно время проявлял себя как радикальный «богемист», утверждавший отсутствие чистых эт-

⁸ См.: *Брахер А.* Указ. соч. С. 247.

⁹ См.: *Тимошкин А.* Феномен и трагедия пражского многоязычия // НЛО. 2004. № 68 // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/ti18.html>. (Дата обращения: 05.11.2010).

¹⁰ *Зусман В.Г.* Указ. соч. С. 266.

¹¹ См.: Там же.

носов в Праге, что делало вопрос о национальной самоидентификации в принципе не нужным.

Главным произведением Брода, манифестирующем концепцию «богемизма», стала его статья «Весна в Праге», напечатанной 18 мая 1907 г. в берлинском еженедельнике «Ди Гегенварт» (Die Gegenwart), в которой он радикальным образом отвергает существование каких-либо различий между существующими на территории Богемии этносами¹². Главной же причиной этнических разногласий Брод здесь, по сути, называет происки политиков, которые, разделяя не имеющие под собой никакой почвы предрассудки, пытаются разобщить духовно единый народ. Важно отметить, что Брод пишет о «двух народах», то есть о немцах и чехах, вовсе не упоминая евреев. Едва ли этот факт следует считать следствием исключительно еще не оформившегося национального самосознания евреев. Скорее, более верными будут два других толкования: во-первых, это можно рассматривать как выражение своеобразного «комплекса неполноценности» именно еврейской культуры, которой не существовало в светской ипостаси, в то время как религиозная иудейская культура к тому времени уже выродилась; во-вторых, статья была адресована более широкому слою читателей, в определенном смысле она обращалась ко всему населению Богемии, а потому упоминание еврейского элемента могло бы заведомо негативно сказаться на проводимой в ней идее. Целью Брода было размывание национальные границы, уклонение от их упоминания, доказательство их несостоятельности.

По факту, концепция «богемизма» стремилась разрушить стены «тройного гетто». Это была попытка более глубокой ассимиляции – уже не столько еврейского мира в немецкий, сколько немецкого в чешский (Брод выступал в качестве делегата от немецкого мира). При этом поддерживать эту концепцию могли только евреи, которые, в отличие от этнических немцев, действительно находились на пересечении двух культур: немецкоязычные евреи, как правило, весьма хорошо знали чешский язык, в то время как немцы в большинстве своем понимали его с большим трудом¹³.

¹² См.: Брод М. Пражский круг. С. 72.

¹³ См.: Айсман В. Языковая политика и власть. «Проблемы» Бодуэна де Куртенэ в Австрийской монархии, царской России и независимой Польше //

Все это характеризует стратегию «богемизма» как утопическую концепцию, реализация которой в условиях начала XX в. была невозможна. Хотя ряд писателей «Пражского круга» воспринял её идеи и пытался их развивать, сам Брод очень скоро отказался от неё.

С 1908 г. Брод начинает интересоваться еврейством как таковым, что привело его к увлечению сионизмом, который предстаёт третьей стратегией поиска национальной идентичности, разделяемой Бродом (уже до самой его смерти). Сионизм здесь следует рассматривать не просто как еврейское национальное движение, но скорее как теоретический конструкт, выполняющий задачу национальной самоидентификации в большей степени, нежели задачу реализации идеи создания государства, которая в этом случае становится просто консолидирующим центром. Вокруг этого центра на основе устремленности в общее будущее формируется единая национальная идентичность в настоящем, выстраиваемая на основе общей цели.

В наибольшей степени на Брода повлияла концепция культурного сионизма Мартина Бубера¹⁴, который прежде всего призывал создать новую еврейскую культуру, новое видение жизни на основе импульсов, идущих «из несравненной силы своей крови»¹⁵.

Брод последовательно следовал этому принципу, хотя нельзя сказать, что Брод занимался только иллюстрацией существующих сионистских идей. Он, как и другие последователи культурного сионизма, пытался создать базу для новой, рождающейся светской еврейской культуры, не связанной с окостеневшими традициями прошлого и влиянием той языковой среды, в которой он находился. Разумеется, это была утопическая позиция, однако она послужила базой для создания мифов, на основе которых должна была выстраиваться национальная идентичность, закреплённая в прошлом. Брод пытается реализовать концепцию культурного сионизма в своих статьях, романах, пьесах, философских сочинениях. В художе-

Механизмы власти: Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.: Матер. междунар. конф. / Под общ. ред. Е.И. Пивовара. М., 2009. С. 143.

¹⁴ См.: *Friedman M. Martin Buber's life and work.* Wayne University Press, 1988. P. 125. См. также: *The letters of Martin Buber: a life of dialogue.* Syracuse University Press, 1996.

¹⁵ Цит. по: *Ле Рудер Ж.* Указ. соч. С. 563–564.

ственном творчестве мифотворчество сильнее всего проявилось в его национальном эпосе «Реубени, князь Иудейский» (1925)¹⁶.

Роман создавал историческую национальную фигуру, несущую на себе бремя мученичества. По сути, Брод создаёт портрет первого сиониста. В отличие от утопий основателя политического сионизма Герцля, Брод мифологизировал прошлое, пытаясь создать таким образом непрерывную линию еврейской истории: от библейских легенд, к «темным векам» угнетения, из которого следовал путь в светлое будущее. Сам сионизм, если мы будем рассматривать время действия романа в пересечении со временем его написания, представал укорененным в истории явлением, прогрессивно при этом развивавшемся и готовым уже в скором времени принести долгожданные плоды. Одновременно Брод дискутирует с противниками сионизма в иудейской среде, доказывая непосредственное его истечение из еврейской истории и несостоятельность традиционной иудейской общины, идеализацию которой отстаивали его оппоненты. При этом стратегия ассимиляции также подвергается критике: Брод методично проводит мысль (не только в «Реубени», но и других своих произведениях) о несовместимости путей еврейского народа и его европейского окружения, причем вина в этом лежит именно на европейских народах¹⁷.

Брод, создавая произведение в соответствии с концепцией культурного сионизма, одновременно старается произвести активизирующий, стимулирующий к деятельности эффект и способствовать формированию именно национальной идентичности евреев. Он не предлагал никакого конкретного проекта. Его миф воплощал идею евреев и утверждал необходимость абстрактного действия для возвращения на Землю Израиля. Это был нациообразующий миф, который должен был решить кризис идентичности в сторону совместных действий евреев по образованию своего государства.

Однако здесь выступает главная слабость сионизма как стратегия по преодолению кризиса национальной идентичности. Он предлагал идентифицировать себя с абстракцией, с идеализиро-

¹⁶ См.: *Брод М.* Реубени, князь Иудейский. М., 2000.

¹⁷ См., напр.: *Die Frau, nach der man sich sehnt.* Roman. Berlin; Wien; Leipzig, 1927. Также об этом см.: *Vassogne G.* Max Brod in Prag: Identität und Vermittlung. Niemeyer Verlag, Tübingen, 2009.

ванным и условным образом, которого никогда не было. Идеи сионизма отвергали два исторически наиболее близких сторонникам сионизма образа еврея: ассимилированного и ортодоксального, предлагая нечто третье – модернизированный образ иудея из библейских легенд – могучего, сильного, отважного. Культурный проект также представлял собой некоторое сочетание европейских традиций и иудейской религиозной мысли. Предложенная сионизмом идентичность не была в полной мере еврейской, но скорее искусственно синтезированной. Поэтому и погружение в идеи культурного сионизма может восприниматься как бегство от себя, сопровождаемое постоянными колебаниями и сомнениями. Это хорошо прослеживается на примере самого Брода: на протяжении всей жизни у него оставалась неопределенность между миром немецкой культуры, где он прочно занял свою нишу и сионистской утопией. Пытаясь работать в русле культурного сионизма, он в итоге создавал по своей форме и эстетике произведение в русле немецкоязычной литературы своего времени, пусть и с еврейской тематикой, но все же на немецком языке. В своих письмах он ревностно, почти с религиозным фанатизмом, отстаивал сионистские идеи, он убеждал своих друзей и читателей в необходимости освоения земли Израиля, но при этом сам вовсе не стремился туда уехать, возлагая на себя лишь обязанности агитации и пропаганды¹⁸. При всей поддержке сионистского проекта, он не хотел покидать Прагу, где прочно занимал позицию посредника между еврейским, немецким и чешским мирами. Его образ жизни никак не менялся с момента обращения к сионизму, его поведенческие практики никак не трансформировались¹⁹. Он оставался немцем, увлекавшимся иудаизмом.

Культурный сионизм на этом этапе стал определенным переворотом в сознании евреев и окружавших их чехов. Евреи оставались немецкоязычным меньшинством, но при этом данный статус стал рассматриваться в позитивном, а не негативном ключе. Они

¹⁸ См.: *The letters of Martin Buber: a life of dialogue*. P. 147–148, 201–202, 347, 379; *Брод М.* Пражский круг. С. 67.

¹⁹ Это можно легко обнаружить на основе анализа его личной переписки. Напр., см.: *Кафка Ф.* Письма к Макс Броду // *Кафка Ф.* Созерцание. Письма к Макс Броду. СПб., 2009.

уже были не нацией, господство которой ставилось под сомнение в регионе, но молодым этносом, который так же, как и чехи прежде, переживал своё возрождение. Образ жизни оставался при этом совершенно немецким, каким он был до Первой мировой войны.

Противоречие разрешилось только тогда, когда он вынужден был в 1939 г. эмигрировать в Эрец-Исраэль (Землю Израиля), выехав из Праги на последнем поезде в ночь вторжения нацистских войск в Чехословакию²⁰.

Но в своей сверхзадаче Брод потерпел поражение, равно как и остальные сионистские деятели «Пражского круга». При этом опять пример Брода будет самым показательным. Израиль, на земле которого Брод прожил практически 30 лет, не принял его ни как литератора, ни как мифотворца. Впрочем, и Брод не до конца эмигрировал в Израиль. В Тель-Авиве он продолжал дышать воздухом немецкоязычной Праги: окружил себя пражскими друзьями, вместе с которыми, как и прежде, устраивал публичные чтения вместе с обсуждениями написанного, писал о Кафке, редактировал, а потом и издал его письма, написал две книги мемуаров²¹. Для Израиля он был своеобразным проводником к западной культуре.

²⁰ *Найдич Л.* Указ. соч. С. 18.

²¹ См.: *Брод М.* Пражский круг. С. 218.

Эволюция свободы слова в России (XX – начало XXI вв.)

В 2010 г. исполнилось 20 лет со дня принятия закона «О печати» в постсоветской России. Июнь 1990 г. – дата отсчета свободы слова, свободы печати, являющихся неизменными атрибутами любого гражданского общества. Вопрос наличия или отсутствия свободы слова в России – предмет обсуждения политиков, международных организаций, который пока не получил специального глубокого научного исследования.

Развитие системы свободных средств массовой информации началось в России в начале XX в., еще в дореволюционный период. В позднее советское время взаимоотношения свободной печати и правительства во многом повторили путь дореволюционного развития. В данной статье предпринята попытка обозначить лишь общие контуры проблемы, касающейся становления и эволюции свободы слова в нашей стране на протяжении всего XX и начала XXI вв.

В 1903 г. в царской России отмечали 200-летие русской печати. В связи с торжествами либеральные газетчики развернули целую кампанию по борьбе за свободу слова. Они подавали просьбы и петиции. Даже консервативный князь Мещерский советовал Николаю II даровать эту свободу России. Однако судьбу издателей и их изданий продолжало решать совещание из четырех министров, а провинциальная печать и вовсе оставалась подцензурной. Так было вплоть до обнародования манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего народу России «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»¹.

На самом деле ослабление цензуры произошло еще до 17 октября. В действительности выход газеты зависел не от правительственного надзора, а от воли профессиональных союзов, созданных осенью 1905 г. В тот же период был организован и союз прессы. Он решил

¹ Манифест 17 октября 1905 г. // URL: www.kodeks.ru/noframe/freeduma?d&nd=723101077&nh=2. (Дата обращения: 15.04.2011).

не подчиняться цензурной администрации, а в случае давления правительства, устраивать забастовки и пассивное сопротивление.

Таким образом, можно отметить, что манифест 17 октября лишь закрепил де юре то, что уже существовало де факто. Россия начала XX в. пользовалась практически всеми политическими привилегиями, в том числе свободой слова и печати. «Цензура, уже существенно ослабленная в начале столетия, с 1905 г. была упразднена совсем – и восстановлена в 1914 г. как военная цензура. Даже большевистская "Правда" легально издавалась с 1912 г., а когда за явно противозаконные публикации ее все же закрывали, тут же возобновляла работу под другим названием с прежним составом редколлегии. В политической жизни запрет существовал только на те партии, которые открыто проповедовали экстремистские и террористические цели»².

Проблемы со свободой слова в России начались с победой Октябрьской революцией. Уже 27 октября 1917 г., через день после прихода к власти, большевики запретили все буржуазные газеты. Правда, оговаривались: мера это вынужденная и временная: «Как только новый порядок упрочится, - всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону. <...> Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни»³.

Система однопартийной печати и жесткое ограничение свободы слова – таков итог для российской журналистики после победы Октябрьской революции. Пресса превратилась в послушный инструмент политической борьбы с инакомыслием. В печати – прославление партии и рассказы об успехах. Главной задачей средств массовой информации на долгие десятилетия стало создание светлой, полной энтузиазма и бескорыстия картины трудовых будней советского народа.

² Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 2007. С. 11.

³ Декрет о печати 27 октября (9 ноября) 1917 г. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/press.htm>. (Дата обращения: 10.03.2011).

«Нормальные условия» наступили только 70 с лишним лет спустя. 12 июня 1990 г. в Советском Союзе был принят закон «О печати и других средствах массовой информации». Работа над проектом шла трудно. Не все депутаты понимали необходимость такого акта, а некоторые откровенно саботировали принятие документа. «Единственным утешением, иронизировали "продвинутые" депутаты, что в СССР до сих пор нет такого закона, может быть то, что его также нет в таких, например, странах как Великобритания и США. <...> Ситуации, на первый, непросвещенный взгляд, у нас с этими странами были-таки схожие. С одной лишь разницей: закона о печати там уже не было, а у нас еще не было»⁴.

Авторам законопроекта пришлось побороться за основополагающие положения, без которых свобода слова – всего лишь демагогия. Закон «О печати» гласил, что печать свободна, цензура недопустима, учредить СМИ может любой гражданин страны, а вмешательство в работу прессы запрещено. К тому же, закон допускал финансирование не только из государственных, но и из частных источников⁵. Документ строго регламентировал права учредителя по отношению к редакции, а позже многие издания вообще отказались от учредителей в пользу редакции или трудового коллектива.

В последние годы правления М. С. Горбачева российские средства массовой информации были действительно независимым институтом и обладали достаточной властью⁶.

Но поистине «золотой век» для российских средств массовой информации настал с приходом к власти Б. Н. Ельцина. Фактически именно прессе он и обязан своим восхождением на олимп власти.

Настоящим испытанием для обновленных средств массовой информации стал августовский путч 1991 г. Второе постановление комитета касалось печати. В связи с введением в столице и некоторых других регионах Советского Союза чрезвычайного положения налагался строжайший запрет на выпуск любой периодической пе-

⁴ Ярошинская А. Свобода печати: от Горбачева до Медведева // URL: <http://www.rosbalt.ru/2010/08/18/763269.html>. (Дата обращения: 10.04.2011).

⁵ См.: Закон «О печати и других средствах массовой информации» 12 июня 1990 г. // URL: http://www.allbusiness.ru/VPravo/DocumShow_DocumID_37800.html. (Дата обращения: 10.03.2011).

⁶ См.: Засурский И. Масс-медиа второй республики // URL: <http://www.smi.ru/99/09/30/247115.html>. (Дата обращения: 15.04.2011).

чатной продукции за исключением девяти газет: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя» и «Сельская жизнь». Возобновление остальных изданий откладывалось до решения специально созданного органа ГКЧП СССР⁷. По центральному телевидению вместо информационных программ показывали «Лебединое озеро». Но люди выносили на улицы радиоприемники и слушали первую независимую станцию «Эхо Москвы», которая давала в эфир всю имеющуюся информацию о том, что происходило в Белом доме⁸.

Б.Н. Ельцин оплатил журналистам терпением. Как бы ни критиковали Президента, проводимую им политику и его правительство, он никогда не позволял себе пожертвовать свободой слова. «Он помнил, что пришел к власти на волне гласности, защищая свободу слова как фундаментальную ценность. Он из принципа не мог позволить себе затыкать рот журналистам, даже если они откровенно лгали, выполняя указания своих хозяев. Он считал заказную ложь для страны меньшим злом, чем государственную цензуру»⁹.

Даже в самые сложные годы – в период первой чеченской войны, – когда на правительство обрушились с критикой не только независимые, но и государственные средства массовой информации, ни один журналист не был наказан за свой материал. «Если бы в те дни – а дни были очень острые, когда каждый антивоенный репортаж по телевизору воспринимался моими помощниками как предательство, – мы пошли на чрезвычайные меры, на ограничения свободы слова, раскол был бы неминуем. И общество покатило бы совсем по другому пути. Усилием воли я заставил себя не обращать внимания на излишнюю, несправедливую критику. И постепенно в обществе возобладала здравая линия, линия середины»¹⁰.

⁷ См.: Постановление № 2 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР // URL: <http://www.rusempire.ru/pravovye-akty/postanovleniya-gkchp-1991.html>. (Дата обращения: 10.04.2011).

⁸ См.: *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 1994 // URL: www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?I=3792 (Дата обращения: 15.03.2011).

⁹ *Немцов Б.Е.* Исповедь бунтаря. М., 2007. С. 58.

¹⁰ *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. М., 2000 // URL: www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3793. (Дата обращения: 15.03.2011).

В июне 2010 г. исполнилось 20 лет со дня принятия закона «О печати», положившего начало свободы слова в России. Юбилей прошел незаметно. При сегодняшнем состоянии трех ветвей власти мощь и влияние «четвертой» сильно потускнели. Свобода слова есть: можно говорить, что хочешь и о ком хочешь, – вот только власть на критику журналистов больше никак не реагирует. Пресса фактически потеряла влияние на государственные и общественные структуры¹¹.

Общество, да и сами журналисты, свободу средств массовой информации, их учреждение и издание воспринимают как нечто естественное, что существовало всегда. «А выстраданная обществом в политических боях свобода печати зачастую становится билетом на тот свет. Если при СССР за подпольный "самиздат" всемогущий КГБ отправлял "отщепенцев" в район пермских лагерей или в психушки, то сегодня смелые журналисты за легальную публикацию материалов о неприглядных делишках какого-нибудь криминального пахана во власти получают битой по голове или контрольный выстрел в голову. Журналистика в прямом смысле этого слова практически изживает себя, превращаясь в перманентный пиар-проект, а СМИ, – по словам известной журналистки Лидии Графовой, – все больше трансформируются в газетно-журнальные "фермы", где журналистов покупают, как рогатый скот, сильные мира сего. Это – с одной стороны. А, с другой, – свобода слова превратилась в свободу слуха. Для властей»¹².

Таким образом, за столетнюю историю России свобода слова реально существовала лишь короткий промежуток времени. За один век средства массовой информации прошли путь от партнера власти до ее инструмента, фактически вернувшись к тому, с чего начали. В XXI в. российские СМИ вступили свободными только по закону. На деле же средства массовой информации оказались очень даже зависимыми: и от политической власти, и от финансовой.

¹¹ См.: *Ненашев М.Ф.* Не «четвертая власть», а прекрасная мечта // URL: http://www.library.cjes.ru/online/&a=con&b_id=554. (Дата обращения: 03.04.2011).

¹² *Ярошинская А.* Указ. соч.

С.С. Кочережко

**Дворянские представления о причинах
восстания 1773–1775 гг.**

Как и любое крупное социальное потрясение Пугачевское восстание 1773–1775 гг. отразилось на всех сферах жизни тогдашнего общества. «Бунт несмысленной черни и подлого народа против господ», по выражению самих дворянских авторов, безусловно, не мог не затронуть умы представителей привилегированного сословия. Дворянский взгляд на «пугачевщину» раскрывается через множество аспектов, одним из которых являются представления представителей господствовавшего сословия на причины народного движения, т. е. на те факторы и противоречия, которые сделали его возможным и неизбежным.

Несмотря на обширную историографическую традицию изучения Пугачевского восстания и истории русского дворянства, к настоящему моменту эта проблема на получила специального рассмотрения в научной исторической литературе. Советские историки основное внимание уделяли не «правительственному лагерю», а восставшим. Но если и обращались к дворянскому взгляду на причины «пугачевщины», то оказывались в плену методологического противоречия: с одной стороны, постулировалась невозможность для «господствующего класса» понять «истинные причины восстания», с другой, – нельзя было не отметить, что дворяне верно осознавали антипомещичий характер бунта¹.

Некоторые современные отечественные историки вскользь касаются поставленной проблемы², но в целом она далека от своего

¹ См.: Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 32; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Т. 3. Л., 1970. С. 415–416; Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980. С. 99–100; Он же. Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками. М., 1995. С. 9, 16; Буганов В.И. Пугачёв. М., 1984. С. 370–371; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2004. С. 175–176.

² См.: Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII века. Л., 1992. С. 289; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского

разрешения. Без обращения к дворянскому восприятию «пугачевщины» ни историческая картина восстания 1773–1775 гг., ни научные сведения об общественном сознании российского дворянства в эпоху его «золотого века» не могут считаться полными.

Источниковой базой исследования стал обширный комплекс делопроизводственных материалов (официально-деловая переписка) и источников личного происхождения (частная переписка, мемуары и дневники). Исследованию были подвергнуты около 700 писем (по большей части это не личная, а официальная переписка), 20 мемуаров и воспоминаний, а также 2 государственных проекта 134 авторов, которые были свидетелями восстания и создали указанные источники либо в ходе «пугачевщины», либо после нее (включая первые десятилетия XIX в.). Большая часть из них опубликована, но также использовались и неопубликованные источники, хранящиеся в РГАДА и ОР РГБ.

Несмотря на значительный объем изученных материалов, источников, которые касаются проблемы причин восстания и «уроков» бунта, оказалось совсем мало. В дворянских источниках значительно больше места уделено событийной стороне «пугачевщины», а не «теоретической» – вопросам причин и последствий бунта. Из всего изученного массива источников лишь 7% авторов напрямую подняли вопрос о происхождении восстания и его причинах (10 авторов из 134)³, причем больше половины из них (П. И. Панин, П. С. Потемкин, С. И. Маврин, П. С. Рунич, Г. Р. Державин, А. И. Свечин) занимали высокие посты в период подавления движения и его расследования. Наиболее системно к этому вопросу подошли П. С. Рунич в своих «Записках», П. С. Потёмкин в донесении императрице от 15 сентября 1774 г. и А. И. Свечин в своем пространном «экстракте». Таким образом, более 90% авторов не коснулись вопроса о причинах восстания: очевидно, что этот во-

дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 226–230; *Смирнов Ю.Н.* Заволжский очаг и район восстания 1773–1775 годов // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 154–155.

³ А именно: П.И. Панин, П.С. Потемкин, С.И. Маврин, П.С. Рунич, Г.Р. Державин, М.Н. Пекарский, А.М. Лунин, А.И. Свечин, П.И. Рычков и неизвестный автор анонимной рукописи об осаде Оренбурга, хранящейся в ОР РГБ и удивительно схожей с «Летописью Рычкова».

прос для них либо представлялся далеко не самым важным (уступая событийной стороне «пугачевщины»), либо – не самым понятным, либо – не самым приятным для освещения. Как правило, «теоретической» стороны восстания касались в основном высокопоставленные подавители волнений и связанные со следствием дворяне, т. е. имевшие дело с бунтом не на местном, а на государственном уровне.

В данном исследовании учитывались лишь те цитаты, которые авторы источников осмысленно и прямо относили к причинам восстания: эти цитаты либо располагались ими во время рассказа о происхождении бунта, либо сопровождались указанием на то, что автор считает их причиной «пугачевщины».

Изучение значительного комплекса источников позволило выделить два подхода дворян к определению факторов, способствовавших возникновению Пугачёвского восстания. Первый подход ограничивает вопрос происхождения бунта лишь проблемами, связанными со средой яицких казаков, а второй – рассматривает этот вопрос шире, указывая на ряд других обстоятельств. Поэтому ниже сначала будет рассмотрен так называемый «казацкий вопрос», который признавался всеми авторами, писавшими о причинах бунта, а затем – второй подход и называемые им другие факторы, приведшие к восстанию.

1. «Казацкий вопрос». Все дворяне, касавшиеся вопроса о причинах восстания, непременно связывали его с яицкими казаками. Среди социальной базы «пугачевщины», которую упоминали дворянские авторы, обязательно указывались только яицкие казаки, а другие слои назывались уже не всеми. Нередко авторы указывали, что корни Пугачёвского бунта восходят к яицкому восстанию 1772 г. Объединению причин «пугачевщины» с ситуацией у яицкого казачества во многом способствовала официальная позиция государства: определяя задачи следствия, Екатерина II прямо указывала на яицких казаков как зачинателей восстания, поэтому и причины движения должны находиться в их среде. Очевидно поэтому в официальном докладе императрице глава секретной комиссии П.С. Потемкин сводил причины восстания лишь к ситуации в среде яицкого казачества.

В чем же с точки зрения обоих дворянских походов заключалась проблема яицких казаков – своеобразный «казацкий вопрос»,

который во время царствования Екатерины II обозначился не менее остро, чем вопрос крестьянский?

Во-первых, дворяне признавали особую природу яицких казаков, одной из причин которой, по их мнению, стал сам процесс формирования казачества. Цитата из П.С. Рунича суммирует высказывания дворянских авторов: источником казачества становились беглецы, как правило, из помещичьих крестьян, которые стремились укрыться от своих бывших хозяев и от уплаты податей⁴.

Содержание особой природы яицкого казачества наиболее системно изложил П. С. Потемкин, объединив разрозненные указания других дворян⁵:

- казачество исповедовало раскольническую веру. Опасность этого крылась в том, что для самих казаков все их протестные выступления оказывались «угодными богу» – согласно их представлениям, а не позиции официальной церкви;

- невежество, праздность, пьянство;

- приверженность давним привилегиям, которыми яицкие казаки считали право носить бороды, исповедовать старообрядчество, особые государственные выплаты на их содержание и особую систему управления – казацкий круг. П. С. Потемкин отмечает юридическую бесосновательность этих привилегий: «как грамоты на все их выгодны с давних лет утрачены; то и невозможно знать, какие точно с начала самого имели они привилегии»⁶. Также Потемкин подчеркивал вредные для государства свойства казацкой системы управления: поскольку казацкий круг предполагал высказывание общего мнения «любо» или «не любо», то казаки могли считать «всякое повеление притеснением и обидою»⁷.

Но особой природой яицкие казаки обладали с самого начала своего формирования, а их восстания в XVIII в. пришлись на начало 1770-х гг. Поэтому кроме указаний на общую склонность казаков к бунту, дворянам нужно было выделить те факторы, которые

⁴ См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича // Русская старина. 1870. Т. 2. СПб., 1875. С. 69.

⁵ См.: Донесение Потемкина П.С. Екатерине II от 15 сентября 1774 г. // Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. СПб., 1875. С. 79, 85.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Там же. С. 78.

подтолкнули их к восстаниям. Можно отметить два подхода дворян к определению причины восстания яицких казаков.

Согласно первому из них, причины волнений яицких казаков были исключительно внутренними для самого казачества и заключались в его расслоении и межгрупповых конфликтах. Как правило, указывалось, что причиной раздоров яицких казаков стал конфликт их старшин (выделение атаманской и войсковой сторон в яицком войске). П.И. Рычков (почти дословно совпадая с анонимной рукописью об осаде Оренбурга, хранящейся в ОР РГБ) отмечал: «История народов многие примеры представляет и дает нам знать, что от слабостей и невежества начальников происходят часто неурядицы, смятения и гибель не только таких малых обществ, каково было и ныне еще есть Яицкое, но и больших городов, а иногда и целых областей; слабости, раздоры и междоусобия старшин, сколько известно мне по их прежним делам, издавна уже были»⁸.

Расследования П. С. Потемкина и С. И. Маврина показали, что в основе конфликта двух частей яицкого войска лежали финансовые споры: атаманская сторона расхищала казацкую казну, не давала всему войску отчета об использовании собранных средств, и ими «пользовались по прихотям своим», но при том не сокращала налоги с казачьих промыслов⁹.

Постепенно в эти сугубо внутренние неурядицы яицкого казачества стало вмешиваться государство, а поскольку атаманской стороне удалось привлечь на свою сторону правительственных чиновников (включая направляемые на Яик следственные комиссии), то конфликт перерос в столкновение войсковой стороны с правительственными войсками.

Другая точка зрения указывала на внешнюю в отношении казачества причину его недовольства – конфликт государства и казаков. Выделяется два взгляда на эту проблему. Первый из них ограничивался описанием личного конфликта местных чиновников с

⁸ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1996. Т. 9. Кн. 2. С. 206. См. также: *Дневник неизвестного лица...* // ОР РГБ. Ф. 92. Д. 12. Л. 1–1 (об.).

⁹ См.: *Донесение Потемкина П.С. Екатерине II от 15 сентября 1774 г.* // *Грот Я.К.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. С. 81-82; *Рапорт Маврина С.И. от 17 августа 1774 г.* // ОР РГБ. Ф. 222. Картон 9. Д. 1. Л. 27.

казачеством. Так, С. И. Маврин в посланиях к П. С. Потемкину неоднократно подчеркивал конфликт коменданта Яицкого городка И. Д. Симонова (он «их денно и ночью боится и называет в глаза изменниками. А сие самое и выводит их из подчинения, и справедливо его ненавидеть»¹⁰) и оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа с казаками. Другой подход шире и указывает на недовольство казаков всей правительственной политикой в его отношении. П. И. Панин писал императрице, что один из двух полков, посланных ею на подавление «пугачевщины», сам бунтовал во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. из-за того, что его переводили «из казачьих в пикинерные» с необходимостью «содержания себя собственно с своих селений»¹¹. Полковник Пекарский отмечал, что причиной яицкого восстания 1772 г. стало стремление государства сформировать из яицких казаков казачий эскадрон в рамках Московского легиона и использовать его на внутренних службах, а к началу «пугачевщины» «злоба в оставшихся не погасла»¹².

Наконец, вопрос о поводе Пугачевского восстания ясно разрешался в докладе П.С. Потемкина Екатерине II и сводился к попытке собрать штраф с восставших в 1772 г. казаков за их волнения. Недовольство казаков вызвала несправедливая «раскладка ко взысканию денег», которая «была учинена не по состоянию имущества», поэтому одним из главных мотивов перехода казаков на сторону Пугачева было их стремление «избежать притеснений и взыскания несносного денег»¹³.

Итак, «казацкий вопрос» признавался почти всеми дворянами, писавшими о причинах восстания. При этом большая часть дворянских авторов (А.М. Лунин, М.Н. Пекарский, П.И. Рычков, анонимный автор рукописи об осаде Оренбурга) этим и ограничивала

¹⁰ Письмо Маврина С.И. Лукину А.М. от 12 августа 1774 г. // ОР РГБ. Ф. 222. Картон 9. Д. 1. Л. 12.

¹¹ Письмо Панина П.И. Екатерине II от 4 августа 1774 г. // Материалы для истории пугачевского бунта // Переписка Екатерины II с графом П.И. Паниным. СПб., 1863. С. 27.

¹² Записки полковника Пекарского... // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 2. С. 598–599.

¹³ Донесение Потемкина П.С. Екатерине II от 15 сентября 1774 г. // *Грот Я.К.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. С. 95–96.

свой взгляд на причины восстания (первый подход – «локальный»). В этом отношении показательна позиция Г.Р. Державина, который считал, что причины восстания «будут по историческим известиям», но кроются они в Яицком городке¹⁴.

2. Другие причины восстания. Как указывалось выше, в дворянской среде существовал и другой, более широкий, взгляд на причины восстания, который выделял не только «казацкий вопрос», но и некоторые другие факторы (второй подход – «панорамный»). К этому второму подходу можно отнести П.И. Панина, П.С. Потемкина, П.С. Рунича и А.И. Свечина. Названные ими факторы, способствовавшие росту социального протеста и приведшие в конечном итоге к восстанию 1773–1775 гг., сводятся в общем к следующему.

Наиболее часто называлось взяточничество, разъедавшее государственный аппарат на местах в неумных размерах и приводившее к расстройству его работы. На самом низовом уровне правосудие заменялось подкупом и пристрастием, что не могло не вызвать массовое недовольство чиновниками.

Полковник А.И. Свечин в обширном «экстракте», поданном сначала в Сенат, а потом Екатерине и П.И. Панину¹⁵, рассмотрел весьма широкий спектр «коррупционных схем» (многие из которых не потеряли актуальности и в наши дни) и пришел к выводу о том, что главной причиной недовольств крещенных и некрещенных инородцев, а также помещичьих и заводских крестьян, является распространившееся в огромных масштабах взяточничество местных чиновников, судей и духовенства. Он указывал, что местные чиновники, судьи и духовенство обирали население по любому вопросу (например, даже при чтении манифеста о вступлении Екатерины II на престол чиновники отказывались принимать присягу у населения, пока те не заплатят им), даже провоцировали его на взятки. Например, местные духовники в пост подкладывали новокрещенным мясо в еду, а валтмейстеры сами подбрасывали во дворы к крестьянам отрубки дубов (которые было запрещено рубить) и за это требовали денег, угрожая тюрьмой и прочими наказаниями.

¹⁴ См.: *Державин Г.Р.* Записки (1743–1812). М., 1860. С. 49.

¹⁵ См.: Экстракт Свечина А.И. Панину П.И. // Пугачёвщина: В 3 т. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 8–40.

ми. С его точки зрения, вся система местной власти (включая систему ее контроля) насквозь пронизана коррупцией.

П.С. Потемкин тоже прямо указывал, что «не можно представить себе, до какой крайности весь народ в здешнем краю бунтует... Причина этого – крайнее мздоимство, которое народ разорило и ожесточило»¹⁶. Из этого П.И. Панин и П.С. Потемкин сделали вывод о необходимости начала широкой антикоррупционной кампании. Панин приравнивал взяточничество к участию в бунте и требовал доставлять лично к нему или к губернаторам пойманных с поличным чиновников, не взирая на их чин и фамилию.

Еще одним фактором, приведшим к восстанию, некоторые дворяне посчитали наличие других взрывоопасных слоев населения, а именно – инородцев, заселявших южные степи и Поволжье. Далеко не все дворянские авторы упомянули инородцев даже в качестве участников восстания, а в качестве именно предпосылки восстания их назвал лишь П.С. Рунич. Причем, с точки зрения большинства высказывавшихся по этому вопросу дворян, инородцы не имели объективных причин бунтовать, а делали это либо по своей «буйной» и «звериной», а также невежественной и легкомысленной (Ф.Ф. Щербатов) природе, либо с целью пограбить (полковник Пекарский, П.И. Рычков, неизвестный автор из ОР РГБ). Оренбургский губернатор А.И. Рейнсдорп отмечал, что башкиры переходили на сторону Пугачева, поскольку он позволял им «грабежи заводов и помещиков»¹⁷. В этом дворянская позиция совпадала с мнением императрицы.

Что характерно, взрывоопасным слоем населения не называлось крестьянство. Хотя множество дворянских авторов признавали пугачевщину бунтом «черни» против «помещиков и начальства», но ни один из них не указал на то, что у крестьянства были причины бунтовать именно из-за крепостного гнета. Дворянское понимание того, чем были недовольны крестьяне, и что толкало их на бунт, отчасти отразилось во взгляде авторов на мотивы перехода крестьян на сторону пугачевцев. Часть дворян считала, что крестьяне делали это из-за пугачевских «обольщений». Причем, здесь

¹⁶ Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 3. С. 107.

¹⁷ Сообщение Рейнсдорпа А.И. от 16 ноября 1773 г. // Пугачевщина: В 3 т. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 232.

можно выделить два разных взгляда. Первый ограничивался тем, что крестьяне «прельщались» пугачевскими разрешениями грабить помещиков, казенные деньги и запасы и пр. Другие указывали на то, что государственных крестьян в пугачевских призывах больше привлекало освобождение от государственных податей и рекрутских наборов, а помещичьих – воля, освобождение от десятинной пашни и оброчных платежей¹⁸. Тем самым, формально не считая эти крестьянские требования объективными, очень небольшая часть дворян (находящихся на государственной службе) все же обращала на них внимание.

Наконец, следует затронуть вопрос о том, находило ли дворянство иностранные корни восстания 1773–1775 гг. Советские историки подчеркивали, что «правительственному лагерю» было гораздо удобнее увидеть причины восстания в иностранной диверсии, чем в существовавших общественных противоречиях. Но версию об иностранном следе в «пугачевщине» из всего исследованного массива документов выдвигал только Г.Г. Орлов, сам находившийся тогда за границей: «Я все еще подозреваю и причины имею подозревать, не французы ли этой шутке причина... Я только то знаю, что для нашего отечества великие недоброхоты французы»¹⁹. Командование подавлением восстания не высказывало такое предположение ни во время восстания, ни после него. Так, первый главнокомандующий подавлением «пугачёвщины» генерал-аншеф А.И. Бибиков в феврале 1774 г. убеждал Екатерину II: «по достоверному моему осведомлению нет в толпе злодея иных советников и правителей, как только одни воры Яицкие казаки, а подозрение на чужестранных совсем неосновательно»²⁰. По окончании следствия П.С. Рунич с уверенностью отмечал: «Я со всею смелостью повторяю, утверждаю и доказываю самую истинною событий, что также иностранных дворов политические виды не имели никакого

¹⁸ См., например: Ведомость Чичерина Д. и Резанова П. о волнениях селений Сибирской губернии // Пугачевщина. Т. 3. С. 32; Доношение Кудрявцева И. из Казанской губернской канцелярии в Сенат от 24 июля 1774 г. // Там же. С. 40.

¹⁹ Письмо Орлова Г.Г. Потемкину Г.А. от 25 сентября 1774 г. // Русский архив. 1876. Кн. II. № 5. С. 6.

²⁰ Письмо Бибикова А.И. Екатерине II от 5 февраля 1774 г. // Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. М., 1862. С. 58.

участия в яицком возмущении», ведь «бунтовщики остерегались иностранцев единственно для того, чтобы не обнаружить незнание их государя иностранных языков»²¹.

Завершая обзорную статью, можно подвести следующие итоги.

1. Основная масса (более 90%) дворянских авторов не уделяла внимания вопросу о причинах восстания. Как правило, «теоретической» стороной «пугачевщины» интересовались высокопоставленные участники подавления восстания и связанные со следствием дворяне.

2. «Казацкий вопрос» признавался почти всеми дворянами, писавшими о причинах восстания, но если большая часть дворян ограничивала свой взгляд исключительно им, то другая обращала внимание и на прочие факторы.

3. Дворяне действительно не считали (или делали вид, что не считали) причиной крестьянских волнений крепостной гнет, а эти причины сводили к различным побочным факторам – в первую очередь, к разложению государственной системы на местах (взяточничество и несправедливое правосудие), что и приводило к народному недовольству и волнениям.

²¹ Записки сенатора Павла Степановича Рунича // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 70.

**Городские жители Российской империи о реформировании
общественного управления
(по материалам городских комиссий 1862 г.)**

Важной, но недостаточно изученной особенностью подготовки городского положения 1870 г. было изучение взглядов горожан на то, каким должно быть городское общественное управление. Изучение общественного мнения имело вполне практические цели. Оно позволяло лучше понять, что именно требовалось изменить в городском управлении, а не руководствоваться абстрактными представлениями.

С этой целью министерство внутренних дел разослало губернаторам циркуляр о создании в городах комиссий «из наиболее опытных и сведущих лиц с приглашением в оные депутатов от всех сословий города»¹. Министерство интересовали следующие вопросы: 1) какие условия городской жизни есть в месте, где планировалось реформировать общественное управление; 2) при каких условиях поселившиеся в городе люди могут считаться жителями городской общины, и на какие разряды или сословия они могут быть разделены; 3) чем в данный момент занимаются городское общество и сословия; 4) какие учреждения и должности нужно установить для управления общественными делами; 5) каковы условия для получения права голоса и для избрания на общественные должности; 6) каким образом должны быть определены права избирателей и избираемых; 7) какой порядок должен быть для составления общественных собраний для выборов, и как должны проводиться сами выборы; 8) должны ли быть сформированы собрания для выборов некоторых сословий в частности; 9) на какой срок должны быть избираемы должностные лица, и какие преимущества надлежало бы присвоить лицам, состоящим на городской службе².

¹ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи СПб., 1877. Т. I. С. IX, 1–30.

² См.: *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984. С. 7–36.

За основу будущих проектов предлагалось взять городские положения, действовавшие в Москве и Санкт-Петербурге. Вопросы, которые предлагались респондентам, можно разделить на четыре группы: текущая ситуация в городском общественном управлении (п. 1 и 3); организация выборов (п. 8, 9); избирательное право (п. 2, 5, 6, 7); организация управления (п. 4, 10).

В результате чиновниками Хозяйственного департамента министерства внутренних дел было получено большое количество отзывов и предложений, на основании которых был составлен «Свод соображений местных комиссий об улучшении городского общественного управления». Достоинством этого документа является систематизация предложений местных комиссий. К недостаткам следует отнести отсутствие сведений об их составе, что лишает возможности судить как о соотношении сословий, так и о роли чиновников в комиссиях. Цель данной работы заключалась в том, чтобы выявить представления горожан о том, какой должна быть реформа.

Главным условием принадлежности к городскому обществу, а, следовательно, получения избирательного права в Петербургском и Московском Городских положениях (П. п. Ст. 43. М. п. Ст. 41) была принадлежность к городским сословиям³. Кроме того, лицо, получившее право голоса, должно находиться в возрасте не менее 21 года, не иметь судимости, владеть имением доходом не менее 100 рублей в год, и быть приписанным к городу не менее 2 лет. Женщины не могли присутствовать на выборах, но имели право передать свой голос отцу, мужу, сыну, дяде, брату или зятю (П. п. Ст. 44. М. п. Ст. 43).

Большинство местных комиссий высказались за то, чтобы считать условием принадлежности к городскому сообществу владение недвижимой собственностью и приписку для отправления повинностей в городе⁴. Однако, имелись случаи отстаивания сословных интересов, наблюдались и национально-религиозные противоречия. Например, депутаты Костромской и Царевосачунской комиссий заявили, что привлечение духовного сословия к отбыванию повинностей противоречит каноническим постановлениям. Были

³ Цит. по: Полное собрание законов Российской империи. Отделение II: В 33 т. 1881–1913. СПб., Т. 21. С. 235–246.

⁴ См.: Материалы, относящиеся... С. 33.

предложения выделить в отдельные разряды крестьян, евреев, кантонистов, армян, татар⁵.

Широкий спектр мнений был по вопросу о количестве городских разрядов: 66 городских поселений (в большинстве своем маленькие города) были против какого-либо деления; 154 высказались за 2 разряда; 183 – за 3; 68 предложили делить жителей на 4 разряда; 27 – на 5; по три городских поселения – на 6 и 7 разрядов. Только 16 городов приняли избирательные правила без изменений. Остальные, в той или иной степени, пытались приспособить их под местные условия. Касалось это в первую очередь имущественного ценза, варьировавшегося в диапазоне 5-200 руб., и предложений определять права избирателей не по доходу, а по стоимости имущества⁶.

Определенный интерес вызвал вопрос о праве передачи голоса. В частности предлагалось распространить его не только на женщин, но и на мужчин в случае болезни или отлучки. Близкой по смыслу к предыдущей была идея распространить право передачи голоса на стариков и людей со слабым здоровьем. Были и прямо противоположные предложения в этом вопросе: или ограничить круг лиц, которым можно передавать право голоса, или вообще отменить всяких ограничения. Калужская комиссия, например, предлагала лишить женщин права голоса, а Кирилловская – допустить их на выборы⁷.

Согласно столичным положениям, городское общественное управление делилось на общее и сословное (П. п. Ст. 1. М. п. Ст. 1). Общее управление состояло из Городского головы, «Общей» и «Распорядительной» дум (П. п. Ст. 2. М. п. Ст. 2). Частное управление представляли сословные управы (П. п. Ст. 3. М. п. Ст. 3).

Почти все комиссии были единодушны том, что городское управление должно делиться на совещательную (т. е. законодательную) и исполнительные ветви (Распорядительная дума). Большинство комиссий предлагали скопировать структуру совещательной части, с той, которая уже была создана в Санкт-Петербурге и Москве, а именно сформировать её в виде общегородского собра-

⁵ См.: Материалы, относящиеся... С. 35–48.

⁶ См.: Там же. С. 91–92.

⁷ См.: Там же. С. 96–97.

ния (Общая Дума)⁸. 162 комиссии считали, что лучше будет объединить их в «Общей Думе». Однако высказывались опасения, что такое собрание превратится в беспорядочную сходку. В 45 городах из-за малого числа населения предлагалось вообще ограничиться только общегородскими сходками⁹.

Состав «Общей думы» в проектах комиссий варьировался от 15 до 100 человек, в зависимости от размера города. В ряде случаев предлагалось ввести квоты для сословий, в соответствии с их численностью в городе. Комиссии городов с многонациональным составом населения считали, что необходимо иметь выборных гласных от инородцев. Состав «Распорядительной думы» варьировался от одного до четырех человек. Большинство комиссий считали, что городским учреждениям должно предоставляться право нанимать и увольнять местных чиновников без всякого контроля со стороны губернской администрации¹⁰.

Среди должностей, которые горожане считали необходимыми иметь, в «Распорядительной думе» значились: торговая полиция, следящая за порядком на рынках, маклер и нотариус. Иногда предлагалось включить в состав этого органа хозяйственную полицию и аукционную камеру¹¹.

Почти все города считали, что создавать сословные управы не имеет смысла, так как не видели различий между ними и «Распорядительной думой». Исключением были: Вильна, Курск, Саратов, Харьков, Ростов (Екатеринославская губерния), Равенбург (Рязанская губ.), Бердянск (Таврическая губ.) и Ефремов (Тульская губ.)¹².

Отдельно следует отметить, что многие комиссии малых городов считали необходимым использовать упрощенный порядок управления. В частности предлагалось, чтобы Городской голова взял на себя обязанности Распорядительной думы, возложить обязанности торговой полиции на членов Распорядительной думы или Городского голову, заменить сословные управы сословными старшинами¹³.

⁸ См.: Материалы, относящиеся... С. 51.

⁹ См.: Там же. С. 52, 54.

¹⁰ См.: Там же. С. 55–58.

¹¹ См.: Там же. С. 60.

¹² См.: Там же. С. 61.

¹³ См.: Там же. С. 64–66.

Подводя некоторый итог, можно констатировать, что реформа городского общественного управления нашла заинтересованный отклик среди горожан. В министерство внутренних дел поступило большое количество предложений, многие из которых были учтены при разработке городского положения. Между тем, в соображениях местных комиссий отразились сословные и национальные противоречия, экономическая ситуация в том или ином городе, а также заинтересованность людей в кардинальных изменениях управления городом.

**Бесценная находка: первая видеосъемка
«Русских сезонов» С.П. Дягилева**

1 февраля 2011 г. буквально по всем каналам телевидения почти ежечасно транслировали сенсационную новость о том, что «...в архиве лондонского Музея Виктории и Альберта найдены уникальные кинокадры с выступлением Русского балета Дягилева»¹. Как оказалось, эта киноплёнка ничто иное, как первая видеозапись спектакля труппы С. П. Дягилева, «...одной из самых знаменитых балетных компаний в истории»².

Даже далекие от искусства люди были заинтригованы этим сообщением, а для историков искусства и искусствоведов выяснение судьбы этой сенсационной находки сразу стало актуальной задачей, и можно сказать, делом чести.

В данной статье попытаемся рассмотреть вопрос о причинах загадочного запрета Дягилева проводить видеосъемку балетных постановок знаменитых «Русских сезонов» и выяснить, каким образом все-таки стала возможна прогремевшая на весь мир видеозапись, и на самом ли деле на этих кадрах запечатлена дягилевская балетная труппа.

Итак, стало известно, что в лондонском Музее Виктории и Альберта в феврале 2011 г. завершилась выставка «Дягилев и Золотой век “Русских балетов”, 1909–1929». Среди экспонатов находилась ранее неизвестная киноплёнка, на которой было запечатлено минутное выступление какой-то труппы. Фрагмент был назван «праздник Нарцисса», и высказано предположение, что в этом спектакле балерина (Нарцисс) танцевала в сопровождении женского кордебалета.

Пленку, хранившуюся в британском архиве французской киностудии «Pathe», обнаружила Сюзан Иствуд, член Лондонского

¹ См.: URL:<http://www.itv.ru/news/culture/172056>. (Дата обращения: 02.04.2011).

² См.: URL:<http://www.mk.ru/culture/article/2011/02/02/562444-obnaruzhena-unikalnaya-zapis-s-baletom-dyagileva-video.html>. (Дата обращения: 02.04.2011).

общества любителей балета. Запись не имела никаких опознавательных знаков, однако Иствуд предположила, что на ней изображена труппа С. П. Дягилева. Впоследствии это мнение подтвердила и Джейн Притчард – куратор выставки, посвященной «Русскому балету» Дягилева. Она провела собственное исследование, в результате которого уверилась в том, что на пленке действительно дягилевская труппа, а «балерина» – это никто иной как Серж Лифарь в парике. Вот как Притчард прокомментировала свое открытие: «Как только я посмотрела этот фильм, тут же поняла, что это “Сильфиды”. Я знала, что съемки были сделаны в Монтрё, хотя на коробке с пленкой была надпись “место съемки неизвестно”»³.

Каждый июнь в 20-е гг. прошлого века в Монтрё под открытым небом проходил фестиваль музыки и танца. Балетная труппа Сергея Дягилева приглашалась на него дважды. По-видимому, съемочная группа компании «Pathe», которая обычно стремилась снимать значительные культурные события, отправилась в Монтрё на этот фестиваль в июне 1928 г. и запечатлела часть проходившего там действия, которое называлось «Фестиваль нарциссов», – по названию распускающихся в это время года цветов.

Как видно, кинематографисты «Pathe» снимали этот сюжет с дальнего расстояния, захватив часть аудитории и местного пейзажа. Так что было очень легко опознать место съемки по горам и озеру, на фоне которых выступали танцоры. Кроме того, фестивальная сцена в 1928 г. находилась на фоне арок из зелени, чего не было в первый визит труппы Дягилева. И, конечно, совершенно очевидно, что солист в этом отрывке из «Сильфид» – Серж Лифарь.

Находка этого кинофрагмента дает нам возможность более точно представить, как выглядела постановка «Сильфид» в дягилевской труппе. Думается, что этот крошечный кинофрагмент добавит немного новых сведений к тому, что мы знаем о «Русском балете» Дягилева. Однако это очень любопытный кинодокумент, который впервые дает возможность увидеть знаменитую балетную труппу в процессе постановки. «Было много споров и дискуссий о существовании кинозаписей выступлений всей труппы Дягилева, –

³ URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2295678.html>. (Дата обращения: 02.04.2011).

справедливо заметила Джейн Притчард. – Сейчас такая запись обнаружена. И это доставляет огромное удовлетворение»⁴.

В этом отрывке прозвучала одна любопытная деталь: балет снимала съемочная группа компании «Pathe», однако Джек Каллен, представитель британского архива этой французской кинокомпании, сообщил: «Известно, что Дягилев не давал разрешения на съемки своих выступлений, объясняя это тем, что его артисты слишком прекрасны, чтобы быть запечатленными на пленку»⁵. Поэтому долгое время считалось, что в мире, к сожалению, не существует видеозаписей сценических выступлений труппы Русского балета (известны лишь записи фрагментов партий отдельных солистов).

Таким образом, вопрос остается открытым: почему именно на этом празднике Дягилев разрешил съемку? Или же съемка была произведена без разрешения Сергея Павловича? В пользу этого предположения говорит то, что заснятый отрывок очень короткий и сделан с достаточно большого расстояния.

Обращаясь к источникам, мы практически не находим упоминаний об этом празднике. Единственное исключение – буквально одну строку – мы находим у Сергея Лифаря, того самого танцовщика, который исполнял главную партию в этом балете: «2-3 июня участвовали в традиционном празднике нарциссов в Монтрё, давали “Чимарозиану”, “Сильфиды”, “Князя Игоря”, а 4 июня уже были в Париже»⁶.

Задумываясь над этим вскользь прозвучавшим упоминанием спектакля, можно опять задаться вопросом: значит, для Дягилевской труппы это было незначительное мероприятие, раз нет подробного описания даже у самого Лифаря?

За неимением доступа к зарубежным периодическим изданиям 1928 г., которые, возможно, писали об этом празднике и которые прояснили бы достоверность и суть всех фактов, проявившихся вместе с найденной пленкой, ответы на поставленные здесь вопросы остаются для исследователя пока открытыми.

⁴ URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2295678.html>. (Дата обращения: 02.04.2011).

⁵ URL://<http://news.rambler.ru/9325149/>. (Дата обращения: 02.04.2011).

⁶ Лифарь С.М. Дягилев. СПб., 1993. С. 528.

Приведенные соображения позволяют сделать следующие выводы. Находка, безусловно, ценна потому, что это единственная киносъемка дягилевской труппы на сегодняшний момент. Вместе с тем, вопросов остается больше, чем ответов: в зависимости от источника информации одни уверенно говорят, что съемочная группа компании «Pathe» принимала участие в съемке эпизода, другие – что съемка сделана нелегально, так как Дягилев запрещал снимать свои постановки. Одни исследователи уверенно заявляют, что наверняка знают, где были сняты эти кадры, в то время как другие отмечают, что нет никакой уверенности в том, что это Монтрё, поскольку за 80 лет, прошедшие с тех пор, городской парк сильно изменился.

Между тем, одно остается непреложным фактом: кураторы лондонского музея уверены, что у них в архиве до сих пор находится примерно от 50 до 100 записей, имеющих отношение к России и требующих тщательного исследования. Вполне возможно, что найдется еще не одна запись с балетами «Русских сезонов» С. П. Дягилева, а значит, ученым еще рано ставить точку в своих исследованиях данной проблемы.

**«Расстроенный Фавн», или другой взгляд
на «русские сезоны»**

Название статьи – «Расстроенный Фавн» – не случайно. Главная цель нашей работы – представить читающей аудитории неудачные, непризнанные постановки «Русских сезонов» С. П. Дягилева в Париже, которые обычно рассматривают как триумф русских за границей. Мы рассмотрим постановки «Игры. Стихотворение в танце» и «Послеполуденный сон Фавна», которые, во-первых, являются дебютными для знаменитого танцора Вацлава Нижинского, выступившего в качестве хореографа-постановщика, и, во-вторых, наиболее показательны для избранной темы.

Актуальность нашего исследования несомненна в свете того, что прошлый год был юбилейным – сотым со дня проведения «Русских сезонов» в Париже. Наряду с этим очередное пробуждение интереса к этой теме связано и с открытием свежих фактов, раскрывающих новые стороны жизни и деятельности Дягилева и его труппы.

При написании работы мы обращались к воспоминаниям организаторов и участников «Русских сезонов»: С. П. Дягилева¹, С. Лифаря², Р. Нижинской³. Кроме того, нами использовались визуальные источники: отрывки из балетов, а также изображения декораций и костюмов для спектаклей.

Напомним, что Русские сезоны – это ряд балетных спектаклей, проходивших в Париже с 1909 по 1929 гг. Постановки имели за границей поистине триумфальный успех, т. к. их создатели отказались от традиционного представления о балете и стали подходить к нему как к некоему синтезу хореографии, музыки и живописи.

Однако были и такие постановки, которые оставались непонятными зрителю, например балет «Игры. Стихотворение в танце»,

¹ См.: Сергей Дягилев и русское искусство: Ст., открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве: В 2-х т. / Сост., авт. ст. и коммент. И.С. Зильбернштейн, В.А. Самков. М., 1982. Т. I.

² См.: *Лифарь С.М.* Дягилев. СПб., 1993.

³ См.: *Нижинская Р.* Вацлав Нижинский. Воспоминания / Пер. с англ. И.А. Петровской. М., 2005.

премьеры которого состоялась в Париже 15 мая 1913 г.⁴. Это одна из немногих постановок «Дягилевских сезонов», о которой сохранилось крайне мало фактических материалов. Но исследователям хорошо известно, что это был редкий случай, когда современники встретили балет насмешливым недоумением и резко раскритиковали его в печати. Рецензия Анри Киттара в газете «Фигаро» от 17 мая 1913 г. отразила типичную реакцию на эту постановку: «Новое искусство, пророком которого является г-н Нижинский, ухитряется превращать даже незначительное в абсурд. Что может быть более неуклюжим, чем бессмысленные, претенциозные кривляния, выдуманные этим скороспелым эстетом. <...> Говорят, г-н Нижинский стремился создать в этом балете пластическую апологию человеку 1913 года. Если это действительно так, то нам нечем гордиться»⁵.

Что же так оттолкнуло парижскую публику и критику, еще недавно рукоплескавших гениальным «Русским сезонам»? Несомненно, главной причиной неприятия постановки была ее новизна, совсем иной подход к искусству балета, который предложили ее творцы.

Идея создания «модернистского» балета зародилась у Нижинского в 1912 г. Он говорил, что хочет показать на сцене современного человека: «Я мечтаю создать костюмы и пластические движения, которые были бы характерны для нашего времени. Тело человека содержит определенные черты той эпохи, которой он принадлежит»⁶. Ведущей в своей постановке Нижинский избрал тему игры в теннис, что предопределило всю концепцию балета и само его создание.

Сюжет «Игр» бесхитроsten и незамысловат. Действие спектакля разворачивается рядом с теннисным кортом. Главные герои балета – две девушки, завершившие матч, и юноша. Случайная встреча молодых людей перерастает в упоительный флирт, легкую влюбленность и сладостное соперничество. Очень точно основную идею балета сформулировала Р. Нижинская: «В этой постановке

⁴ *Лифарь С.М.* Указ соч. С. 321

⁵ URL: <http://www.silverage.ru/stat/bowl.html>. (Дата обращения: 04.02.2011).

⁶ *Нижинская Р.* Указ. соч. С. 194.

любовь становится не основной движущей силой жизни, но всего лишь игрой – совсем как в двадцатом веке»⁷.

Новаторский сюжет балета в духе «модерна» был верен идее современности. Создатели облачили постановку в соответствующие одежды. Абсолютно новыми и необычными были декорации и костюмы к балету, автором которых являлся Л. Бакст, хотя они были существенно скорректированы властной и гениальной рукой Сергея Дягилева. В оформлении создатели ушли от жизнерадостности и этнографических аллюзий. В этом было отличие «Игр» от балетов предшествующих сезонов. Декорации были построены на контрасте графично стилизованных деревьев, электрических фонарей и фигур молодых людей, облаченных в ультрасовременные, утилитарные костюмы. Сдержанный колорит и последовательный контраст белого и фиолетового цветов подчеркивал кадрирование спектакля, его кинематографичность.

Новаторским эскизам костюмов и декораций соответствовала хореография Нижинского, который радикально порвал с традиционными движениями в балете. То, что один из критиков счел недостатком, – «целью Нижинского, похоже, была разбивка движения на последовательность застывших поз»⁸, – на самом деле явилось одним из главных новаторских достижений «Игр». Угловатые, схематичные движения ног и рук напоминали кубистический стиль в живописи, а подразумевавшаяся плоскостность действия, развивавшегося на фоне цветного задника, вызывала ассоциацию с творчеством Гогена. Это впечатление нашло подтверждение в воспоминаниях сестры Нижинского – Брониславы, которая отмечала, что он сочинял хореографию, глядя на альбом репродукций Гогена⁹.

В «Играх» отрицалась тяжеловесная повествовательность искусства, где должна быть пикантная драма, завязка и развязка. Балет явился свежим и ярким синтезом стилей, синтезом, который в 1920-х гг. получил название «конструктивизм». Поэтому есть веские основания рассматривать «Игры» именно как «конструктивистский» балет, который предвосхитил ряд последующих конструктивистских спектаклей, таких как «Великодушный рогоносец»,

⁷ *Нижинская Р.* Указ. соч. С. 196.

⁸ Там же. С. 196.

⁹ См.: Там же.

«Стальной скок» (1927 г.), «Кошка» (1921 г.) и «Механические танцы» Николая Форрегера.

Несомненно, постановка «Игр» страдала многими недостатками: это и несоответствие музыки и хореографии, и непонимание исполнителями главных партий, каких именно движений и чувств требовал от них балетмейстер Нижинский¹⁰. Однако важность балета «Игры» для последующего художественного развития была более значительной, нежели зрительская аудитория могла себе представить: «Игры» стали выдающимся достижением своего времени и предвосхитили стиль танца и моды 1920–1930-х гг. Не случайно же Дягилев объявил, что «на программах будет стоять дата: 1930». «Балет был поставлен в 1913 году. Это был полдень футуризма», – вспоминала Тамара Карсавина¹¹.

Другим непризнанным балетом стал «Послеполуденный отдых Фавна». Идея его создания также зародилась у В. Нижинского, который увидел своего Фавна как символ «не классической Греции, от которой хотелось отойти, а архаики, которую меньше знают и редко используют в театре... Ничего сентиментального, ничего “сладкого”, ни в формах, ни в движениях...»¹².

Фавн как главный герой был выражением сладостной неги, первобытного эротизма, юношеских инстинктов. Идею постановки были призваны подчеркивать костюмы. Танцовщицы выступали в туниках кремового цвета из плиссированного газа, которые были расписаны греческими узорами Бакстом. Фавн представал облаченным в облегающий, прозрачный костюм, расписанный большими пятнами цвета кофе, которые продолжались на коже открытых рук и ладоней так, чтобы не было видно разницы между телом и костюмом. Вокруг бедер была обвита гирлянда из маленьких зеленых растений, которая сзади заканчивалась подобием маленького хвоста. В этом костюме нельзя было определить, где кончается человек и начинается животное.

В этом балете Нижинский впервые использовал необычную хореографию, когда нет танца в привычном смысле, а есть ряд следующих одно за другим движений. Все артисты должны были ис-

¹⁰ Карсавина Т. Театральная улица. Воспоминания. М., 2009. С. 236.

¹¹ Там же. С. 237.

¹² Великович Э. На перекрестках судеб. М., 2006. С. 129.

полнять свои партии, находясь в профиль по отношению к публике. Позы танцовщиков были похожи на рельеф, как архаические греческие или египетские скульптуры.

Постановка была крайне рискованной. Дягилев, впервые увидевший балет целиком во время репетиции, сказал: «Я такое в Париже не покажу!». Но на защиту Фавна встал Л. Бакст: «Париж будет в диком восторге! Это сверхгениально, а вы просто идиоты, что не поняли этого»¹³.

Премьера балета состоялась в Париже 29 мая 1912 г. Спектакль длился всего 8 минут. После того, как опустился занавес, публика несколько мгновений молчала, потом взорвалась криками, свистом, аплодисментами. Негодующие возгласы смешивались с криками «бис!». Занавес подняли, и спектакль повторили. На следующий день газета «Фигаро» вышла со статьей своего директора Гастона Кальметта: «Тот, кто говорит об искусстве и поэзии применительно к этому спектаклю, смеется над нами.... Мы увидели Фавна, необузданного, с отвратительными движениями скотской эротики и совершенно бесстыдными жестами. И все. Заслуженные свистки сопровождали чересчур экспрессивную пантомиму похотливого животного, омерзительного спереди и еще более омерзительного в профиль»¹⁴.

Несмотря на многочисленные негодующие отзывы о чрезмерно смелом и откровенном балете, на его защиту встал прославленный скульптор Огюст Роден: «Нет больше никаких танцев, никаких прыжков, никаких скачков – ничего, кроме мимики и жестов полусонного животного <...> Гармония его мимики и пластики совершенна. Все тело выражает то, что диктует ум. Он обладает красотой античных фресок и статуй; он – идеальная модель, по которой тоскует каждый художник и скульптор. Я хотел бы, чтобы каждый артист мог увидеть это совершенное воплощение идеала красоты древних греков»¹⁵.

После премьеры газетная война стала набирать все большую силу: одни выступали против «Фавна», другие – за. Наконец, на спектакль явилась... полиция, но запретить «Фавна» так и не по-

¹³ Великович Э. На перекрестках судеб. М., 2006. С. 126.

¹⁴ *Лифарь С.М.* Указ. соч. С. 314.

¹⁵ Сергей Дягилев и русское искусство... С. 227.

смела. Пожалуй, самой показательной была статья А. В. Луначарского, политэмигранта, жившего в то время в Париже и печатавшегося в петербургском журнале «Театр и искусство»: «На осуждение русского спектакля как непристойного, морально опасного – большая обывательская толпа ответила тем, что валом повалила в “Шатле”. “Как! Неприличная вещь! Ступайте и немедленно доставайте билет”, – сказала массовая дама массовому кавалеру»¹⁶.

Интересно отметить, что скандалы с Фавном нашли отражение не только на рубеже XIX–XX вв., но и в наше время! Всем хорошо известно имя вокалиста рок-группы «Queen» Ф. Меркьюри. В одном из своих клипов он исполнил отрывок из «Фавна», за что был обвинен в плагиате костюмов. Сам Меркьюри говорил следующее: «Мне все годится. Например, однажды Нижинский танцевал в костюме из тончайшей марли – это шокировало публику. Это же театр»¹⁷. Кстати, в съемке видеоклипа принимал участие Королевский балет.

Мы рассмотрели два балета, совершенно разных по форме и содержанию, которые с разницей в один год потрясли парижскую публику. Их неординарность была принята не всеми зрителями, поскольку эти постановки опередили свое время. Но именно такое искусство, на наш взгляд, можно назвать настоящей классикой, ведь оно перешагнуло через разные эпохи и сейчас получило второе рождение.

¹⁶ Луначарский А. Русские спектакли в Париже // Театр и искусство. 1913. 9 июня. С. 5.

¹⁷ Скай Р. Фредди Меркьюри (The Show Must Go On). М., 1993. С. 192.

Р.В. Бабинцев

К вопросу о реконструкции и утилитарном использовании наборных поясов салтово-маяцкой культуры

Наборный пояс, важнейший атрибут раннесредневекового воина, изучался неоднократно и с различных позиций. Однако прежде всего исследователей привлекали следующие вопросы: время и место появления наборных поясов (С.В. Киселев, Л.Р. Кызласов, В.Н. Добжанский, В.В. Мурашева,)¹, орнаментальные мотивы, их украшающие (Г.А. Федоров-Давыдов, Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Н.А. Фонякова, Г.Г. Король,)², и семантика, в том числе и отдельных элементов пояса, как с «мировоззренческой» точки зрения, так и с «социально-повседневной» (В.Б. Ковалевская, С.А. Плетнева, В.Н. Добжанский, М.А. Горелик, Е.И. Космарова и др.)³. Вопросам реконструкции и утилитарного использования наборных ремней были посвящены лишь отдельные строки в исследо-

¹ См.: *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960; *Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990; *Мурашева В.В.* Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

² См.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976; *Макарова Т.И., Плетнева С.А.* Пояс знатного воина из Саркела // Советская археология. 1983. №2; *Фонякова Н.А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий Салтово-Маяцкой культуры // Советская археология. 1986. № 3; *Она же.* Художественный стиль украшения поясов в Хазарии второй половины VIII – начала X вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI; *Король Г.Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008.

³ См.: *Ковалевская В.Б.* К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. М., 1967; *Она же.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999; *Добжанский В.Н.* Указ. соч.; *Горелик М.В.* Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Т.1. Самара, 2001; *Космарова Е.К.* Символическое значение металлической фурнитуры народов Верхнего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып. 2. Т. II.

ваниях, имеющие, по нашему мнению, чересчур условный характер для того, чтобы максимально близко подойти к их решению (определенный процент условности будет здесь, пожалуй, неизбежен в силу специфики материала и самой науки археологии). Конечно, данная работа не может дать исчерпывающие ответы на все вопросы, которые неизбежно будут возникать при решении поставленной задачи, однако попытаемся сделать несколько важных шагов в данном направлении.

Реконструировать внешний вид пояса позволяют материалы не только конкретных находок (по их расположению в погребении и конструктивным особенностям отдельных элементов), что не всегда представляется возможным, но и вспомогательные материалы, такие как произведения искусства, передающие особенности костюма и внешнего вида (статуэтки, настенные росписи, изображения на блюдах и т. п.). Однако уже здесь мы сталкиваемся с неоднородностью представленного материала, суть которой состоит в наличии или отсутствии дополнительных ремней, свисающих с пояса. А. В. Гадло, а вслед за ним и М. В. Панченко приписывают эту деталь к болгарскому поясу, считая, что первоначально она была характерна именно для протоболгарских племен, появившись в VI в., а затем распространившись на огромной территории с довольно продолжительным временем бытования⁴. Наличие солидной подборки византийских мозаик, подсвечников и шелка конца VI – начала VII вв. с изображениями поясов подобного типа, на что указал А.В. Комаром со ссылкой на Ч. Балинта и М. Шмаудера⁵, а также конструктивные особенности деталей, позволяющих считать их наконечниками свисающих ремешков, косвенно подтверждает это. В этой же манере А.В. Комаром выполнена реконструкция пояса конца VII в. из разграбленного погребения Крыма, являющегося подражанием византийскому поясу⁶. Аналогичные «малые наконеч-

⁴ См.: *Панченко М.В.* Кочевническое облачение в художественном литье средневековья // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 6 (7) // URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/061100/panchenko.htm>. (Дата обращения: 06.05.2009).

⁵ См.: *Комар А.В., Стрельник М.А.* Подражание золотому византийскому поясному набору VII в. с изображением птиц // Российская археология. 2009. № 2. С. 149.

⁶ См.: Там же. С. 150. Рис. 2, 13.

ники» присутствуют в поясе из Перещепино⁷, погребения 5 кургана III возле Мадары⁸ и др. Дополнительные ремешки несли вполне утилитарную нагрузку – к ним крепились всевозможные мелкие предметы туалета и, по-видимому, дополнительные небольшие предметы вооружения, в частности нож. Также к ним могли подстегиваться голенища сапог.

Несколько поясов были реконструированы С. А. Плетневой, основывавшейся на материалах Дмитриевского могильника⁹. В ее реконструкциях дополнительные ремни уже не представлены, а функцию крепления различных мелких предметов осуществляют накладки с кольцом и рамчатые накладки с прорезью посередине, через которые продевался ремешок. Следует отметить, что, несмотря на некоторую схожесть данного типа крепления с вышеописанным, различий в них гораздо больше, чем сходств (в Дмитриевке ремешок был гораздо меньше, и их количество обычно было меньше, к тому же данный ремешок, видимо, мог вытаскиваться за ненадобностью). На реконструкциях О. Федорова, дающих представление об облике воина того времени¹⁰, также не видны дополнительные ремни, что не позволяет говорить о применении данных поясов в аланской среде Салтово-Маяцкой культуры.

Все эти конструктивные элементы (отсутствие свисающих ремней и наличие накладок с прорезью или колечком) сближают пояса из Дмитриевки с поясами из раннесредневекового Согда, подвергшегося сильному тюркскому влиянию вследствие вхождения в политическую систему древнетюркских каганатов, а затем поддерживавшего тесные контакты с тюркскими государствами Семиречья. Благодаря совмещению находок элементов ременной гарнитур и настенных росписей Пенджикента В. И. Распоповой уда-

⁷ См.: Львова З.А. Набор предметов вооружения и снаряжения знатного воина из Перещепинского комплекса // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб., 1998. Вып. 33. С. 111–112. Рис. 1–2.

⁸ См.: Станчев С.Р. Новый памятник ранней болгарской культуры // Советская археология. М., 1957. Т. 27. С. 129. Рис. 16.

⁹ См.: Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Рис.14–15.

¹⁰ См.: Там же. Рис. 18, 53, 95, 122; Федоров О., Плетнева С. Аланы. Комплекс вооружения воинов Хазарского каганата // Цейхгауз. 2006. № 22. С. 2, 4. Рис. на обложке.

лось реконструировать согдийский пояс VII–VIII вв.¹¹, в котором тоже присутствуют прямоугольные накладки с прорезью (как и полукруглые), и были накладки с кольцом, с той лишь разницей, что оно крепилось к накладке с вырезом, а не составляло изначальный единый «ансамбль» с той частью накладки, которая фиксировалась на кожаной основе ремня. Впрочем, накладки могли дойти не целиком, учитывая, что все они найдены в культурном слое городища¹², то есть терялись или, что особенно важно, ломались.

В этой связи интересны находки накладок воинских поясов в подкурганых захоронениях типа Соколовской балки предсалтовского и раннесалтовского времени (горизонтов Галиат-Геленовка и Столбище-Старокорсунская по А. В. Комару). В них также найдены прямоугольные накладки с прорезью и накладки с колечком (Тепсень (курган 1929 г.), Столбище; Веселовский к. 6 п. 1; Обозное к. 2 п. 1; Новосадковский к. 16). Прямоугольные накладки разных типов с прорезью встречаются и в других погребальных памятниках данных хронологического горизонтов, например погребениях Старокорсунского могильника. Несколько более поздними являются указанные выше пояса из Дмитриевского могильника, датируемые С. А. Плетневой первой половиной IX в. В Дмитриевке и, видимо, синхронном данной группе катакомб погребении I кургана I могильника Куцый XII мы наблюдаем смешение двух традиций, особенно ярко наблюдаемое в п. 1 к. 1 могильника Куцый XII, в котором есть и накладка с прорезью, и накладки с кольцами и, по мнению В.В. Яценко, дополнительные ремни¹³. Впрочем, накладки, расположение которых он относит к свисающим ремням, таковыми могли не являться. В частности, аналогичным накладкам из Дмитриевки С.А. Плетнева отводит место на «основной» части ремня¹⁴, а отсутствие наконечников для дополнительных ремней и, наоборот, наличие накладок с прорезью и кольцом может косвенно служить тому доказательством. В защиту же реконструкции пояса, предло-

¹¹ См.: *Распопова В.И.* Поясной набор Согда VII–VIII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 85. Рис. 7.

¹² См.: Там же. С. 78.

¹³ См.: *Яценко В.В.* Подкурганное захоронение VIII–IX вв. у г. Пролетарска // Материалы и исследования по археологии Дона. М.; Иерусалим, 2007. Вып. II. Средневековые древности Дона. С. 192. Рис. 5.

¹⁴ См.: *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Рис. 14.

женной В.В. Яценко, можно привести пример ремня из Дьёндьёш (Венгрия), занимающего «промежуточное» положение, так как он сочетает в себе свисающие дополнительные ремни с наконечниками и накладку (или даже обойму) с кольцом¹⁵. Малоинформативным будет и привлечение сибирских аналогий, так как тюркские изображения и конкретные находки поясов VI–X вв. из указанного региона позволяют говорить о бытовании у них обоих типов поясов в указанный хронологический отрезок.

В столбищенском погребении помимо прямоугольной накладки с прорезью была накладка в форме прямоугольника с закругленной верхней частью и прямой нижней с прямоугольным вырезом в нижней части,¹⁶ которая, по всей видимости, выполняла те же функции, что просто накладка с прорезью. Близки столбищенской и накладки из других погребений типа Соколовской балки¹⁷, как более ранних, так и, по-видимому, синхронных, с той лишь разницей (не касаясь орнаментации, которая сильно различается), что нижняя часть их подвижна, что морфологически сближает их с накладками с кольцом. Подобные накладки присутствуют и среди погребального инвентаря Старокорсунского могильника¹⁸ и в Крыму¹⁹.

Несколько сложнее дело обстоит с погребением из Обозного. А. В. Комар, опубликовавший данное погребение, называет среди сопутствующего инвентаря «лировидные» подвески, которые, по его мнению, также служили для продевания дополнительных ремешков²⁰.

¹⁵ См.: *Панченко М.В.* Указ. соч. Рис. 7.

¹⁶ См.: *Афанасьев Г.Е.* Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) // *Советская археология.* 1987. № 1. С. 196. Рис. 2, 5.

¹⁷ См.: *Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А.* Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // *Донская археология.* 2000. № 1. С. 85. Рис. 3, 6–9, 20–21.

¹⁸ См.: *Каминский В.Н.* Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // *Советская археология.* 1987. № 4. С. 190. Рис. 3, 3.

¹⁹ См.: *Айбабин А.И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // *Советская археология.* 1977. № 1. С. 227–228. Рис. 2, 12–13, 15–16, 3, 43–46.

²⁰ См.: *Комар О.В., Пиоро В.И.* Курганы хазарского часу на Луганщині // *Vita Antiqua.* 1999. № 2 // URL: http://archaeology.kiev.ua/pub/komar_pioro.htm. (Дата обращения: 02.05.2011).

Основные аналогии и мнения относительно функционального назначения данных предметов уже не раз приводились ранее, поэтому здесь коснемся этого вопроса лишь кратко: данный предмет интерпретируется либо как поясная подвеска (помимо А. В. Комара этого мнения придерживалась С. А. Плетнева)²¹, либо как чумбурный блок (А. А. Иванов, В. С. Аксенов, В. П. Копылов)²². Однако его положение *in situ* в п. 2. к. 1 могильника Саловский среди ребер коня и наличие среди отдельных конских захоронений Верхнесалтовского I могильника позволяют говорить о том, что к элементам ременной гарнитуры данные предметы все же не относились. Хотя стоит оговориться, что возможен вариант, предложенный А. В. Комаром: «лировидные» подвески своей формой восходят к чумбурным блокам²³, то есть можно говорить о полифункциональности данной формы вещей. Возможность многопрофильного использования элементов ременной гарнитуры находит подтверждение во все тех же прямоугольных накладках-рамках, часть из которых, по мнению А. А. Иванова, могла использоваться для украшения поясных сумочек²⁴.

Интерес вызывают и варианты реконструкции наиболее поздних поясов Салтово-Маяцкой культуры, в частности С. А. Плетнева предлагает несколько реконструированных поясов второй половины IX, а, возможно, даже и начала X в. все из того же Дмитриевского могильника²⁵. Несколько поясов еще содержат в себе накладки с прорезью и накладки с колечком, но некоторые пояса уже не

²¹ См.: Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 163.

²² См.: Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганские кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Волгоград, 2000. С. 9; Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. Хазарское время. С. 249; Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона. С. 130.

²³ См.: Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2. С. 108.

²⁴ См.: Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. Указ. соч. С. 84.

²⁵ См.: Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Рис. 15.

имеют ни этих элементов, ни каких-либо других, позволяющих говорить об использовании дополнительных ремешков. Аналогично смотрится и «повседневный» пояс из Саркельского клада, реконструированный Т.И. Макаровой и С.А. Плетневой²⁶. В то же время «парадный» пояс из того же клада имеет дополнительные свисающие ремни²⁷, аналогичные более ранним кочевническим и византийским поясам, упоминавшимся в начале нашего исследования.

Относительно ремней, не несущих в себе элементов крепежа, трудно сказать что-либо определенное, можно лишь предположить, что в конце IX – первой половине X вв. наборный пояс в Салтово-Маяцкой культуре становится исключительно презентативным предметом, не выполняющим практически никаких утилитарных функций. Возникает вполне резонный вопрос: а что же тогда начали использовать вместо него? Трудно ответить однозначно, вполне вероятно, что для этого использовался обычный ремень, типа портупейного, вопросы о существовании и функциях которого могут быть вынесены в рамки если не отдельного исследования, то в качестве одного из его подвопросов вместе с проблемами ношения оружия. На данном этапе не совсем ясным представляется и появление «парадного» пояса с дополнительными ремнями из Саркела. Заманчиво связать это с влиянием печенегов, что прекрасно вписывается в заданные хронологические рамки. Однако в материалах поздних кочевников (печенегов, торков, половцев) накладки с прорезью также присутствуют. С другой стороны, наборный пояс у данных племен уже теряет свою семантическую нагрузку, становясь предметом украшения. По-видимому, этот процесс начался еще в рамках поздней Хазарии (трудно сказать под чьим импульсом), находя отражение в материалах поздних поясов из Дмитриевки и «повседневного» пояса из Саркела. Да и сама новая ситуация наличия двух поясов на разные случаи жизни это подтверждает. Появление дополнительных ремней на «парадном» саркельском поясе может быть связано не с инокультурным влиянием, а с самим характером его использования в каких-либо торжественных моментах, для чего требовалось и ношение парадного оружия, и аксессуаров, возможно довольно массивных. Еще одним предположени-

²⁶ См.: Макарова Т.И., Плетнева С.А. Указ. соч. С. 67. Рис. 3, 2.

²⁷ Там же. Рис. 3, 1.

ем в русле той же идеи является обилие украшений, банально не помещавшихся на основной части ремня.

Помимо накладок, являющихся элементами крепежа, вполне утилитарную нагрузку несут на себе и всевозможные вариации накладок типа 4 (по С. А. Плетневой), имеющие небольшой вырез, служивший, по-видимому, для фиксации язычка (хоботка) пряжки. Помимо типичных накладок типа 4 к ним были добавлены подковообразные накладки, представленные в Старокорсунском могильнике и памятниках типа Соколовской балки.

Довольно значимой является и проблема ношения различных типов оружия. Довольно острой для тематики данного исследования она является по той простой причине, что обычно ее пытаются решить именно за счет наборного пояса. Однако данное предположение, механически воспроизводимое многими исследователями (в частности М.А. Горелик называет наборный ремень «поясом-португеей»²⁸, вкладывая, по-видимому, именно мысль о ношении оружия на наборном поясе). Мы позволим себе в этом усомниться, так как трудно представить, что миниатюрные, зачастую бронзовые или серебряные, пряжки могли выдержать вес сабли, лука в налучье и колчана, не считая кинжала и всевозможных мелких деталей туалета. По-видимому, можно говорить о наличии портупейного ремня, на котором, собственно, и носилось клинковое оружие. Это косвенно подтверждается сведениями А. М. Покровского: «... при сабле перевязь»²⁹, от которой сохранились бронзовые украшения, пряжка и окончание ремня...»³⁰ Этого же мнения придерживается и Н.Я. Мерперт³¹.

Что касается лука, то мотивы отрицания ношения его на поясе в общем-то те же, плюс необходимо учитывать длину лука и рост воина. При довольно большой длине лука (видимо в районе 120–130 см) это довольно проблематично. Гораздо более удобным и эффектив-

²⁸ См.: *Горелик М.А.* Указ. соч. С. 172.

²⁹ В данном случае портупею и перевязь можно считать одним и тем же предметом, так как, по сути, речь об обычном ремне, который каждый носил так, как ему было удобно.

³⁰ *Покровский А.М.* Верхне-Салтовский могильник // Труды 12 Археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 1. С. 482.

³¹ См.: *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. // Советская археология. М., 1955. Т. 23. С. 139.

ным видится его приторачивание к седлу, дополнительным подтверждением чего может служить следующее обстоятельство. Лук у евразийских кочевников являлся оружием конного всадника, рассчитанным на дальний бой, в случае же спешивания всадника и вступления его в ближний бой (учитывая отсутствие у тюрков пехоты как отдельного рода войск³²) лук был попросту бесполезен. Однако данные построения, во многом носящие характер теоретических измышлений, являются всего лишь гипотезой. Таким образом, можно еще раз констатировать, что наборный пояс являлся во многом презентативным предметом.

Подводя итог вышесказанному, можно еще раз остановиться на нескольких основных моментах:

1. Наборный пояс Салтово-Маяцкой культуры с большой долей вероятности реконструируется без дополнительных *массивных* свисающих ремней, распространившихся на территории Восточной Европы в VII, а отчасти еще и в VI вв.

2. Функции крепежа отдельных элементов вооружения и деталей туалета выполняли накладки с прорезью, через которые продевались *небольшие* ремешки, или с кольцом, причем они могли сочетаться на одном поясе.

3. Вероятнее всего, наборный ремень не являлся «боевым» поясом, то есть основные элементы вооружения (сабля, лук) к нему не крепились.

4. В конце IX – первой половине X вв. наблюдается деградация наборного пояса (как функциональная, так и смысловая) и появление отдельных поясов с дополнительными ремнями.

³² См.: Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков // Российская археология. 2000. № 4. С. 100–105; Комар А. В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. С. 25.

Область распространения керамики Елшанской культуры

На сегодняшний день известно около 30 памятников, содержащих елшанскую (или «елшаноидную») керамику (рис. 1). Их можно разделить на западные и восточные, границей в данном случае служит р. Волга. В зону распространения восточных памятников входят «классические» стоянки Елшанской культуры, открытые еще в конце 1970-х – 1990-х гг. на территории Ульяновской, Самарской и Оренбургской областей. В зону распространения западных памятников Елшанской культуры в основном входят памятники, открытые исследователями в конце 1990-х – 2000-х гг.

Коротко остановимся на характеристике керамических комплексов восточной группы памятников Елшанской культуры (рис. 2). Для керамики данной группы характерна относительная тонкостенность: толщина черепка редко превышает 1 см, колеблясь в пределах 0,6–0,8 см. Поверхность сосудов тщательно заглажена, вплоть до лощения, фактура черепка плотная. Срез венчика, как правило, прямой, округлый или приостренный. Шейка сосудов имеет либо прямую, либо S-видную форму, редко встречаются экземпляры с прикрытым горлом. Днища представлены острыми, плоскими и округлыми формами. Сосуды имеют яйцевидную или баночную формы. Большое количество керамики не орнаментировано, количество элементов орнамента ограничено: ряды «жемчужин» на шейке венчика, прочерченные линии, разряженные тычки и короткие насечки. Хотя на многих сосудах орнамент отсутствует или представлен лишь пояском ямок-«жемчужин», почти на трети сосудов имеются достаточно сложные мотивы. Среди них следует отметить горизонтальный зигзаг, распространенный на елшанской посуде орнамент из горизонтальных и диагональных рядов параллельных линий, «свисающие» треугольники, ромбическую сетку, наколы по срезу венчика. Орнамент приурочен к верхней трети сосуда и крайне редко распространяется на тулово, для него характерна четкая зональность нанесения.

Уже при исследовании первого памятника, содержащего материалы Елшанской культуры, отмечалась их близость среднеазиатским коллекциям¹. Ряд исследователей предполагают прямую миграцию населения с территории Приаралья и Восточного Прикаспия в Среднее Поволжье². Другая группа исследователей склоняется к предположению о «заимствовании идей гончарного производства» из указанных областей³.

Наибольшее сходство с елшанскими коллекциями Самарского Поволжья обнаруживают керамические материалы 4 слоя пещеры Джебел, стоянки Учащи 131 и Лявляканских стоянок. Посуда данных памятников тонкостенная, черепок плотный («звенит»), без видимых примесей в тесте, внешняя и внутренняя поверхности залощены или заглажены, на некоторых фрагментах прослеживается примесь шамота или толченой раковины, цвет черепков – от светло-серого до темно-коричневого. Для керамики характерны следующие формы: сосуды вертикально-вытянутых пропорций со слегка или сильно раздутым туловом и плавно отогнутым наружу верхним краем, полусферические чаши. Размеры сосудов небольшие, венчики отогнутые или прямые (утонченные и скругленные). Вся керамика остро- и круглодонна. Орнамент очень беден, боль-

¹ См.: *Васильев И.Б., Пенин Г.Г.* Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977. С. 18.

² См.: *Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 80; *Они же.* Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988. С. 24–25; *Андреев К.М.* Происхождение и ареал распространения керамики елшанской культуры // XLIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: материалы и тезисы докладов. Оренбург, 2011. С. 24.

³ См.: *Моргунова Н.Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995. С. 56–57. *Она же.* К проблеме хронологии волгоуральской культуры // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докл. междунар. конф., посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000. С. 55–56; *Мамонов А.Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1. С. 36–41; *Он же.* Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 157.

шая часть сосудов не орнаментирована. Характерны узкие горизонтальные пояски в верхней или средней части сосудов, сделанные насечками, вдавлениями, прочерченными линиями и оттисками зубчатого штампа. Изредка встречаются более сложные композиции – длинные косые гирлянды, ниспадающие от верхнего края сосуда, косая решетка. Частым явлением на обозначенных сосудах является присутствие сквозных сверленных отверстий⁴. На наш взгляд, можно констатировать высокую степень сходства данных материалов и керамики памятников восточной группы Елшанской культуры. Она проявляется как на самом общем уровне, так и на уровне формообразования и орнаментации сосудов.

Исследователями и до открытия памятников Елшанской культуры высказывались предположения о широких контактах населения Восточного Прикаспия и Приаралья с населением Среднего Поволжья в периоды мезолита/неолита ввиду географической близости регионов и схожести природно-климатических условий в древнейший период⁵. Данные контакты нашли продолжение в энеолитическую эпоху. Освоению Самарского Поволжья способствовал демографический взрыв, отмечаемый на территории Средней Азии в конце мезолита – начале неолита, что способствовало миграции части населения в северо-западные районы⁶.

Теперь мы постараемся охарактеризовать керамику западных памятников (рис. 3). По технологии изготовления и формам данная керамика очень близка, вплоть до аналогичности, восточной группе памятников. Она также тонкостенна, имеет плотную фактуру черепка, лощение или загладку на внутренней и внешней поверхностях. Типичными формами являются яйцевидные сосуды с острым дном закрытых и открытых пропорций, но нельзя исключать и наличия плоскодонной керамики на данных памятниках. Венчики сосудов прямые, профилированные и вогнутые. Срезы венчиков округлые, приостренные и прямые. Существенные различия восточной и за-

⁴ См.: *Окладников А.П.* Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. 7. С. 104–109; *Виноградов А.В., Мамедов Э.Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975. С. 52–204, 216–221; *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981. С. 65–67.

⁵ См.: Там же. С. 215.

⁶ См.: *Виноградов А.В.* Указ. соч. С. 160.

падной групп памятников наблюдаются в элементах орнамента. Для керамики западной группы памятников не характерно использование «жемчужин» под срезом венчика. Не типичным для восточной группы является широкое распространение накольчатых элементов орнамента в посуде западной группы, наколы представлены следующими формами: треугольные, округлые, тычковые, спаренные, реже – отступающие, скобковидные, полулунные. Из других элементов на керамике западной группы представлены прочерченные линии и насечки, широко распространены сквозные сверленные отверстия на тулове сосуда. Элементы орнамента образуют следующие мотивы: горизонтальные линии наколов (состоящие иногда из нескольких рядов), горизонтальные линии наколов с отходящими от них диагональными линиями наколов; диагональные и вертикальные линии наколов; сочетание прочерченных линий и наколов; параллельные и одиночные прочерченные линии (горизонтальные и вертикальные); перекрещивающиеся под углом прочерченные линии; ромбическая сетка. Орнамент на сосудах, как правило, приурочен к верхней трети и крайне редко заходит на тулово сосуда.

Керамика западной группы памятников имеет много общего с керамикой восточной группы, в то же время западная группа памятников близка материалам Сурской и Ракушечноярской культур. В связи с этим ряд исследователей выдвинули предположение о происхождении керамического производства в Самарском Поволжье под влиянием населения Приазовья и Северного Причерноморья⁷.

Для керамических материалов Сурской и Ракушечноярской культур характерны следующие признаки. Использование при изготовлении керамики разнообразных примесей: раковина, растительность, песок или их сочетания, поверхность заглажена, реже – залощена. Сосуды с острыми и плоскими днищами, округлое тулово, венчики прямые и профилированные, срез: округлый, приост-

⁷ См.: Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002. С. 76–78; Ставицкий В.В. Проблема неолитизации Волго-Донской лесостепи // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2005. С. 147–150; Вискалин А.В. К вопросу о происхождении елшанской культуры // Археологическое изучение центральной России. Липецк, 2006. С. 91–92; *Он же*. Динамика климатических колебаний и культурные процессы в неолите Волго-Уральской лесостепи // Человек и древность: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 229.

ренный, прямой. Большая часть керамики не орнаментирована. Из элементов орнамента типичными являются вдавления треугольной, полукруглой, прямоугольной, овальной форм; реже встречаются прочерченные линии и насечки, широко распространены сквозные отверстия в стенках сосудов. Элементы орнамента образуют горизонтальные и вертикальные линии, иногда в несколько рядов в сочетании с диагональными линиями тех же элементов, для орнамента характерна четкая зональность и он приурочен к верхней части сосуда⁸.

Можно констатировать высокую степень сходства елшанской керамики и керамики Приазовья и Северного Причерноморья, но необходимо признать и достаточно серьезные отличия керамических традиций указанных регионов. Данные обстоятельства могут свидетельствовать о том, что процесс неолитизации Среднего Поволжья и Приазовья проходил независимо из одного центра возникновения гончарного производства, вследствие чего керамика обозначенных культур имеет высокую степень сходства⁹.

Можно предположить наличие одного очага возникновения древнего гончарства на территории Малой и Передней Азии, откуда технология изготовления керамики, путем миграции населения, распространилась на территорию Восточной Европы двумя путями: по восточному побережью Черного моря в Приазовье и через территорию Восточного Прикаспия и Приаралья в Среднее Поволжье. Данное предположение не противоречит природно-климатическим наблюдениям исследователей, которые отмечают не благоприятную климатическую обстановку на рубеже бореала и атлантика, когда, по нашему мнению, началось распространение населения (и вместе с ним навыков гончарного производства) из

⁸ См.: *Белановская Т.Д.* Из древнего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995. С. 96–122; *Котова Н.С.* Указ. соч. С. 13–15, 28–30.

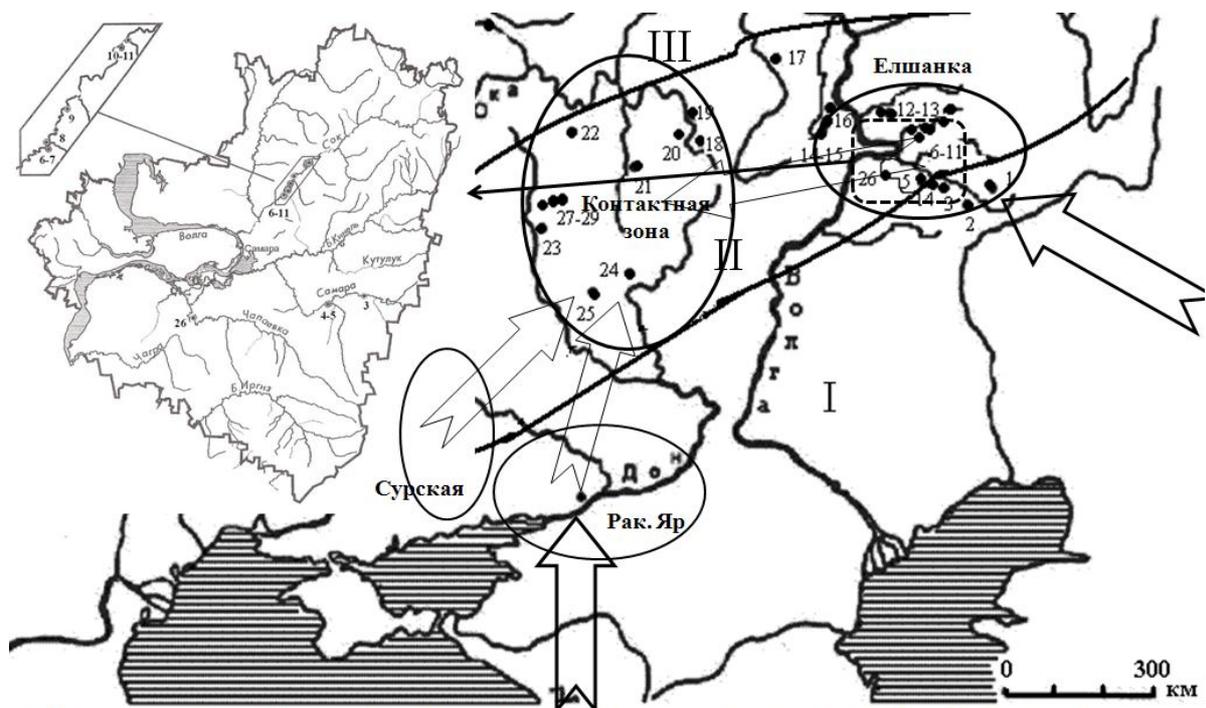
⁹ См.: *Тимофеев В.И.* Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 212; *Белановская Т.Д., Тимофеев В.И.* Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 19.

Передней Азии в северные регионы¹⁰. Этому способствовало установление в Средней Азии благоприятного климата, свойственного для современных степных областей, с которым связано активное заселение обозначенного региона на рубеже мезолита–неолита¹¹. В дальнейшем с началом аридизации население, вслед за миграцией промыслового зверя (кулан), было вынуждено мигрировать в северном направлении, осваивая территорию Среднего Поволжья.

Исходя из всех приведенных выше доводов, мы полагаем, что территория распространения западной группы елшанских памятников являлась контактной зоной между носителями «классических» елшанских керамических традиций Среднего Поволжья и ракушечноярсских и сурских керамических традиций Приазовья и Северного Причерноморья (рис. 1). Мы считаем возможным (в качестве рабочей гипотезы) выделить западную группу памятников Елшанской культуры в особый тип с перспективой обособления в самостоятельную культуру. Обе группы ранне-неолитического населения сыграли решающую роль в процессе неолитизации территории к западу от Волги и к востоку от Дона. Данное обстоятельство еще раз подтверждает наличие двух очагов неолитизации на территории Восточной Европы.

¹⁰ См.: *Стифидонова Е.А., Алешинская А.С.* Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // *Российская археология*. 1999. № 1. С. 23–25.

¹¹ См.: *Виноградов А.В., Мамедов Э.Д.* Указ. соч. С. 253.

1 – Ивановка; 2 – Старая Елшанка II; 3 – Виловатое; 4 – Максимовка I; 5 – Максимовка II; 6-11 – Ильинка, Большая Раковка II, Чекалино IV, Красный Городок, Нижняя Орлянка II, Лебяжинка IV; 12-13 – Лебяжье I, Мелекес III-V; 14-15 – Елшанка X, Елшанка XI; 16 – Луговое III; 17 – Вьюново озеро; 18 – Озименки II; 19 – Ковыляй I; 20 – Вадовские Селища; 21 – Имерка VII; 22 – Городок I; 23 – Карамышево V; 24 – Шапкино VI; 25 – Плаутино I; 26 – Троицкое; 27-29 – Устье р. Излегоши, Ярлукова Протока, Липецкое Озеро.
 I – степная зона; II – лесостепная зона; III – лесная зона (по Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.)

Рис. 1. Область распространения памятников Елшанской культуры.

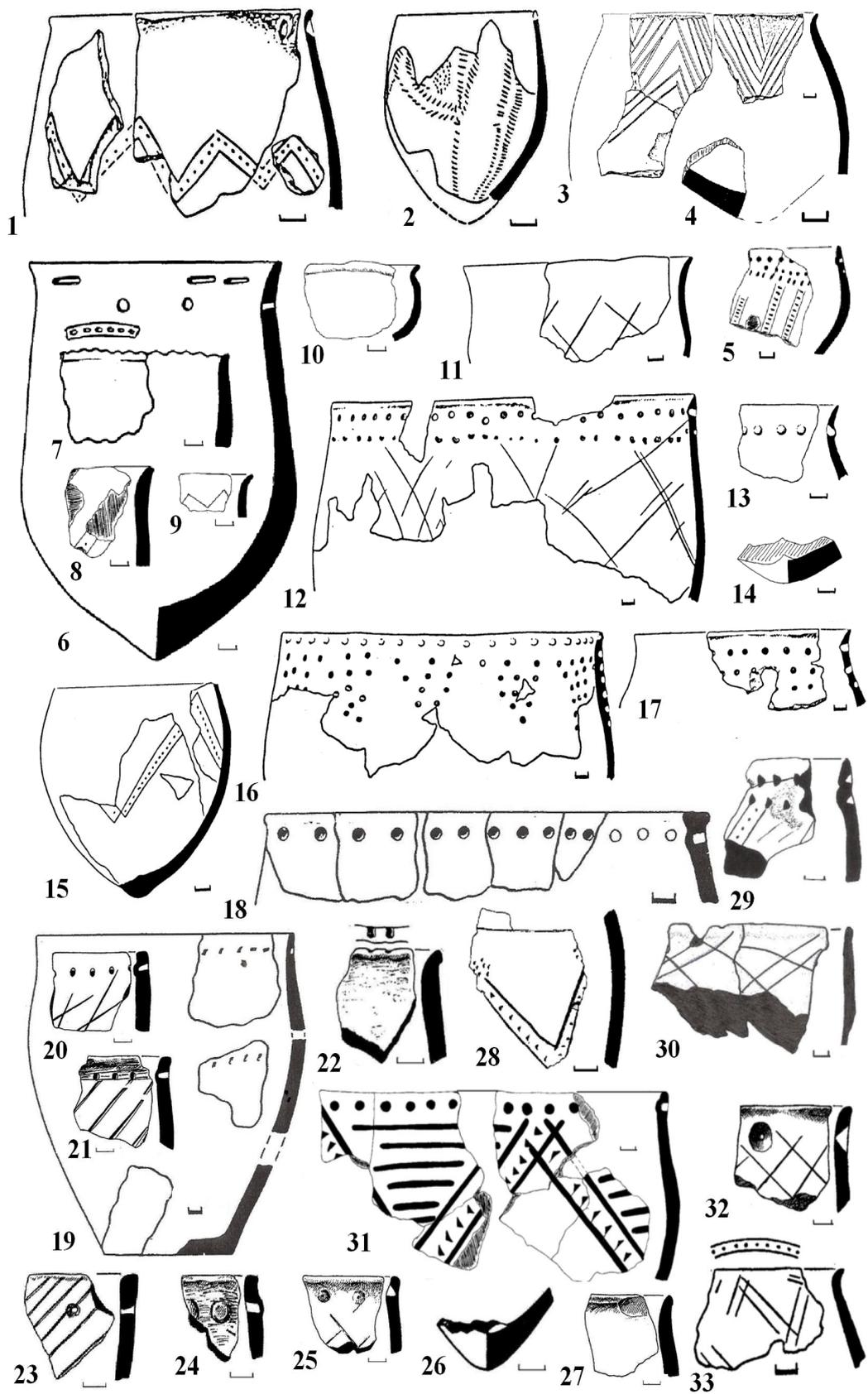

Рис. 2. 1-5 – Чекалино IV; 6-10 – Ст. Елшанка II; 11-17 – Н. Орлянка II; 18-19 – Луговое III; 20-27 – Лебяжинка IV; 28 – Троицкое; 29-30 – Ильинка; 31-32 – Б. Раковка II; 33 – К. Городок.

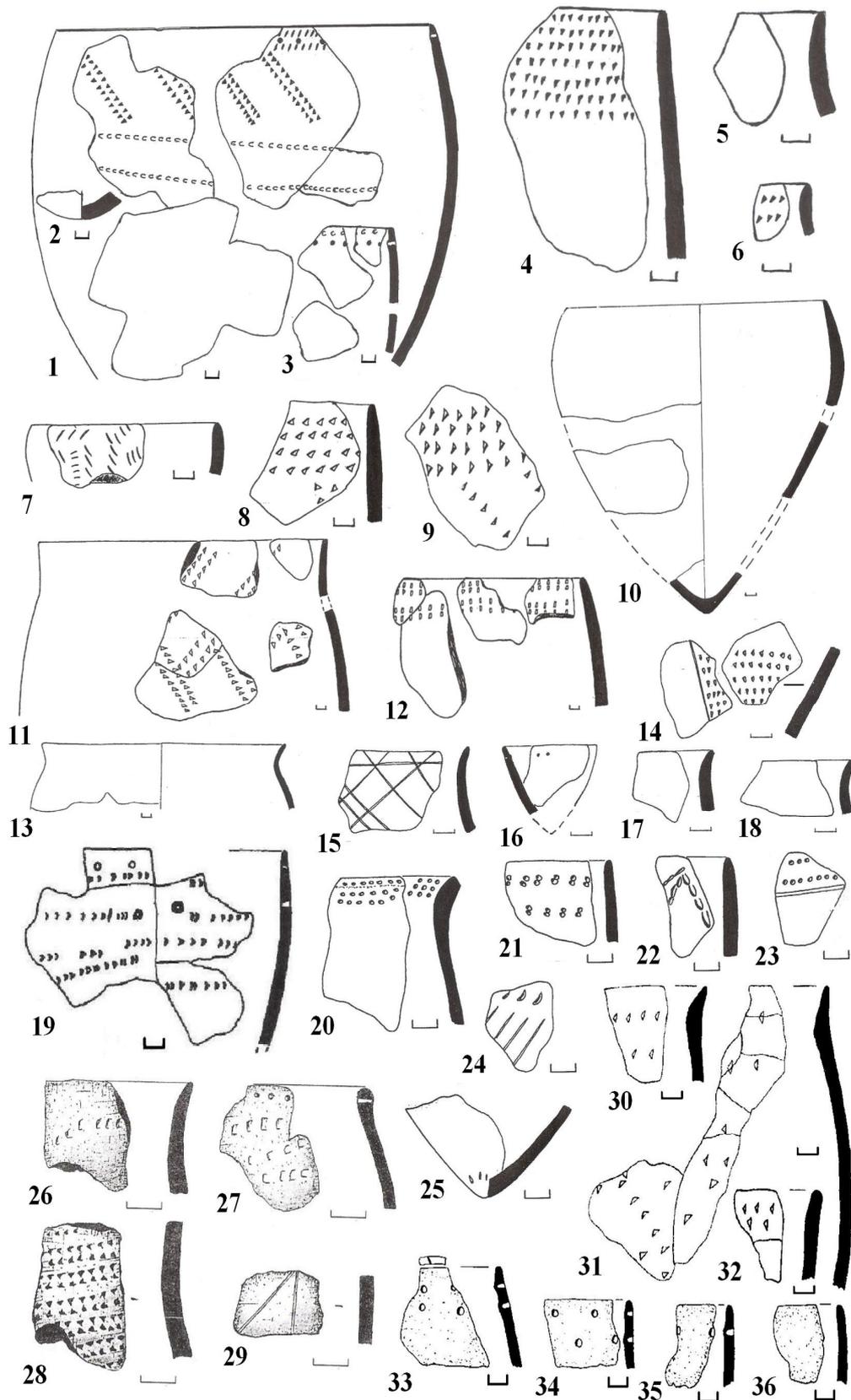

Рис. 3. 1-6 – Вадовские Селища; 7-10 – Городок; 11-13 – Имерка VII; 14-18 – Озименки II; 19 – Карамышево V; 20-25 – Шапкино VI; 26-29 – Плаутино I; 30-32 – Устье р. Излегощи; 33-36 – Ярлуковская Протока.

**Жизнь верхневолжских малых городов
в конце XVIII века (по данным «словаря» А.М. Щекатова)**

Верхнее Поволжье – это территория, богатая не только своими культурными памятниками, но также и место рождения многих интереснейших городов, каждый из которых в той или иной степени оставил свой след в истории Российского государства. Статья посвящена рассмотрению жизни городов этого региона с помощью «Словаря географического Российского государства...» Афанасия Михайловича Щекатова¹, издававшегося в течение восьми лет, с 1801 по 1809 гг. В статье рассматриваются именно уездные и безуездные центры, находящиеся на территории современного Верхневолжья, то есть в Тверской, Ярославской, Костромской, Ивановской и Нижегородской областях.

Историография верхневолжских городов достаточно обширна² и посвящена ряду вопросов, связанных с различными сферами их жизни. Однако обобщающие исследования на сегодняшний день

¹ А.М. Щекатов – русский писатель и переводчик, автор книг: «Картина России, изображающая историю и географию хронологически, генеалогически и статистически, со включением обозрения по духовной, военной и гражданской ее частям, как в первобытном ее состоянии, так и в царствование государя императора Александра I. Собрано из верных источников» (М., 1807) и «Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч.» (М., 1801–1809).

² См.: *Кирисанов А.Г.* Край наш бежецкий. Калинин, 1964; *Город на древнем волоке.* М., 1967; *Вишняков Н.М.* Ржев. К истории города и района. М., 1969; *Герчук Ю.Я., Домшляк М.И.* Художественные памятники Верхней Волги. М., 1976; *Города и районы Калининской области.* М., 1978; *Агафонов С.А.* Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987; *Федотова Т.П.* Вокруг Ростова Великого. М., 1987; *Кириков Б.М.* Кашин. Л., 1988 и др.

отсутствуют. Поэтому целью нашей работы будет выявление общих черт, свойственных городам Верхнего Поволжья.

Даже большие города конца XVIII в. по современным меркам были малонаселенными. К сожалению, у Афанасия Щекатова не приводятся сведения о количестве жителей каждого города. Но имеющиеся данные таковы: в 14 из 18 городов проживало не более 5 тыс. человек; 7–8 тыс. насчитывалось в Осташкове, Ржеве и Торопце, а 10004 человека – в Торжке³. Количество населения варьировало и зависело, видимо, от состояния экономики поселения.

Жители городов принадлежали к нескольким сословиям. Все города были населены купцами, мещанами, крестьянами, духовенством; в отдельных городах – также разночинцами, дворянами, иногородними работниками, ямщиками, крепостными, офицерами.

Круг занятий горожан был довольно широк: хлебопашество, огородничество, садоводство, рыболовство, извоз, работы по погрузке и выгрузке судов. Во многих городах находились фабрики и заводы, работники которых занимались изготовлением нужных в хозяйстве вещей, например: красок, штукатурки, свечей, печных изразцов, хомутов, часов, одежды, колёс, безменов, и много другого. Некоторые предприятия специализировались на изготовлении колоколов, другие – на производстве водки и наливок. Большое внимание уделялось и художественным ремеслам, таким как иконописное, золотарное, резное.

Большую роль в жизни верхневолжских городов играла торговля. Так как Волга являлась важнейшим торговым путем, города, расположенные по ее берегам, неизбежно были вовлечены в систему всероссийского рынка. Одним из свидетельств высокой торговой активности городов изучаемого региона являются ярмарки, которые проводились почти повсеместно. Самыми популярными днями проведения ярмарок были 6 января (Богоявление по старому стилю) и 9 мая. Кроме ярмарок, многие города проводили еженедельные торги, а некоторые – и по несколько раз в неделю. Торговые связи были достаточно обширными и хорошо налаженными: купцы верхневолжских городов часто привозили соседям свои товары, а также сюда приезжали дельцы из Москвы и Петербурга,

³ См.: *Щекатов А.М.* Словарь географический Российского государства... М., 1805. Ч. 4. С. 927; М., 1807. Ч. 5. С. 54; М., 1808. Ч. 6. С. 307, 316.

Пскова и Риги, Орла и Калуги, Смоленска и Гжатска, Казани и Астрахани, Украины и Сибири, Армении и Греции. Список товаров, реализуемых на ярмарках и торгах, был чрезвычайно разнообразным: хлеб и соль, строевой и дровяной лес, деревянная и оловянная посуда, заячьи и лисьи меха, серпы и косы, сковороды и ковши, сено и пенька, мясо и яйца, коровье и конопляное масло, гусиные перья и пакля, и многие другие вещи. Помимо прочего, в Рыбинске сбывали алебастр, в Мышкине и Романове – лошадей, в Торжке – изюм, чернослив, апельсины и уксус. Судя по данным «Словаря географического...» наиболее скудный перечень продаваемых продуктов отмечен у тех городов, которые в последней четверти XVIII в. были преобразованы из экономических сел в города и еще не имели, по видимому, развитых торговых связей и собственных ремесел. Лидером по широте ассортимента товаров являлся Торжок, древний купеческий город, который даже назывался когда-то «Ново-Торгом».

Если верить словарю Щекатова, образование в верхневолжских уездных и безуездных центрах было слабо развито: школы для купеческих и мещанских детей существовали лишь в 11 из 34 изучаемых городов, училища для детей священно- и церковнослужителей – в трех, для сиротских детей – в одном. Эти учреждения содержали сами города. Не лучше обстояло дело и с медицинским обслуживанием: больничный дом существовал только в Осташкове. Зато забота о старых и немощных людях была более распространенным явлением: богадельни (с обязательным разделением на мужские и женские) присутствовали в 14 городах. Почтовое правление существовало только в Торжке; полиция, казначейство и гауптвахта – только во Ржеве⁴. С другой стороны, Присутственные места были открыты практически повсеместно. Количество питейных домов в городах Верхнего Поволжья колеблется от 3 до 14, а во многих городах, судя по труду Афанасия Щекатова, они отсутствовали вовсе.

Как и прежде, провинциальные города оставались по преимуществу деревянными. Несмотря на составление планов для каждого города с разметкой мест под каменную застройку, такое строительство было выгодно только богатым горожанам, которые могли позволить себе приобретать кирпичи и камень для возведения домов.

⁴ См.: *Щекатов А.М.* Словарь географический Российского государства... Ч. 5. С. 54; Ч. 6. С. 306.

Те, кто такой возможности не имели, довольствовались деревянными постройками, которые часто погибали в многочисленных пожарах, бывших бедствиями для городов того времени. Общее количество домов варьирует от 127 (в Мышкине) до 1416 (в Арзамасе)⁵.

Конфессиональный состав населения верхневолжских городов, судя по данным «Словаря географического...» был однороден и включал в себя представителей только православного вероисповедания. Это подтверждается и количеством культовых сооружений. В каждом городе был свой собор, наиболее крупные населенные пункты делились на приходы со своими церквями. Самое большое количество храмов наблюдается в Угличе⁶. В некоторых городах располагались и монастыри.

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что жизнь верхневолжских городов была достаточно разнообразной. Жители занимались торговлей и ремеслами, выращивали хлеб и овощи, посещали богослужения, работали в государственных учреждениях. С другой стороны, если считать «Словарь географический Российской империи...» источником, охватывающим все сферы жизни людей, то можно сказать, что, например, образование находилось в запущенном состоянии, не было таких очагов культуры как библиотеки, театры, музеи. В этом отношении уездные и безуездные центры, конечно, отставали от губернских городов и столиц. В то же время, они имели обширные торговые связи со многими регионами Российской империи и зарубежья, и, следовательно, не оставались в стороне от жизни страны, но участвовали в ней.

⁵ См.: *Щекатов А.М.* Словарь географический Российской империи... М., 1801. Ч. 1. С. 201; Ч. 4. С. 457.

⁶ См.: Там же. Ч. 6. С. 534.

Провинциальный чиновник Российской империи первой половины XIX века

Провинциальная бюрократия всегда выполняла роль посредника между высшими эшелонами власти и народом. Это особенно справедливо для истории России XIX в., когда местный государственный аппарат был едва ли не единственным связующим звеном между населением и властью.

Создание большого количества новых чиновничьих и канцелярских мест в системе местного бюрократического аппарата породило определенный дефицит кадров. Это заставляло пополнять состав чиновничества выходцами из непривилегированных сословий. В этот период служащие в местные учреждения набирались – кроме, естественно, дворян – из среды церковно- и священнослужителей; приказных, подьяческих и секретарских детей; оберофицерских, солдатских детей, из купечества и даже из отпущенных на волю крепостных крестьян.

Развитие этой тенденции после министерской реформы описал в своих мемуарах Ф.П. Лубяновский (с 1819 г. Пензенский гражданский губернатор): «Нынче сто рук нужны там, где тогда одиннадцатая была лишнею. Нужда здесь, кажется, сама о себе промышляет: тысячи молодых людей всякого звания, редкий из них не нищий, готовят себя по отеческому преданию к статской службе...»¹

В первой половине XIX в. провинциальное чиновничество в зависимости от «высоты» занимаемого положения можно разделить на следующие группы:

Во-первых, «высшая» бюрократия – генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенных палат, председатели палат уголовного и гражданского суда.

Во-вторых, чиновники 6-8-го класса, занимавшие должности советников губернских учреждений, полицмейстеров, градоначальников.

¹ Лубяновский Ф.П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 188.

чальников, губернских прокуроров, судей. Именно они составляли ядро губернской администрации.

В-третьих, чиновники 9–14-го класса – самая многочисленная группа. Они занимали низшие исполнительные места, но в масштабе уездной власти, пирамиду которой венчала должность городничего (9-й класс). Эти чиновники играли решающую роль, будучи уездными судьями, казначеями, землемерами, заседателями и всесильными секретарями.

В-четвертых, канцелярские служители, которые не имели классов чинов и использовались для технической работы, прежде всего для переписки бумаг. Именно к двум последним группам и принадлежало подавляющее большинство гражданских служащих².

Что касается социального состава провинциальной бюрократии, то согласно формулярным спискам служащих Пензенского Губернского Правления за 1826 г., к потомственным дворянам по происхождению принадлежало 36,6% чиновников, остальные 63,4% происходили из следующих категорий: 10,3% – из разночинцев; 19% – из духовенства; 12,5% – из обер-офицерских детей; 7,9% – из купцов; 7,4% – из крестьян; 6,3 – из иностранцев³.

К 1855 году соотношение изменилось. Увеличилось количество чиновников дворянского происхождения, к ним принадлежало – 43,6% чиновников; к разночинцам – 6,6%; к духовенству – 20,2%; к обер-офицерским детям – 19,9%; к крестьянам – 4,8%; купечеству – 2,9%; к иностранцам – 2%⁴.

Таким образом, расширенное воспроизводство правящего сословия в основном происходило за счет пополнения его выходцами из других сословий. Это было возможно благодаря тому, что дослужившись до 8 класса, согласно Табели о рангах, чиновники получали потомственное дворянство. В целом по России за счет социальных перемещений в середине XIX в. «новое дворянство» получившее статус за службу составляло 59% всего сословия⁵.

² См.: Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 45.

³ См.: ГАПО Ф. 6. Оп. 1. Д. 264. Л. 101–256.

⁴ См.: Там же. Д. 529. Л. 32–103.

⁵ См.: Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860 гг.: демографическое, социальное и экономическое исследование. Л., 1990. С. 139.

Для многих дворян, особенно в начале XIX в., карьера чиновника начиналась после выхода в отставку с военной службы. В губернских городах отставные военные чаще всего служили советниками, ассессорами и дворянскими заседателями (чины 6-10-го класса). В уездных городах они занимали должности городничего, уездного судьи, земского исправника, казначея, заседателей, получая чины с 8-го по 11-й класс «за уряд» (на время пребывания в должности). Верхней ступенью уездной чиновной лестницы считались должности городничего и судьи с жалованьем 300 рублей в год⁶.

Благодаря почти всегда находившейся поддержке, дворянство занимало хотя бы незначительные, но все-таки «командующие высоты», не смешиваясь в бытовом отношении с остальной массой. Но не дворянство являлось основным двигателем бюрократической машины, не оно составляло особое чиновничье «сословие» со своими навыками и бытом. Главным и наиболее работоспособным элементом этого своеобразного «сословия» были дети канцеляристов и лиц духовного звания. В воспроизводстве гражданских служащих эти группы населения играли особую роль. Стремясь обеспечить учреждения грамотными и квалифицированными работниками, правительство запрещало детям приказных поступать в другую службу, кроме гражданской.

Детям священно- и церковнослужителей для поступления на гражданскую службу необходимо было получить увольнение из духовного звания. Сделать это было довольно просто. Исключали «за излишеством числа», «по болезни», «по прощению» и очень часто в связи с исключением из семинарии или духовного училища. Ряды гражданских служащих пополняли уволенные из учебного заведения «за малозначительность успехов», «за долговременную неявку» или «безнадежность к продолжению учения, происходящую от упорной лени», что не способствовало повышению образовательного и нравственного уровня чиновничьего «сословия»⁷.

Число лиц, поступавших на службу из приказных и духовенства, не удовлетворяло потребности быстро растущего аппарата, поэтому правительство было вынуждено допускать в канцелярские

⁶ См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 47.

⁷ См.: Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. М, 1998. С. 191.

служители представителей податных сословий, хотя и с различными ограничениями. Выходцы из купечества, мещанства, крестьянства и отпущенные на волю крепостные служили во всех учреждениях, включая центральные. Многие из них получали классные чины и довольно быстро продвигались по служебной лестнице.

Большинство будущих чиновников службу начинали с должности копииста. Исключение существовало для дворян, которые могли миновать начальные канцелярские чины. В чиновной лестнице канцелярских служителей звания и должности образовывали довольно сложное переплетение. Помимо основных ступеней – копииста, подканцеляриста и канцеляриста эта лестница включала еще две: губернского регистратора и губернского протоколиста. Классный чин получали чаще всего в должности канцеляриста. Достичь чина коллежского регистратора можно было за 10–15 лет, но в зависимости от сословной принадлежности, образования, способностей, отношения начальства, возраста, этот срок мог сокращаться или увеличиваться на 4–5 лет⁸.

Для провинциального чиновника XIX в. характерно сочетание с одной стороны чиновничьего превосходства, а с другой стороны определенной социальной ущербности.

Чувство чиновничьего превосходства во многом основывалось на осознании феномена могущества канцелярии. Глубокие размышления или отдельные наблюдения на эту тему можно найти в мемуарах многих чиновников. Например, П.С. Батуриин писал: «При первом моем входе в судилище я почувствовал некое священное движение в душе моей, происходящее от воображения, что от должности судящих зависит благосостояние и жизнь человека»⁹.

Основания для особого самоощущения чиновников в сравнении с другими представителями покинутой ими социальной группы (мещане, купцы, дети священников) давала перспектива повышения социального статуса с получением очередного чина – вплоть до потомственного дворянства с чином коллежского асессора (8 класс), открываемая перед чиновником петровской Табелью о рангах. Чин

⁸ См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 48.

⁹ Батуриин П.С. Жизнь и похождения Г.С.С.Б. Повесть справедливая, писанная им самим // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 68.

выступает для государственного служащего как ценность, равнопо-
ложенная, а иногда и более значимая, чем жалованье.

Однако здесь выходцев из непривилегированных сословий ждало разочарование. При чиновничьем производстве явное предпочтение отдавалось дворянам, что прекрасно осознавали все государственные служащие. В частности, Ф.П. Печерин, описывая получение им чина коллежского асессора в 1806 г., отмечал: «Причиной моего долговременного бытия в 9 классе непредставление, отчасти по беспечности, грамоты на дворянство или достаточного свидетельства о службе предков»¹⁰.

Это заставляло приподнявшегося над своим сословием купца или сына священника постоянно ощущать свою ущербность. Если такие чиновники и получали личное или потомственное дворянство, они не отказывались от ранее усвоенных привычек. Эти люди «тяготились приобретенным службою своим потомственным дворянством и поэтому всегда избегали исконного дворянского общества, а когда и улучалось бывать в кругу их, то держали себя стесненно и униженно»¹¹.

Причин этому было две. Во-первых, доходы этих людей не позволяли вести им такой же образ жизни, какой вели настоящие потомственные дворяне, а значит, и чувствовать себя равными с ними они не могли. Во-вторых, сами дворяне никогда не признавали их равными себе и не считались с ними.

Что касается материального положения провинциального чиновничества, то нельзя не отметить, для основной его массы в XIX в. это положение было крайне тяжелым. В 20-е гг. XIX в. высший оклад опытного канцеляриста в губернии составлял в среднем 20 руб. в месяц, а столоначальника губернского правления – 33 руб.¹².

Если сравнить эти оклады с жалованьем представителей высшей губернской администрации, в частности губернаторов, то налицо разительный контраст. Так, по смете МВД за 1845 г. губернаторы всех губерний, кроме столичных, получали 1716 руб. жалова-

¹⁰ Печерин Ф.П. Записки о моих предках и о себе на память детям в 1816 г. сделанные // Русская старина. 1891. Т. 72. № 12. С. 613.

¹¹ Глоринтов В.И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. 1905. Кн. 1. № 4. С. 3.

¹² См.: Мешков Г.И. Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский архив. 905. № 6. С. 173.

нья серебром и столько же столовых, т. е. 3432 руб. в год, или 286 руб. в месяц. Помимо этого губернаторам полагались «квартирные» деньги и ежегодная прибавка к жалованью в размере 4000 рублей. Общая сумма годового содержания, например, Пензенского губернатора А.А. Панчулидзева составляла 8632 руб., и при этом ему была предоставлена казенная квартира¹³.

Если даже не принимать во внимание «добавочных» денег, месячное жалованье начальника губернии в 30 раз превышало жалованье чиновника губернского правления, в частности письмоводителя, которое равнялось 4 руб. 75 коп. серебром плюс 5 руб. на наем квартиры¹⁴. Прокормить семью на такие деньги было невозможно. Тем более что в семье в то время насчитывалось 10 и более человек.

Таким образом, провинциальный чиновник первой половины XIX в. был неотъемлемой частью породившей его административной системы управления, ее основным работником и ее основной движущей силой. Такого типа чиновники (как правило, секретари или столоначальники) обычно начинали службу с низших канцелярских должностей и, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, накапливали огромный опыт практической работы, в совершенстве постигали все тонкости делопроизводства. Обладая при этом определенными способностями и умом, они становились незаменимыми для старших чиновников из дворян, которые службу начинали чаще всего в классных чинах и не особенно вникали в ее тонкости. Таким секретарем при пензенском губернаторе Панчулидзеве был упомянутый Мешков. Он пользовался неограниченным доверием губернатора: через него проходили даже секретные письма министров, которые те писали собственноручно, чтобы сохранить содержание в тайне.

Именно эта категория чиновников определяла характер деятельности бюрократической машины, так как большая часть начальников-дворян «...служила только ради одного почета и получения чинов и орденов, нисколько не занимаясь и не вникая в свои служебные обязанности и всегда беспрекословно подписывая все, что приходило к ним из канцелярии, где вся мудрость и творилась

¹³ См.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 75.

¹⁴ См.: *Мешков Г.И.* Указ. соч. С. 173.

в то время посредством столоначальников и секретарей»¹⁵. Впрочем, административная система управления 1840–1850-х гг., предусматривавшая со стороны нижестоящих учреждений лишь беспрекословное повиновение и строгую исполнительную дисциплину, и не требовала от них оригинальных решений или инициативы.

¹⁵ *Глориантов В.И. Указ. соч. С. 662.*

**Землевладение и землепользование крестьян
Саратовской губернии
в конце XIX – начале XX века**

Крестьянство в начале XX в. составляло основную массу населения Саратовской губернии (77,8 %). Ему принадлежало 49,2 % пахотной земли (3 348 968 дес.)¹. Надельные земли крестьян преимущественно находились в общинном пользовании, и только незначительный процент – 3,2 – в подворном. По уездам крестьянское надельное землевладение было представлено в следующем виде: Камышинский – 77%, Кузнецкий – 49%, Хвалынский – 66%, Царицынский – 47%, Вольский – 57%, Сердобский – 46%, Петровский – 55%, Саратовский – 43%, Балашовский – 50%, Аткарский – 42%. Сравнивая данные о размещении надельных и сословно-дворянских² земель по уездам Саратовской губернии, видим, что большее число надельных земель приходилось на те уезды, где размещалось меньшее число дворянских земель и наоборот.

Крестьянские наделы в Саратовской губернии по размерам владения были самыми различными: бывшие государственные крестьяне, составлявшие по губернии 52% сельского населения, имели средний надел на мужскую душу – 4,7 дес. (по данным на кон. XIX в.), бывшие помещичьи, составлявшие 40,9% сельского населения, имели наделы 2,8 дес. на душу в среднем, и этот ничтожный надел имело далеко не все крестьянство. В Саратовской губернии очень большую группу населения составляли крестьяне-дворянники (188059 душ мужского пола), получившие надел в среднем 0,9 дес. удобной земли на душу, надел, совершенно не обеспечивающий жизненного уровня крестьянства.

¹ См.: Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Саратов, 1905. Вып. I. С. 42.

² С 1801 г. не только дворяне, но и остальные сословия, кроме крепостных, могли покупать земли (купцы, чиновники и т. п.). Однако иные землевладельцы, кроме указанных в работе категорий населения России, не являются предметом анализа в данной статье.

Малоземелье – характерная черта крестьянского хозяйства Саратовской губернии в нач. XX в. Малоземельное положение крестьян сложилось в результате реформы 1861 г., внесшей большие изменения в крестьянское землевладение. В результате реформы по Саратовской губернии произошло повсеместное сокращение наделного землевладения. Крестьянское землевладение сократилось на 42,7% от всей земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы (на 600 тыс. дес.)³. Сокращение крестьянского землевладения по Саратовской губернии произошло в связи с тем, что во время реформы местные помещики, как и по всей России, отрезали у крестьян лучшие земли, переводя значительную часть крестьян на дарственные «нищенские» наделы, размеры которых сократились в 4,5 раза. Наделные земли между отдельными разрядами крестьян и между отдельными общинами распределялись крайне неравномерно. Среди крестьян губернии сохранилась масса различных разрядов крестьян, отличавшихся между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа и т. д.

Исследователи различают разряды крестьян-дарственников, полных собственников, государственных с общинным владением, государственных с четвертным владением, государственных из помещичьих, арендаторов казенных участков, поселян – собственников, переселенцев, вольноотпущенников, безбродных, свободных хлебопашцев, бывших фабричных⁴. Эти средневековые перегородки сказывались на земельных отношениях между помещиками и крестьянами, сказывались на взаимоотношениях отдельных разрядов крестьян, углубляли противоречия в аграрных отношениях и задерживали развитие производительных сил. Основным пережитком крепостничества являлось помещичье землевладение, опутывающее мелкое крестьянское землепользование зависимостью кабального характера. Помещичье хозяйство, являясь по природе крепостническим, держало в зависимости крестьянское и тоже оставляло его отсталым и крепостническим.

Для развития сельского хозяйства требовалась радикальная чистка его от крепостнических пут. «Крестьянский “надел”, – писал

³ См.: Материалы для оценки земель ... С. 42.

⁴ См.: Земско-статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1899.

В. И. Ленин, – является, при такой хозяйственной системе, способом обеспечения помещика рабочими руками, и не только рабочими руками, но и инвентарем, который, как бы жалок он не был, служит для обработки помещичьей земли»⁵.

Крестьянское хозяйство, опутанное пережитками крепостничества, по уровню экономического развития не являлось однородным, в нем интенсивно шел процесс разложения. В. И. Ленин обработал земские статистические данные по Саратовской губернии не по надельному признаку, а по хозяйственной состоятельности, по количеству скота, по объемам посевных площадей, и эти выкладки, опубликованные в его работе «Развитие капитализма в России», убедительно вскрывают настоящее положение крестьянского хозяйства в Саратовской губернии после реформы 1861 г.

Сведения, приводимые Лениным, наглядно показывают процесс разложения деревни, образование двух противоположных полюсов в крестьянском хозяйстве. Так, в Камышинском уезде «зажиточное крестьянство», составлявшее лишь пятую часть дворов (и около трети населения), держало в своих руках более половины всего посева (58,8%), причем размер посевных ясно указывает на его коммерческий характер: 27,6 дес. в среднем на двор. У зажиточного крестьянина приходилось также значительное количество скота на двор: 14,6 голов, и из всего количества крестьянского скота в уезде почти 3/5 (56%) было сосредоточено в руках крестьянской буржуазии. На другом полюсе деревни мы видим противоположное явление: полную обделенность низшей группы, сельского пролетариата, который составлял в нашем примере немного менее 1/2 дворов (около 1/3 населения), получая однако из общей доли посева 1/3, а из всего количества скота и того меньше (11,8%)⁶. Это были уже по преимуществу батраки, поденщики и промышленные рабочие с наделом.

Та же картина разложения деревни Саратовской губернии наблюдается при рассмотрении хозяйств других уездов: Вольского, Балашовского, Кузнецкого, Сердобского. Здесь по 4 уездам – 54% дворов – это хозяйства без рабочего скота или с одной головой, они составляли 41% населения, им принадлежало 23,6% посева; в то же

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–966. Т. 21. С. 308.

⁶ См.: Ленин В.И. Указ. соч. Т. 21. С. 308–311 и сл.

время группа зажиточного крестьянства, имевшая по две и больше голов рабочего скота, составляла 46% дворов, 59% населения: ей принадлежало 76,4% посева и 77,8% всего скота⁷.

Из приведенных данных по четырем уездам видно, насколько раскололась деревня Саратовской губернии, как глубоко зашел процесс разложения, порождавший развитие различных социально-экономических групп крестьянства. Существовавшие в губернии земельные наделы не обеспечивали потребностей крестьянского населения. Оно вынуждено было прибегать к аренде земли у помещиков. Саратовская губерния в начале XX в. по размерам аренды земли крестьянами занимала одно из первых мест среди губерний России.

В. М. Колобов, сотрудник оценочно-статистического отделения Саратовской губернской земской управы, приводил данные оценочного исследования о степени распространения арендных посевов по Саратовской губернии. Он утверждал, что посев на арендных землях в конце 1890-х гг. составлял 647 тыс. дес. или 25% площади крестьянского посева, всего же аренда с парами и другими угодьями составляла 903 тыс. дес., на сумму 5123,5 тыс. руб.⁸ Эту же цифру (900 тыс. дес.) мы находим и у В.И. Ленина⁹.

Ежегодно крестьяне Саратовской губернии вынуждены были платить помещикам свыше 5 млн. руб. арендных платежей. По отдельным уездам величина аренды колебалась в зависимости от обеспеченности крестьян наделной землей. В Балашовском, Аткарском, Сердобском, Петровском уездах, где сосредоточено было 78% всей частновладельческой и 30% помещичьей земли, посев на арендованных землях значительно превышал средний процент по губернии, он составлял 1/3 часть всего посева. В Кузнецком уезде были развиты подсобные промыслы среди крестьян, поэтому они меньше арендовали землю, и арендные посевы здесь составляли только 18% всех посевных площадей. В Хвалынском уезде татарское население само сдавало наделную землю в аренду, здесь посев на арендных землях был еще ниже – 13%. В Камышинском уезде жили колони-

⁷ См.: Там же. С. 308–311.

⁸ См.: *Колобов В.М.* Вненадельная аренда земли в Саратовской губернии // Саратовская Земская неделя. 1902. С. 1. Прил. к № 11–12.

⁹ См.: *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 21. С. 331.

сты, более обеспеченные землей, их посев на арендных землях был небольшим – 17%. В Царицынском уезде население занималось скотоводством, нужда в земле для пастбищ ощущалась сильнее, поэтому арендные земли здесь доходили до 30%¹⁰.

Таким образом, в Балашовском, Сердобском, Саратовском, Аткарском и Петровском уездах Саратовской губернии в начале XX в. наблюдалось большое применение аренды на землю, следовательно, в этих уездах создавалась и большая зависимость крестьян от помещиков, в этих уездах социально-экономические противоречия действовали сильнее. Аренда земель – важнейший фактор в крестьянском хозяйстве, и избежать его не представлялось возможным, т.к. крестьянство нуждалось в земле. Пользование же землями на правах аренды с каждым годом становилось затруднительнее, потому что арендные цены на земли росли.

За 30 лет арендные цены на землю возросли почти в 5 раз. Аренда давила на крестьян не только фактической суммой, но и тем, что она, как правило, носила кабальный характер. При аренде земли требовалось вносить заранее задаток в размере от 1/10 до 1/2 арендной платы, уплаты денег до урожая, уплаты отработками испольной работы. Беднота вынуждена была прибегать к кабальным формам аренды – отработкам, испольщине, состоятельные крестьяне предпочитали аренду за наличные деньги. Арендовали землю различные разряды крестьянства, что видно из следующей таблицы.

Выделялись из общины зажиточные дворы, составлявшие незначительное меньшинство, но способное организовать капиталистическое земледелие при помощи предпринимательской аренды. Так, по четырем уездам Саратовской губернии (Балашовский, Сердобский, Вольский, Кузнецкий) 84% арендованных земель падало на группу зажиточного крестьянства, владевшего двумя и больше головами рабочего скота¹¹.

Кроме аренды владельческих земель, в конце XIX – начале XX в. в Саратовской губернии существовала и развивалась внутринадельная аренда. По данным В.М. Колобова, надельная аренда в Петровском уезде за 10 лет – с 1884 по 1894 гг. – возросла на 41%, а

¹⁰ См.: Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности Саратовской губернии за 1903 г., Саратов, 1904. С. 38.

¹¹ См.: Ленин В.И. Указ. соч. Т. 21. С. 333–335.

вненадельная уменьшилась на 14%¹². Исследователь объяснял развитие внутринадельной аренды недостатком владельческих земель. Но, например, в Петровском уезде частновладельческой земли было вполне достаточно. Следовательно, внутринадельная аренда росла по другим причинам.

Увеличение аренды за счет надельной земли являлось следствием разложения деревни, роста двух полюсов: деревенской бедноты, вынужденной сдавать надельную землю в аренду, и деревенской верхушки, организующей капиталистическое земледелие.

Данные текущей статистики показывают, что в начале XX в. в крестьянском хозяйстве Саратовской губернии наблюдался рост крестьянских посевов на земле, купленной в личную собственность. Крестьянские посеы Саратовской губернии в период с 1899 по 1905 гг. размещались следующим образом (см. табл. 1.):

Таблица 1.

Размещение крестьянских посевов (в %)^{13*}

Годы	На надельной земле	На купленной земле	На арендованной земле
1899	67	5	28
1900	66	7	27
1901	66	9	23
1902	65	10	23
1905	63	10,5	23

Из приведенных данных следует, что в Саратовской губернии в период с 1899 по 1905 гг. сокращался посев на надельных и арендованных землях, а на купленных увеличился в два раза. Вероятно, можно говорить об эволюции в сторону роста капиталистической земельной собственности. По отдельным уездам рост крестьянских посевов на купленных землях составлял еще более высокий процент.

Таким образом, в Саратовской губернии шел рост буржуазной земельной собственности. Для аргументации данного положения приведем следующие данные. В Балашовском уезде помещик На-

¹² См.: Колобов В.М. Указ. соч. С. 2. Прил. к № 11–12.

¹³ Табл. составлена по: Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905 г. Саратов, 1905. Вып. 1. С. 154–155.

рышкин продал Катовражинскому обществу крестьян 1000 дес. земли по 80 руб. за десятину. Князь Львов – Бобылевскому обществу 794 дес. по 130 руб. за десятину; князь Прозоровский-Галицын Товариществу крестьян из Зубриловки продал пахотной земли 354 дес. по 130 руб. По Аткарскому уезду землевладелец Громов продал крестьянину Херсонской губернии 375 дес. по 130 руб.; Бахметьев – крестьянину Коростелеву – 55 дес. удобной земли по 120 руб. за наличные. По Хвалынскому уезду московский купец Исаев продал 2000 дес. по 110-115 руб. за десятину Товариществу из 20 семейств; помещик Медем – крестьянам 1000 дес. по 120 руб. В Петровском уезде Общество крестьян с. Кожинки купило у местного владельца с помощью Крестьянского поземельного банка 742 дес. по 125 руб. за десятину; в Сердобском уезде землевладелец Шмагин продал 200 дес. пахотной земли по 120–140 руб. за десятину Товариществу крестьян деревни Зеленовки¹⁴.

Можно было бы продолжить эти примеры о покупке земли крестьянами в личную собственность. Но и приведенные факты убеждают в росте буржуазной земельной собственности. Продавцами земли были помещики, не приспособившиеся к условиям капиталистического развития, не желавшие вести сельское хозяйство, а покупателями являлись богатые крестьяне. За 40 лет после реформы 1861 г., к началу XX в., дворянское землевладение в Саратовской губернии сократилось в целом на 36%. А по отдельным уездам еще больше: в Камышинском – на 75%; в Кузнецком – на 42,8%; в Саратовском – на 41,2%; в Балашовском – на 39,2%; в Аткарском – на 36,2%¹⁵.

В начале XX в. количество продаваемой помещичьей земли по Саратовской губернии еще больше росло в связи с развитием аграрного движения и страхом помещиков за свое будущее. Земля переходила в руки других сословий, в частности, крестьянства. Так, в начале XX в. оно владело 247300 дес. земли на правах личной собственности. Крестьяне покупали землю не только индивидуально. В связи с высокими ценами они приобретали ее товариществами или сельскими обществами. Так, только последние купили

¹⁴ См.: Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности Саратовской губернии за 1903 г. С. 38.

¹⁵ См.: Там же.

370968 дес.¹⁶. Купленная через товарищества и общества земля распределялась не по душам, а в соответствии с денежными вкладами, а значит, попадала в руки зажиточной сельской верхушки.

Большой объём покупки помещичьих земель наблюдался в Камышинском уезде, где значительное количество населения составляли колонисты и бывшие государственные крестьяне, больше обеспеченные землей, меньше опутанные пережитками крепостничества. Они, приобретая землю в личную собственность, организовывали капиталистическое хозяйство. В Балашовском, Аткарском, Саратовском уездах крестьянство в связи с огромным малоземельем вынуждено было прибегать к покупке или аренде земли.

Таким образом, к началу XX в. в сельском хозяйстве Саратовской губернии наблюдался рост крестьянской земельной собственности за счет сокращения сословно-дворянской. Создание буржуазной земельной собственности углубляло экономические противоречия между растущими буржуазными элементами деревни и помещиками – представителями феодальной земельной собственности.

Вследствие высоких цен на землю, купля земли в личную собственность большинству крестьянства была непосильна, по тем же причинам непосильна была и аренда земли широким массам. Посевы на арендованных землях не покрывали расходов. Крестьянин из Балашовского уезда Макаровской волости сообщал об условиях аренды: «За одну десятину в посеве съемщик обязан уплатить 8 руб. и, кроме того, обработать владельцам под посев овса одну десятину, а по урожае – сжать, связать, сложить в крестцы, свозить на гумно и сложить в скирды, каковая работа стоит 10 руб., посеять 2 сажени гороху, по урожае – убрать и обмолотить, что стоит 2 руб. Следовательно, съемщику земля стоит 20 руб. Если арендатор даже посеял пшеницу, то при среднем урожае в 50 пудов и при средних ценах в 70 коп. за год валовой доход, считая солому, не превысит 38 руб., а аренда вместе с семенами составляет расход в 25 руб. Таким образом, арендатору остается 13 руб., в то время, когда работа стоит не меньше 14 руб.»¹⁷. Это письмо со всей очевидностью вскрывало крепостнический, кабальный характер аренды, ее хо-

¹⁶ См.: Статистика землевладения. СПб., 1906. Вып. II. С. 117.

¹⁷ *Березов И.* Из быта крестьян Саратовской губернии // Русское богатство. 1908. № 8. С. 87.

заявленную невыгодность, на невозможность при таких условиях вести хозяйство на основе расширенного воспроизводства.

Анализ ситуации в сфере крестьянского землевладения и землепользования в начале XX в. и особенно исследование крестьянских наделных и внаделных аренд показывает, что в саратовской деревне шел процесс имущественной дифференциации. Во всех уездах губернии система и структура крестьянского землевладения и землепользования явно не соответствовала потребностям и нуждам модернизирующейся экономики Российской империи. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается главный вывод – система и структура крестьянского землевладения и землепользования в Саратовской губернии в 1882–1906 гг. оказалась не способной к модернизации.

Школа огнестойкого строительства в Саратове в начале XX века

Проблема борьбы с огнем не потеряла своей актуальности даже в век высоких технологий. В начале XX столетия вопрос противопожарной безопасности также стоял достаточно остро. Для успешного его решения наряду с известными противопожарными мерами необходимы были квалифицированные кадры и новые огнестойкие технологии в строительстве. Именно с этими причинами связано появление школы огнестойкого строительства в Саратове в начале прошлого века.

Создание этого учебного заведения было инициировано Саратовским губернским земством в рамках мероприятий по совершенствованию борьбы с сельскими пожарами. 18 января 1911 г. на очередном 45-м заседании Саратовской губернской земской управы было принято постановление об открытии «Школы огнестойкого строительства имени императора Александра II»¹.

В течение лета того же года, исполняя решение земского собрания, управа пригласила директора школы, которому было поручено следующее: разработка проекта здания, наблюдение за его строительством, все подготовительные работы по организации и оборудованию школы, мастерских и лабораторий, набор штата преподавателей. Все вышеперечисленные мероприятия были превращены в жизнь в период с мая до середины декабря 1911 г.

Школа, в соответствии с постановлением, была создана для подготовки технического персонала, обладающего знаниями о приемах огнестойкого строительства, и по статусу представляла собой «низшее специальное учебное заведение, в котором путем практического и элементарного теоретического обучения подготавливаются лица, могущие практически руководить всякого рода работами по выработке строительных материалов, применяющих-

¹ См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2874. Л. 14, 15.

ся в постройках и по возведению обычно применяемых в сельском быту построек при заданном проекте и конструкции»².

Согласно Устава этого учебного заведения, основными целями деятельности школы огнестойкого строительства являлись: «подготавливать мастеров сельского огнестойкого строительного дела. Кроме, того, школа должна служить опытной испытательной станцией для исследования свойств разных строительных материалов, а также справочным бюро для подачи советов и справок по строительству делу земских учреждений и частным лицам Саратовской губернии. Наконец, путем устройства при школе временных краткосрочных курсов, она должна распространять технические приемы и навыки изготовления огнеупорных строительных материалов в среде сельского населения»³.

Школа находилась в ведении Министерства земледелия по отделу сельского строительства и в непосредственном заведовании общественного самоуправления, причем общее наблюдение за ходом обучения в школе и периодический осмотр ее возлагался на должностных лиц отдела сельского строительства министерства земледелия.

Финансировалось данное учебное заведение за счет казны, ассигнований общественного самоуправления и всякого рода пожертвований, а также из средств, полученных от деятельности лаборатории, организованной при школе.

Учебный процесс в школе огнестойкого строительства был организован следующим образом. Полный курс, который разделялся на два класса и четыре семестра, слушатели проходили в течение двух лет. Учебная программа делилась на два вида дисциплин: главные и специальные. К основным учебным предметам относились: строительные материалы, строительные работы, общее сельское строительство, отопление и вентиляция, механика, сельскохозяйственное строительство, проектирование и отчетность. Специальными являлись: математика, физика, черчение и рисование, русский язык и пожарное дело. Также велись практические занятия в учебных мастерских, и проводилась летняя практика по строительству под руководством преподавателей. Такой подбор

² Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

³ ГАСО Ф. 279. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

предметов позволял подготовить достаточно квалифицированных специалистов, обладающих при этом широким кругозором⁴.

В школу принимались лица всех сословий, в возрасте не моложе 17 лет (позднее возрастной ценз подняли до 18 лет). Предпочтение отдавалось лицам, ранее занимавшимся какой-либо отраслью строительного дела в качестве рабочих, десятников и т. п. Также имелся и образовательный ценз. Поступающие должны были выдержать обязательный вступительный экзамен в объеме программы двухклассного училища министерства народного просвещения. При наличии конкурса лицам, имеющим техническое образование, отдавалось предпочтение при поступлении в школу. Но в дальнейшем образовательный ценз был понижен в связи с низким уровнем образования у поступающих. Для успешного поступления необходимо было умение правильно и бегло читать, а также знание четырех арифметических действий над простыми целыми числами.

Занятия в школе были открыты с 20 ноября 1911 г., причем и в первом, и во втором классах. Управа нашла целесообразным открыть сразу и второй класс для того, чтобы уже в 1912 г. иметь окончивших школу мастеров огнестойкого строительства⁵. Этот факт, несомненно, свидетельствует об острой потребности губернии в кадрах такого рода. Второй класс школы был укомплектован вновь поступившими и удовлетворяющими требованиям Устава по приему во второй класс, а также из учеников, окончивших первый класс уже существовавшей школы десятников и пожелавших получить образование во только что открытой школе.

Вместе со школой была открыта испытательная лаборатория, которая производила анализы и испытания для страхового отделения губернского земства. В частности, проводились химические анализы воды (определение механических примесей, жесткости, твердого остатка: натрия, хлора и т. д.); гипса, горнозаводских продуктов, горючих материалов, минералов, золы, известняка, каменного угля и торфа, глины и т. д.; а также производство механи-

⁴ Подтверждением тому может служить наличие в учебном плане школы такого предмета, как русский язык.

⁵ См.: Школа огнестойкого строительства саратовского губернского земства. Отчет за 1912 год. Саратов, 1913. С. 2.

ческих испытаний, испытаний на разрыв⁶. Все это, несомненно, способствовало качественному совершенствованию огнестойкого строительства, что в свою очередь вело и к улучшению противопожарной обстановки как в городе, так и на селе.

Важной вехой в развитии школы огнестойкого строительства стал революционный 1917 г. В этот год 12 июня школу огнестойкого строительства объединили со школой десятников. Цель данного объединения заключалась в том, чтобы дать земствам, «работающим в строительном отношении на благо населения, более опытный в теоретическом и практическом смысле технический персонал для огнестойкого строительства, гражданского земского строительства, а также дорожного и гидротехнического»⁷. Одновременно было принято решение увеличить период обучения до четырех лет, в связи с необходимостью повысить не только общий образовательный уровень выпускников школы, но и технический, главным образом с практической стороны. Испытательную лабораторию, находящуюся при школе огнестойкого строительства, благодаря ее организации и довольно полному оборудованию вполне могущую служить областной лабораторией для испытания строительных материалов, было предложено переименовать в областную испытательную станцию.

21 октября 1917 г. Саратовской губернской земской управой было принято решение о преобразовании школы мастеров огнестойкого строительства в школу инструкторов огнестойкого строительства⁸. Данное решение позволило в итоге повысить квалификацию выпускников школы.

О дальнейшей судьбе данного специализированного учебного заведения, к сожалению, ничего неизвестно. Видимо во время революционных потрясений советским властям было не до проблем огнестойкого строительства.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что школа огнестойкого строительства, которая была создана в начале XX в. в Саратовской губернии в рамках мероприятий по развитию борьбы с сельскими пожарами, обеспечивала в течение нескольких лет вы-

⁶ См.: ГАСО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–2об.

⁷ См.: Там же. Д. 58. Л. 2об.

⁸ См.: Там же. Л. 1.

пуск необходимого для огнестойкого строительства и в целом для совершенствования противопожарной безопасности губернии квалифицированного технического персонала.

Выстрел в доме губернатора

Развитие человеческой цивилизации сегодня ознаменовано рядом проблем, приобретших глобальные черты. В первые годы XXI в. одной из приоритетных задач для многих стран мира стала борьба с терроризмом. К сожалению, Россию не обошла стороной эта страшная беда, и наша страна испытала на себе всю тяжесть террористических актов.

В то же время проблема терроризма для России не является новой. Сто лет назад одним из главных вопросов, который решало российское правительство, как и сегодня, была проблема терроризма. Терроризм в начале XX в. стал явлением массовым, «а если брать чисто количественно, то и более бытовым, чем смертная казнь»¹. Не обошла стороной эта беда и Саратов. Одним из наиболее громких террористических актов, совершенных в Саратове партией эсеров, стало убийство 22 ноября 1905 г. генерала-адъютанта В.В. Сахарова.

Из донесения начальника саратовского охранного отделения заведующему политической частью Департамента полиции следует², что ровно в полдень к подъезду губернаторского дома подъехал экипаж. Из него вышла молодая красивая дама и, расплатившись с извозчиком, вошла в дом. Швейцару и дежурному околоточному надзирателю она заявила, что имеет просьбу к генерал-адъютанту Сахарову и желает лично видеть Его Превосходительство. Надзиратель попросил ее пройти наверх, в приемную к чиновнику особых поручений. Кабинет генерала был устроен на втором этаже, в комнате по левую сторону от приемной, отделяющей его от кабинета губернатора.

Когда о гостье было доложено Сахарову, он приказал просить. В гостиной, где обычно принимает генерал, в это время находился

¹ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2000. С. 171.

² См.: ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

адъютант Суковкин. Дама вошла в приемную и, пожав руку Сахарова, по приглашению Его Превосходительства села в кресло. Ротмистр Федоров отмечал в своем донесении: «Когда села просительница, сел и генерал. Друг от друга их разделял стол. Капитан Суковкин расположился у другого стола шагах в пяти от них»³. Сахаров начал читать поданное ему прошение от имени землевладелицы Пензенской губернии Софии Фокиной. В нем, якобы, она просила «прислать солдат и казаков для защиты ее имения от погрома разбойниками-крестьянами»⁴. Неожиданно дама выхватила из-под пояса браунинг и выстрелила в генерала. Сахаров, обливаясь кровью, выбежал, шатаясь, в соседнюю комнату. В дверях силы его покинули, и он свалился на пол, а через минуту скончался.

Четыре выстрела были сделаны почти в упор. Пули попали – одна в правую руку, раздробив кость, а другие прямо в грудь. Стрелявшая была сразу же схвачена за руки, находившимся в приемной адъютантом. Обезоруженная, она бросила последнему: «Будьте осторожны! Там еще есть патроны... Вы можете убить себя»⁵.

В это время в комнату вбежал привлеченный выстрелом саратовский губернатор П. А. Столыпин. На его вопрос о произошедшем, убийца заявила, что «казнила» Сахарова по приговору, вынесенным «летучим отрядом» Боевой организации социалистов-революционеров. Поданная ею бумага – прошение, заключала в себе смертный приговор убитому генералу. Когда ее везли в экипаже в тюрьму, она заявила, что «генерала Струкова и адмирала Дубасова убьют также – или теперь, или через несколько дней»⁶.

Дочь Столыпина Мария Бок в своих мемуарах упоминает об этом убийстве и рассказывает, что в Саратов как в губернию, сильно зараженную мятежным духом, был в то время высочайше командирован генерал-адъютант Сахаров для подавления беспорядков. По приглашению Столыпина он остановился в губернаторском доме. Домочадцы знали об ожидающемся его приезде из писем Столыпина. Когда семья губернатора подъезжала к Саратову, неожиданно, за несколько станций до конечной остановки, в вагон

³ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

вошел один из чиновников особых поручений и сообщил, что генерал Сахаров накануне убит в доме, куда должна была въехать семья Столыпина. «Папа послал предупредить мамá, чтобы она не узнала об этой трагедии из газет и чтобы успокоить ее, сказать, что он сам цел и невредим. Можно себе представить чувство, с которым мы въезжали в дом, откуда за два часа до того вынесли тело убитого, и в комнатах которого запах ладана красноречиво напоминал о панихидах»⁷, – вспоминала позднее М. Бок.

Это громкое убийство взбудоражило весь Саратов. Для России же это стало очередным террористическим актом, которые в то время во множестве совершались по всей стране. На календаре 1905 г. – пик массового эсеровского террора⁸. Характерной особенностью этого времени О. В. Будницкий считает то, что «...число терактов выросло в десятки раз, и выбор жертвы уже перестал быть прерогативой политиков из ЦК. Теперь кого казнить, а кого миловать, определяли зачастую местные партийные комитеты, “летучие боевые отряды”, боевые дружины»⁹. На популярность революционных идей в обществе указывает небольшой, но примечательный факт: присяжный поверенный А. М. Масленников прислал в тюрьму своей подзащитной – убийце генерала Сахарова – цветы.

«Департамент полиции предпринимал отчаянные меры по сдерживанию “девятого вала” революционного терроризма»¹⁰. Однако борьба с терроризмом происходила не всегда последовательно и удачно. О неэффективной работе саратовской жандармской охраны говорит следующий факт: до убийства генерала Сахарова к губернатору Столыпину ночью явились рабочие с предупреждением, что из Пензы приехали террористы с целью убить Сахарова. Вызванный Столыпиным жандармский полковник в ответ на прозвучавшую тревогу опрометчиво заявил: «Позвольте нам знать лучше, чего хотят эти люди. Они хотят совсем другого, генерал же

⁷ Бок М.П. Воспоминания о моем отце // URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bok48. (Дата обращения: 06.04.2011).

⁸ Вместе с 2180 убитыми и 2530 ранеными частными лицами общее число жертв в 1905–1907 гг. Анна Гейфман оценивает числом более 9000 человек.

⁹ Будницкий О.В. Указ. соч. С. 123.

¹⁰ Варфоломеев Ю.В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009. С. 32.

им вовсе не страшен»¹¹. Роковая ошибка руководства политической полиции губернии в итоге стоила жизни высокопоставленному царскому чиновнику.

К производству следствия по делу об убийстве генерал-адъютанта Сахарова приступил следователь по особо важным делам. Агентурой были выявлены сведения, что задержанная появилась в Саратове в ночь с 21 на 22 ноября и имела конспиративное свидание с сыном чиновника Николаем Герасимовичем Милентьевым, который был хорошо известен департаменту полиции как человек, ведающий всеми делами Боевой организации социалистов-революционеров. Неизвестная передала ему словесный приказ ЦК относительно саратовского вице-губернатора Кнолля, по которому «организации вменяется в обязанность к 1 декабря убить вице-губернатора, а в противном случае опять будет прислано лицо из ЦК»¹². Немногим ранее, 18 ноября, на вице-губернатора Кнолля уже было совершено покушение волгоградским мещанином К. Д. Бакшановым. Он бросил в вице-губернатора разрывной снаряд, когда тот прогуливался по улицам Саратова. Однако взрыва не последовало «ввиду неисправности бомбы»¹³.

Так кто же эта отчаянная девушка, приведшая в исполнение смертный приговор боевой организации? Следствию долго не удавалось выявить личность убийцы. Выдвигались разнообразные предположения. По одной версии, это была дочь некоего Попова, одного из служащих в имении Нарышкина Балашовского уезда. По другой версии, стрелявшей была Анна Ивановна Доброхотова, известная эсерка, скрывавшаяся до этого в Сибири. Однако эти сведения при проверке, оказались ошибочными. Как отмечал начальник саратовского охранного отделения ротмистр Федоров в рапорте начальнику московского охранного отделения, «преступница – интеллигентка, 30-32 лет, полного среднего роста, русая, лицо красивое, довольно полное, глаза голубые и большие. Держит себя спокойно и уверена в своей правоте»¹⁴.

¹¹ Бок М.П. Указ. соч.

¹² ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 190. Л. 40.

¹³ Там же. Л. 35.

¹⁴ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

3 марта 1906 г. «неизвестная», убившая генерал-адъютанта Сахарова и покушавшийся на жизнь вице-губернатора Кнолля мещанин Бакшанов были приговорены Казанским военно-окружным судом к смертной казни через повешение. Однако суд возбудил ходатайство перед императором, и приговор был изменен: для «неизвестной» – бессрочной каторгой, а для Бакшанова – 15-летней.

Уже после того как состоялся суд, преступница назвала свое имя. Неизвестной дамой, совершившей столь дерзкое преступление, оказалась Анастасия Алексеевна Биценко. Это была убежденная революционерка и поистине «звезда» эсеровского террора. Происходила она из крестьян, родом была из села Александровка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Начало ее жизненного пути складывалось довольно удачно для деревенской девушки. Училась в гимназии, окончила педагогические курсы Общества воспитательниц и учительниц в Москве. Затем вышла замуж за самарского купца. Однако семейное счастье было недолгим. В 1902 г. начинается ее бурный роман с революцией, ради которой Биценко пришлось оставить мужа. «Вступив в ПСР, она сделала себе карьеру видной революционерки, – отмечает О.В. Будницкий. – Входит в партийные комитеты в Смоленске (1902–1903), Петербурге (1903–1904) и Москве (1905). В 1905 г. Анастасия Биценко вошла в состав Летучего боевого отряда, по заданию которого она и совершила убийство генерал-адъютанта Сахарова»¹⁵.

Наказание Биценко отбывала на Нерчинской женской каторге вместе с другими женщинами-террористками, осужденными на «вечную каторгу», так называемыми «вечницами»: М. Школьник, М. Спиридоновой, А. Измайлович.

В годы революции 1917 г. она продолжила свою политическую деятельность, и довольно успешно – добилась на этом поприще определенных высот. На учредительном съезде партии левых социалистов-революционеров она была избрана в ЦК партии, входила также в состав советской делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске; избиралась депутатом ВЦИК. В ноябре 1918 г. по рекомендации Я. М. Свердлова вступила в РКП (б). Впоследствии А. А. Биценко работала в учреждениях советской коопе-

¹⁵ Женщины-террористки в России: [Бескорыстные убийцы] / Сост., вступит. ст. и прим. О.В. Будницкого. Ростов-н/Д., 1996. С. 293.

рации, преподавала, была на хозяйственной, советской и партийной работе.

Однако судьба сыграла с ней злую шутку. В феврале 1938 г. она была арестована по обвинению в принадлежности к эсеровской террористической организации и 16 июня приговорена Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Царский суд в свое время все же заменил Биценко смертную казнь каторгой, несмотря на бесспорно установленную вину – принадлежность к террористической организации. Революция же поглотила свою дочь.

Борьба ВЧК с дезертирством в Красной Армии в годы Гражданской войны (на материале Пензенской губернии)

В годы Гражданской войны дезертирство из Красной Армии приняло большие масштабы. По данным В. В. Кондрашина, в 1919 г. из соединений Красной армии дезертировал, как минимум, каждый второй¹. В информационных сводках оперативного и аналитического характера НКВД и ВЧК причинами отказа крестьян Поволжья служить Советской власти в годы Гражданской войны назывались: негативное отношение к власти вследствие грабежей и насилия со стороны регулярных частей Красной армии и различных реквизиционно-карательных отрядов; нежелание отрываться от выполнения текущих сельскохозяйственных работ; страх наказания в случае победы антибольшевистских сил. В каждом конкретном случае преобладал тот или иной из названных мотивов, в ряде случаев они действовали в комплексе².

Для борьбы с бегством солдат Красной армии с фронта и из воинских частей была создана Центральная Временная Комиссия по борьбе с дезертирством, в состав которой входили представители Всероссийского Главного Штаба, Всероссийского Бюро военных комиссаров и Народного Комиссариата Внутренних Дел³. Местным органам по борьбе с дезертирством должна была оказывать содействие ВЧК. Соответствующий приказ за № 172 Ф. Э. Дзержинский подписал в июне 1919 г.⁴.

Так как данная задача для органов государственной безопасности не была профильной, в октябре 1919 г. Ф. Э. Дзержинский приказывал учредить стол по борьбе с дезертирством при Пензенской губернской ЧК, на который необходимо было «перевести все

¹ См.: Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 176.

² Там же. С. 171.

³ См.: Государственный Архив Пензенской Области (далее ГАПО). Ф. 863. Оп. 2. Д. 13. Л. 2.

⁴ См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов. М., 2007. С. 129.

материалы дезертиров губернии, сведения о неявившихся по мобилизации, информацию о месте пребывания и скоплении дезертиров»⁵. Таким образом в ЧК частично аккумулировалась работа и по борьбе с дезертирством, что показало недостаточную эффективность Комиссии по борьбе с дезертирством.

Дезертиром признавался всякий военнослужащий, отсутствующий в своей части управления или учреждения более 7 дней⁶. Все дезертиры делились на 2 категории: дезертиры по слабости воли и злонамеренные дезертиры⁷.

Архивные данные указывают на то, что Пензенская губернская чрезвычайная комиссия вела дела только в отношении незлостных дезертиров, которые выявлялись и направлялись на фронт или в свои части. Дела в отношении этих военнослужащих прекращались и сдавались в архив Особого отдела ГубЧК.

Вынесением решения по делам злостных дезертиров занимался Революционный трибунал при Губернской комиссии по борьбе с дезертирством.

Помимо выявления и поимки дезертиров ВЧК занималась борьбой с коррупцией среди ответственных за мобилизацию в РККА работников. Так, заместитель продовольственного комиссара Степанов был отстранен от должности и отправлен на фронт по причине того, что «не принял достаточных мер к упорядочению дел по проверке документов служащих Губернских продовольственных комитетов», в результате чего до 40 служащих «укрылись от воинской повинности»⁸.

Лица, занимающие ответственные должности, совершившие менее серьезные проступки, также немедленно отстранялись от должности. Старший ревизор губернского продовольственного комитета Гринюк за «неприятие мер к упорядочению делопроизводства по учету военнообязанных» наряду с отстранением от должности, получил в виде наказания направление в дружину помощи семьям честных красноармейцев⁹.

⁵ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. С. 129.

⁶ См.: ГАПО. Ф. 863. Оп. 2. Д. 13. Л. 1.

⁷ См.: Там же. Л. 2.

⁸ См.: Там же. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁹ См.: Там же.

Необходимо отметить, что ГубЧК выясняла обстоятельства каждого дела по дезертирству в индивидуальном порядке.

Общая усталость от войны, расстройство личных домохозяйств, дефицит продуктов питания в регионе заставляли крестьян-красноармейцев покидать свои места службы с целью приобретения или сбыта сельскохозяйственной продукции. Например, солдат Шелдоисов вез по железной дороге 4,5 пуда пшена для собственного употребления, но был задержан ГубЧК и обвинен в дезертирстве. Приняв во внимание то, что обвиняемый не занимался спекуляцией, ЧК прекратила дело. Шелдоисов был отправлен на прежнее место службы¹⁰.

Уже в 1918 г. в отношении дезертиров начало применяться такое средство профилактики дезертирства как амнистия. Оно было обусловлено массовостью явления.

Заведующий Чембарским уездным земельным отделом Михаил Кузин был обвинен ГубЧК в пьянстве и укрывательстве дезертиров. Материалы дела показывают, что его вина была полностью доказана. Однако за такие серьезные деяния, как «неоднократная дискредитация Советской власти и пьянство», а также «растрата казенных денег» получил лишь 3 года лишения свободы. Назначенное наказание было применено к нему условно, в связи с амнистией, приуроченной к годовщине Октября 1920 г.¹¹.

Накладки в работе советских органов, а также трудности Советской России в области транспорта и связи приводили к тому, что силы ГубЧК расходовались зачастую впустую, так как органам безопасности приходилось проверять множество людей на причастность их к дезертирству из-за несогласованности в работе советских учреждений.

Это ярко иллюстрирует дело крестьянина села Александровка Пензенского уезда Ивана Шелкова, подозреваемого в дезертирстве. В ходе следствия было установлено, что он являлся в 1919–1920 гг. членом Белой армии Колчака. Однако его крестьянское происхождение и членство в РКП (б) позволило ему поступить на службу в шестую роту 62-го стрелкового полка г. Н. Николаевска. В декабре 1922 г. он убыл в бессрочный отпуск, т. е. был уволен в запас. В ре-

¹⁰ См.: ГАПО. Ф. 863. Оп. 2. Д. 21. Л. 6.

¹¹ См.: Там же. 24. Л.68.

зультате дело было прекращено за отсутствием состава преступления¹². Таким образом, непосредственное начальство выписало Шелкову документы о его увольнении в запас, о чем никакие другие военные органы понятия не имели, поэтому посчитали этого красноармейца дезертиром. Поэтому некоторых не явившихся в срок в свои части красноармейцев не считали дезертирами.

Итак, дезертирство в Пензенской губернии в годы гражданской войны приняло широкие масштабы. В 1919 г. более 70 % призванных по губернии на службу красноармейцев дезертировали хотя бы по разу¹³. Причиной этому было плохое состояние условий жизни красноармейцев и их семей, а также недовольство деятельностью реквизиционных отрядов Советской власти.

В таких условиях Комиссия по борьбе с дезертирством совместно с органами госбезопасности проводила работу по поимке бежавших из своих частей или сборных пунктов бойцов. Однако объективно она была обречена на низкий процент эффективности ввиду массовости и широкого размаха самого явления. Борьба с побегами из Красной армии в данном контексте являлась борьбой со следствием, а не с причиной. Органы по борьбе с дезертирством не могли победить разруху крестьянского хозяйства или изменить политику подрыва, проводимую Советской властью в деревне. Единственное, что они могли противопоставить дезертирам, — это карательный аппарат государства. Однако даже он не в силах был справиться с настоящей волной дезертирства.

¹² ГАПО. Ф. 863. Оп. 2. Д. 32. Л. 29.

¹³ *Кондрашин В. В.* Указ. соч. С. 560–561.

Власть и провинциальная наука в 1920-е годы (на материалах Саратова)

В 20-е гг. XX в. отношения власти и науки складывались сложно и неоднозначно. В начале 1920-х гг. в связи с переходом страны к новой экономической политике в университетах начали происходить некоторые изменения. В частности, университеты, открытые в царское время, еще обладали достаточным материальным и кадровым потенциалом и начали понемногу расширяться.

Но затем произошли изменения, которые в корне повлияли на развитие всей советской науки. В 1922 г. В. И. Ленин с негодованием писал «почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу¹». После этого началась борьба за вытеснение старой профессуры из университетов.

Саратовский университет был последним из основанных в до-революционное время. Это обстоятельство, а также то, что он был значительно отдален от столицы, привнесло некоторые особенности в диалог власти и науки в Саратове в 20-е гг. XX в.

Рассматривая вопрос о взаимодействии власти и науки, нельзя не упомянуть о рычагах этого самого взаимодействия. Процесс усвоения учеными новой идеологии был сложным, длительным, противоречивым. Властью применялись разнообразные формы и методы воздействия на научную интеллигенцию. В рассматриваемый период работали кружки, читались лекции и доклады на политические и философские темы в различных научных учреждениях. Активное политическое воздействие осуществлялось посредством специализированных общественных научных организаций: Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству и Секции научных работников Профсоюза работников просвещения. Утверждению нового мировоззрения ученых способствовала массово-политическая работа.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1970. Т. 45. С. 51–52.

Научные работники участвовали в различных политических собраниях, съездах, митингах общегосударственного, регионального или городского масштаба.

Важным средством идеологического воздействия была печать. В газетах и, в особенности, в специализированных журналах осуждались представители «буржуазной» идеологии, пропагандировались решения партии и Советского правительства.

Одним из главных органов государственной власти в области науки в 1920-х гг. был Наркомпрос. Структура органов Наркомпроса, имевших непосредственное отношение к науке, в эти годы менялась, отражая поиски наиболее рациональных методов проведения политики в сфере науки². Декрет ВЦИК и СНК РСФСР об учреждении Государственной комиссии по просвещению от 9 (22) ноября 1917 г. провозглашал создание наряду с 14 другими Научного отдела³. Уже в январе 1918 г., когда стали очевидными трудности привлечения научной интеллигенции, в его составе начал наиболее активно действовать Отдел мобилизации научных сил (он назывался также Отделом привлечения научных сил к делу государственного строительства)⁴. В ведении Наркомпроса находился широкий круг научных центров, начиная с Российской Академии наук и включая научно-исследовательские институты, научные общества, государственные книгохранилища и научные библиотеки, архивы, музеи, заповедники. К 1927 г. Наркомпросу были подведомственны 1415 научных учреждений⁵. Тем самым советское правительство планомерно проводило политику подчинения научного сообщества государству с полным упразднением автономий различных научных организаций.

С конца 1920 г. более последовательно стал проводиться курс на преобразование высшей школы, очищение ее от социально чуждых элементов и в студенческой, и в преподавательской среде, полное подчинение бюрократическому аппарату.

² См.: *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М., 1980. С. 35.

³ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 59–62.

⁴ См.: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 39–40.

В первой половине 20-х гг. был принят ряд декретов и постановлений СНК РСФСР о высшей школе, среди них – «О реорганизации преподавания общественных наук в вузах РСФСР» (3 декабря 1920 г.), «Положение об управлении вузами» (4 марта 1921 г.), фактически лишившее их автономии, «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» (19 сентября 1921 г.), которое можно считать первым советским уставом высшей школы, и др.⁶. Согласно «Положению о высших учебных заведениях РСФСР», административная автономия вузов упразднялась, их руководители становились ответственными советскими работниками, которых назначали, а не избирали. Главную роль в жизни вузов стали играть не Ученые советы, а правления, назначаемые Наркомпросом; в их состав входили наряду с профессорами и преподавателями представители студенчества, а также партийных и советских организаций, не имевших непосредственного отношения к вузам⁷.

Заместитель наркома просвещения РСФСР В. Н. Яковлева отмечала в 1923 г., что теперь перестроили управление вузами на комбинацию принципов выборности и назначения с перевесом в сторону последнего, что позволяло наркомату диктовать вузам свои задания. Был положен конец вузовской автономии, введенной после падения царизма, ибо это была попытка обособиться от государства, диктатура профессуры, игнорировавшая интересы студенчества и младшего преподавательского персонала. Ныне высшие органы вузов назначались, вузы полностью подчинялись государству⁸.

На фоне этих структурных перемен значительную роль в управлении вузами стали играть студенческие советы. Основной силой в этих советах были представители так называемых рабочих факультетов. На первом партийном совещании по народному образованию в Москве (конец 1920 – начало 1921 г.) рабочие факультеты были названы орудием пролетаризации высшей школы, создание их было признано ударной задачей⁹. Ввиду такого положения вещей рабфаковцы стремились максимально захватить власть в вузах. Студенческие собрания, на которых избирались кандидаты в студенческий комитет, превращались в

⁶ См.: Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С.119–120.

⁷ См.: История Саратовского университета.1909-2009: В 2 т. Саратов, 2009. Т. 1. С. 105.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М., 1931. С. 355.

арену острых схваток «...различных политических группировок, существовавших, разумеется, подспудно, негласно, в стенах вуза...»¹⁰, – писал в своих воспоминаниях И. Гольц, тогда студент Саратовского кооперативного экономического института.

Не согласны были преподаватели и с заменой лекций практическими занятиями. Так, профессор В. В. Голубев в ноябре 1924 г. выступил на Саратовской губернской конференции научных работников против отмены лекций, заявив, что хорошие лекции дают студентам материал, который они не найдут ни в одном учебнике¹¹.

Усиление гонений на научных работников в Саратовском университете проявилось особенно ярко. В «Докладной записке ГПУ в Политбюро ЦК РКП (б) в июне 1921 г. указывалось, что антисоветские профессура и студенчество ведут контрреволюционную работу в двух направлениях: борьба за «автономию» высшей школы и улучшение материального положения профессоров и студентов¹².

Обследовавший Саратовскую губернию в марте 1921 г. инструктор ЦК РКП (б) докладывал, что Саратов подобен Кронштадту, здесь идет подготовка к свержению советской власти. «В ней участвуют профессора университета Зёрнов, Какушкин и др., выступавшие в церквах в черносотенно-монархическом духе»¹³. Еще в 1920 г. был арестован и посажен в Таганскую тюрьму профессор Саратовского университета Б. М. Соколов, а в марте 1921 г. аресту подверглись ректор университета В. Д. Зёрнов, профессора И. Н. Быстренин и Н. М. Какушкин, которых местные чекисты отправили в Москву, где ученые просидели несколько месяцев в Лефортовской и Бутырской тюрьмах. Они обвинялись в антисоветской деятельности, религиозной пропаганде и т. п.¹⁴.

В связи с гонениями на старую профессуру часть ученых была вынуждена покинуть страну, другая попала в лагеря, а остальные приспособлялись, так или иначе, к новому режиму.

Несмотря на все принимавшиеся партийными и советскими органами меры, даже к середине 1920-х гг. не удалось коренным образом

¹⁰ Гольц И. По дорогам и ухабам жизни. Иерусалим, 2003. С. 94.

¹¹ См.: ГАНИСО. Ф. 6107. Д. 44. Л. 15.

¹² См.: История Саратовского университета... С. 109.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 23. Л. 4.

¹⁴ См.: История Саратовского университета... С. 109.

изменить состав преподавателей и студентов университетов. Так, в СГУ на 1 февраля 1925 г из 65 профессоров только 2 были коммунистами, а всего из 708 преподавателей и сотрудников университета в РКП (б) и РЛКСМ состоял 61 человек (8,6%)¹⁵.

Значительно осложнял работу научных сотрудников факт постоянных реорганизаций структуры и сети высших учебных заведений. Только за 1923–1925 гг. СНК РСФСР принял 5 постановлений об изменениях в научных учреждениях и высших учебных заведениях¹⁶. В дореволюционной России структура Саратовского университета длительное время состояла из четырех факультетов, а в течение 1920-х гг. она претерпела множество изменений: то в университет включались новые факультеты, то изымались, на их базе открывались новые институты; одни факультеты объединялись, другие ликвидировались. Так, в 1921 г. при ликвидации Политехнического института в университет были влиты факультеты путей сообщения и гидротехнический. В 1922 г. они снова были выведены из состава университета. В 1922 г. в состав университета был включен Саратовский институт народного образования, в 1923 г. – институт народного хозяйства (в качестве экономического факультета)¹⁷.

Взятый советским руководством курс на пролетаризацию студенчества и замену старых преподавателей новыми, привел к тому, что с 1922 г. в стране начали меняться взаимоотношения основной массы преподавателей и органов советской власти. На проходившей в Саратове 29 декабря 1923 г. конференции научных работников шел разговор о необходимости сближения ученых и органов Советской власти. Об этом шла речь в выступлениях профессоров университета А. А. Богомольца, В. В. Вормса, В. С. Елпатьевского, отмечавших, что в самые тяжелые времена только университет из всех вузов Саратова работал без перерывов, выпускал специалистов, проводил лекции и практические занятия¹⁸.

Политика Советского государства в области науки в 1920-х гг. находилась в фазе своего формирования и эволюционировала от

¹⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1290. Л.3.

¹⁶ См.: История Саратовского университета... С. 110.

¹⁷ См.: Саратовский Государственный Университет им. Н.Г. Чернышевского, 1909–1934. Саратов, 1935. С. 7–8.

¹⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 44.

попыток кардинально реформировать научную сферу в годы первой пятилетки к полному отказу от нововведений, которые на практике показали совершенно негативные результаты.

Взаимоотношения Советской власти и науки в 1920-е гг. имели сложную и во многом противоречивую судьбу. С одной стороны, можно отметить положительные моменты, которые выражались в увеличении финансирования государства в научную сферу. В то же время существовал и ряд серьезных осложняющих факторов. Прежде всего, это введение административно-командных методов руководства научной сферой и идеологизация советской науки. Тотальное доминирование марксистской идеологии на многие годы определило однобокое развитие отечественной науки. Кроме того, негативно сказались массовые репрессии и изоляция советских ученых от мирового сообщества.

Взаимодействие бизнеса и государства как условие развития рыночной системы

Корпорации, представляющие собой подсистему сложной системной триады «государство-общество-экономика», не существуют в ней изолированно и не могут игнорировать интересы государства и общества, с которыми они взаимодействуют. Поэтому бизнес всегда должен соотносить и соразмерять с ними свои собственные интересы, адекватно реагировать на изменения политики, экономической системы и институциональной структуры общества.

Невозможность формирования, становления и успешного развития социальной рыночной экономики вне конструктивной взаимосвязи бизнеса, органов власти и общества признается многими обществоведами и экономистами. На современном этапе развития России налаживание конструктивных и социально полезных взаимосвязей в каждой из областей: «органы государственной власти – бизнес», «общество – бизнес» и в самом бизнес-сообществе («бизнес-бизнес») приобрело чрезвычайную актуальность.

Бизнес играет в экономике центральную роль, в нем сконцентрированы колоссальные творческие и интеллектуальные ресурсы, и перед государством особо остро стоит вопрос регулирования направленности использования этого потенциала. Требуется гармонизация общественных интересов, с одной стороны, и частных коммерческих интересов – с другой. Задача эта очень сложна, поскольку подавляющее число предпринимателей во главу угла ставит доходность своего бизнеса, стремясь переложить решение социальных проблем на государство.

Однако в сегодняшних условиях бизнес начинает осознавать свою ответственность и необходимость активного социального партнерства с государством в широком смысле этого понятия. Российский деловой менеджмент начинает проникаться идеей, что ни бизнесу без помощи государства в мировой экономике не выжить, ни государству без отечественного бизнеса не выполнить своих со-

циальных функций и не обеспечить последнему определенный уровень устойчивости существования.

В силу определенных причин государство не может обеспечить финансирование социальной сферы, поэтому решение социальных проблем пенсионного, медицинского и социального страхования, переподготовки и повышения квалификации кадров ожидают от корпоративных структур. К тому же корпорации призваны не только наладить планирование и прогнозирование экономической деятельности, но и продемонстрировать новый уровень взаимоотношений в управлении и социальной жизни коллектива.

Реализация социальной политики, ориентированной на кардинальное улучшение жизни граждан России, возможна только на основе корпоративной социальной ответственности государственных органов всех уровней власти, всего делового сообщества и общественных организаций, устойчивого экономического роста как в целом в экономике государства, так на отдельном предприятии. Решение социальных проблем во многом зависит от эффективности работы отечественных предприятий и организаций.

Социально ответственный бизнес лучше работает, привлекая инвестиции и удерживая высококлассных работников, – так считают современные экономисты.

Для эффективного функционирования бизнеса необходимы предсказуемость процессов развития экономики, общества и институциональной среды, отсутствие экономических кризисов и устойчивость социально-трудовых отношений. Поэтому корпорации вынуждены разрабатывать и осуществлять многие мероприятия, обеспечивающие макроэкономическую и социальную стабильность и прогнозируемость социально-экономических процессов. К тому же развитие и улучшение социальной инфраструктуры и институциональной среды соответствуют долгосрочным интересам бизнеса. Приверженность и следование принципам социальной ответственности на практике повышают жизнеспособность и эффективность предпринимательской системы. Практическая реализация социально ответственной политики способствует легитимизации и повышению доверия к корпорациям со стороны общества. В долгосрочном плане социальная ответственность корпорации способна повысить не только доверие потребителей к продукции, производимой дан-

ной корпорацией, но и ее финансовую привлекательность, курс акций. При умелом ведении бизнеса решение социальных проблем в конечном счете может стать прибыльным делом.

Однако, на наш взгляд, стоит разграничивать понятия «социальной ответственности» и «юридической ответственности».

Юридическая ответственность определяется как «государственная ответственность к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом»¹. В отличие от юридической социальная ответственность подразумевает добровольный отклик, желание и конструктивное воздействие субъекта социальных и экономических отношений (государственного органа, хозяйствующего субъекта или физического лица), направленные на решение социальных проблем. Такое добровольное желание и конструктивное воздействие имеют место и проявляются в отношениях, взаимодействиях и поведении, которые не регламентируются правилами, нормами и требованиями, определяемыми действующим законодательством и регулирующими органами, в дополнение к установленным законом правилам, нормам и требованиям.

Понятие социальной ответственности рассматривается в рамках нескольких концепций. Одна из них заключается в том, что корпорации имеют договорные отношения по отношению к государству. Поскольку государство дает возможность им развиваться и использовать как природные, так и человеческие ресурсы, существует скрытый договор между компанией и государством. На данных взаимоотношениях основаны требования к компаниям о принятии на себя социальной ответственности. С договорной концепцией связана идея: если корпорация не работает ответственно или если она не может найти приемлемого соотношения между интересами социальных партнеров, государство посредством политического процесса может и должно будет накладывать на бизнес все больше предписаний.

Другая концепция корпоративной социальной ответственности гласит: «Корпорации несут не только экономическую, но и со-

¹ См.: Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 503.

циальную миссию». Концепция подчеркивает, что предприятие несет ответственность не только перед инвесторами, но и перед теми социальными субъектами, кого затрагивают его решения и действия.

По мнению профессора Калифорнийского университета С. Сети, поведение и деятельность корпораций можно оценивать с трех аспектах:

– как социальную обязанность – поведение и деятельность в рамках юридических законов и законодательных ограничений рыночной экономики;

– социальную ответственность – деятельность, связанную с опережающими требованиями, – «до того, как социальные ожидания будут кодифицированы в законе»², и, согласно К. Дэвису, подчиняющейся «закону социальной ответственности», суть которого состоит в утверждении: «В конечном счете, те, кто использует власть не таким путем, какой общество считает ответственным, могут утратить ее»³;

– социальную отзывчивость, суть которой, по С. Сети, состоит в следующем утверждении: «Корпорации должны быть инициаторами в разработке и реализации политики и программ, направленных на минимизацию побочных негативных последствий их настоящих и будущих операций, прежде чем эти последствия примут кризисные масштабы»⁴.

Таким образом, проблема взаимоотношения бизнеса и государства выходит на новый уровень взаимоотношений. Хотя рыночная экономика по своему определению в теории предусматривает разгосударствление экономических и социальных процессов, это отнюдь не означает, что государство должно быть полностью отстранено от регулирования экономических процессов на макроуровне, формирования социально справедливых и взаимно ответственных отношений между всеми экономическими субъектами. Даже основоположники классического либерализма, обосновывая

² *Sethi S. P. Japanese Business and Social Conflict. A Comparative Analysis of Response Patterns with American Business. Cambridge (Mass), 1975. P. 19.*

³ *Davis K. The Meaning and Scope of Social Responsibility // Contemporary Management. Issues and Viewpoints. Englewood Cliffs. 1974. P. 630.*

⁴ *Sethi S.P. Op. cit. P. 20.*

принципы *laissez-faire*, свободной конкуренции и свободного рынка, а также концепцию государства – «ночного сторожа», вынуждены были признавать, что государство обязано выполнять целый ряд функций, призванных обеспечивать жизнеспособность и эффективность экономической системы.

В экономической литературе отмечается новая модель отношений российского государства и бизнеса – неокорпоративизм, которая предполагает представительство интересов, осуществляемое по различным каналам теми организациями, кому публичная власть позволяет занять привилегированную позицию в состязательном процессе, который ведут некоммерческие организации, в частности бизнес-ассоциации, вне правительства за установление институционального механизма взаимодействия с законодательной и исполнительной властью. Условием развития отношений данного типа является наличие сильных и структурированных организаций, представляющих интересы капитала, которые обладают возможностью выступать консолидированной позицией. Однако негативными чертами неокорпоративизма могут стать государственный патернализм, снижение роли общественных союзов и объединений, которые становятся «приводными ремнями» государственной политики, а также «огосударствление» данных союзов и объединений. Однако, именно неокорпоративная модель способствует протеканию конфликтов интересов бизнеса и государства в современной России в рамках институционального механизма.

В современных российских условиях одной из эффективных форм взаимодействия трех основных общественных секторов – государственного, коммерческого и гражданского – становится «социальное партнерство», приобретающее все большее значение как инструмент регулирования социально-трудовых отношений. Социальное партнерство – особый инструмент гражданского общества, основанный на признании необходимости и ценности всех социальных групп, образующих структуру общества, безотносительно к численности и социальному статусу и их праву отстаивать и практически реализовывать интересы.

Основным принципом в данном случае является следующее утверждение: партнерские отношения в обществе возможны лишь при условии социальной ориентации рыночной экономики, когда

во главу угла ставится не жажда получения прибыли любой ценой, а удовлетворение потребностей общества, обеспечение высокого уровня благосостояния его членов.

Политико-правовыми условиями эффективно действующей системы социального партнерства выступают:

– развитые формы демократии, когда права и свободы личности не только декларируются, но и гарантируются в соответствии с международными нормами;

– свободное создание и деятельность партий и движений, отстаивающих политические интересы основных социальных слоев, классов.

В идеологии социального партнерства западные специалисты на первое место ставят процедуры согласования и консультаций на различных уровнях между объединениями работодателей и профсоюзами. В рамках такого диалога обсуждаются социально-экономические проблемы, разрабатываются меры по защите корпоративных интересов сторон.

Касаясь диалога на уровне предприятий, организаций всех форм собственности, то показателем его эффективности может служить численность заключаемых коллективных договоров. Она, как известно, составляет 5% от общего количества зарегистрированных в России организаций. В общей сложности ими охватывается немногим более 50% от среднесписочной численности работников. Большинство договоров заключается в организациях государственной и муниципальной собственности.

В результате экономических реформ меняется структура отношений между бизнесом и социумом. Общество ожидает от предпринимателей не только качественных товаров и услуг по приемлемой цене, но и социальной стабильности, не только демонстрации высоких экономических результатов, но и реального содействия достижению своих социальных целей, что способствует возрождению общенациональных ценностей. Решать эти задачи можно лишь на основе каждодневной совместной работы государства, бизнеса и структур гражданского общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*

Абубикерова Эльмира Фаритовна – аспирантка Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Авдони́на Наталья Сергеевна – аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета.

Адамова Людмила Геннадьевна – аспирантка Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Андреев Константин Михайлович – студент Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара.

Бабинцев Роман Владимирович – студент специальности «История» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Головчинская Анна Григорьевна – студентка специальности «История» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Дятлов Виталий Андреевич – аспирант Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

Евсеев Николай Олегович – студент специальности «История» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Еленович Антон Ильич – аспирант Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Ещин Сергей Валерьевич – аспирант Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

Калмыкова Анна Аркадьевна – студентка специальности «История» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Кочережко Сергей Сергеевич – студент Самарского государственного университета.

Лайкова Валентина Викторовна – студентка специальности «Искусствоведение» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

* Сведения приводятся по состоянию на апрель 2011 года.

Лобанов Александр Михайлович – студент Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Лукоянова Мария Александровна – студентка специальности «История» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Минченя Екатерина Алексеевна – студентка специальности «Искусствоведение» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Морозов Сергей Михайлович – аспирант Самарского государственного университета.

Островский Артем Александрович – соискатель Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Ратунова Диана Вячеславовна – студентка специальности «Международные отношения» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Рац Борис Маркович – аспирант Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

Родимцев Андрей Александрович – студент специальности «История» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Смирнова Ольга Михайловна – студентка специальности «Социально-культурный сервис и туризм» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Тимиржанов Джанша Даулитиярович – соискатель Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Шамарина Олеся Александровна – студентка специальности «Международные отношения» Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Шелестин Владимир – аспирант Государственного университета гуманитарных наук, г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Шелестин В.Ю.

Хантили I и Тахурваили: внешнеполитические
устремления нечестивых правителей 3

Лобанов А.М.

Переговоры 1439 года в Кале в контексте
англо-бургундских отношений: Аррас наоборот? 16

Шамарина О.А.

У истоков советско-турецких отношений:
миссия М.В. Фрунзе 25

Евсеев Н.О.

Количество советских военнопленных
в концентрационном лагере «Бухенвальд» (1941–1945) 32

Ратунова Д.В.

Визит президента Латвии в Москву
в контексте российско-латвийского диалога 36

Авдонина Н.С.

Природа вооруженного конфликта
в информационном обществе 41

Смирнова О.М.

Храм Бёдоин как объект познавательного туризма 51

РАЗДЕЛ II. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИИ

Родимцев А.А.

Участники крестовых походов в восприятии Гельмольда
(по записям «Chronica Slavorum», 1147–1149 гг.) 56

Рац Б.М.

Джон Уильям Дрэпер об особенностях
исторического развития США 64

Морозов С.М.

Макс Брод (1884–1968) и стратегии
преодоления кризиса национальной идентичности 69

<i>Головчинская А.Г.</i>	
Эволюция свободы слова в России (XX— начало XXI вв.)	78

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

<i>Кочережко С.С.</i>	
Дворянские представления о причинах восстания 1773–1775 годов	83
<i>Островский А.А.</i>	
Городские жители Российской империи о реформировании общественного управления (по материалам городских комиссий 1862 г.)	93
<i>Лайкова В.В.</i>	
Бесценная находка: первая видеосъемка «Русских сезонов» С.П. Дягилева	98
<i>Лайкова В.В., Минченя Е.А.</i>	
«Расстроенный Фавн», или другой взгляд на «Русские сезоны»	102

РАЗДЕЛ IV. АРХЕОЛОГИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бабинцев Р.В.</i>	
К вопросу о реконструкции и утилитарном использовании наборных поясов Салтово-Маяцкой культуры	108
<i>Андреев К.М.</i>	
Область распространения керамики Елшанской культуры	117
<i>Лукоянова М.А.</i>	
Жизнь верхневолжских малых городов в конце XVIII века (по данным «Словаря» А. М. Щекатова)	126
<i>Дятлов В. А.</i>	
Провинциальный чиновник Российской империи первой половины XIX века	130

<i>Тимиржанов Д.Д.</i>	
Землевладение и землепользование крестьян Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века	137
<i>Адамова Л.Г.</i>	
Школа огнестойкого строительства в Саратове в начале XX века.....	146
<i>Калмыкова А.А.</i>	
Выстрел в доме губернатора	151
<i>Ещин С.В.</i>	
Борьба ВЧК с дезертирством в Красной армии в годы Гражданской войны (на материале Пензенской губернии)	157
<i>Абубикерова Э.Ф.</i>	
Власть и провинциальная наука в 1920-е годы (на материалах Саратова)	161
<i>Еленович А.И.</i>	
Взаимодействие бизнеса и государства Как условие развития рыночной системы.....	167
Сведения об авторах	173
Содержание	175

Для заметок

Для заметок

Научное издание

НОВЫЙ ВЕК:
ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

сборник научных трудов аспирантов и студентов

Сборник выходит в авторской редакции

Ответственная за выпуск: *Л. Н. Чернова*

Работы выходят в авторской редакции

Оригинал-макет подготовил А. В. Лопатин, И. А. Дорошин

Подписано в печать 15.11.2011. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Баскервилль. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,46 (11,25). Уч.-изд. л. 7,35. Тираж 150 экз.

Издательство Саратовского университета.

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А, VIII корп. СГУ.